

11-86

146.

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

**ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ**

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ

146

**СЛАВЯНО-РУССКИЕ
ДРЕВНОСТИ**

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ

146

СЛАВЯНО-РУССКИЕ
ДРЕВНОСТИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

МОСКВА 1976

СТАТЬИ

Г. П. СМЕРНОВА

ЛЕПНАЯ КЕРАМИКА ДРЕВНЕГО НОВГОРОДА

Редакционная коллегия:

Н. Н. Воронин, О. С. Гадзяцкая (ответственный секретарь), Н. Н. Гурина,
И. Т. Кругликова (ответственный редактор),
К. Х. Кушнарева, А. Ф. Медведев, Н. Я. Мерперт, Р. М. Мунчаев,
П. А. Раппопорт (зам. ответственного редактора),
В. В. Седов (зам. ответственного редактора),
Д. Б. Шелов, А. Л. Якобсон

Самый древний слой Новгорода датируется на основе дендрохронологии серединой X в. Этой дате, на первый взгляд, не противоречит и вещевой материал. Однако среди керамики, характерной для X в., в нижнем горизонте Неревского раскопа (ярусы 26—28) встречены обломки сосудов ранних гончарных форм, аналогии которым имеются на средневековых памятниках Польши и ГДР, где они датируются более ранним временем¹.

В древнейшем слое найдена и архаичная лепная посуда. Количество лепной керамики в Новгороде невелико². На девятнадцати раскопах (XV—XXXIII) найдено 194 венчика от разных сосудов, 24 днища и 5 целых горшков, а также 3 обломка мисок и 1 обломок сковороды. Гончарная керамика в этом же слое представлена более 9,5 тыс. обломков венчиков и 12 целыми сосудами.

Лепная посуда распределена на раскопанной площади неравномерно³. Наибольшее ее количество найдено на раскопах XVII—XX, XXXI—XXXIII (рис. 1).

Лепная посуда формовалась спиральным или кольцевым налепом. Иногда эти два способа сочетались. Ширина лент и колец 3,5—5 см, лишь в редких случаях они бывают уже — 1,8—2 см. Днища изготовлялись из плоской лепешки, иногда их заготовка имела форму блюдечка. Толщина днищ от 0,7 до 1,8 см. Обычно они плоские, края выступают, иногда на них видны вдавления пальцев.

Тесто — с примесью дресвы, содержащей большое количество кварца и слюды, изредка встречается примесь песка.

Поверхность сосудов шероховатая из-за выступающих на ней крупных зерен дресвы, которые при заглаживании оставляли на стенках глубокие борозды. У большей части сосудов поверхность покрыта тонким слоем обмазки, на пяти обломках и на одном целом сосуде имеется лощение.

Обжиг слабый, черепок рыхлый, легко крошится, в изломе трехслойный. Цвет сосудов различен — серо-розовый, серый, коричневатобурый и углисто-черный.

Сосуды большей частью сделаны довольно тщательно, симметричны. Встречаются обломки лепных горшков, верхняя часть которых подправлена на круге.

Среди лепной керамики преобладают разнообразные по форме горшки.

Поскольку материал в основном фрагментарен, выделение типов производилось по профилю верхней части сосуда, а когда было воз-

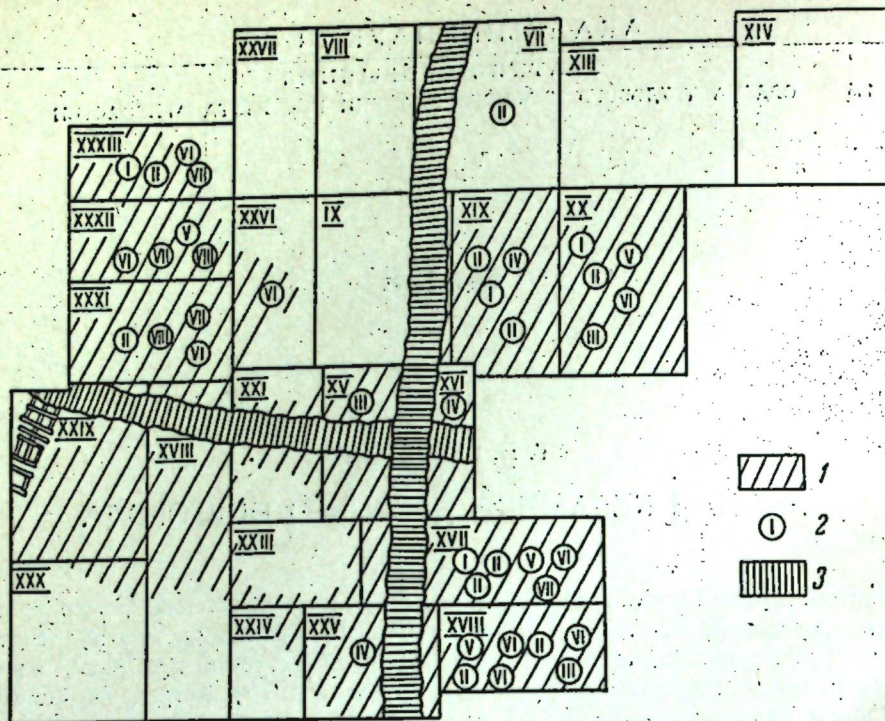

Рис. 1. Топография находок лепной керамики

1 — участки с доярским слоем; 2 — типы лепной керамики; 3 — мостовые Великой и Козьмодемьянской улиц

можно, — по форме всего сосуда, при этом учитывались его пропорции. По положению и форме шейки выделены виды, а по деталям венчика — варианты. На основании этого принципа лепная посуда Новгорода разделена на 8 типов, 3 вида и 22 варианта (рис. 2; 3).

Тип I представлен слабопрофилированными сосудами с прямой горловиной и заостренным венчиком, край которого иногда слегка отогнут.

Сосуды типа I найдены только в обломках. Диаметры верхней части сосудов от 9 до 15,2 см; наибольшие диаметры тулова превышают эти размеры на 1,5—1,8 см. Толщина стенок 0,7—0,9 см.

На одном из фрагментов имеется орнамент из двух параллельных линий и двойных или тройных коротких косых линий, образующих узор в виде углов (рис. 4, 1).

Аналогичный орнамент имеется на фрагменте сосуда такой же формы, найденном в 1910 г. в Старой Ладогѣ⁴. Я. В. Станкевич отнесла сосуды с заостренным венчиком и слабопрофилированным туловом из горизонтов Е₂ и Е₁ Старой Ладогѣ к вариантам «г» и «д» типа II⁵. Горшки аналогичной формы найдены и на Гнездовском селище⁶.

К типу II относится наиболее многочисленная группа лепной керамики Новгорода. Она представлена ребристыми сосудами, у которых высокая выгнутая шейка переходит в конусовидное тулово через утолщенное ребро. Размеры горшков этого типа различны: диаметр верхнего края от 14 до 22 см; наибольший диаметр тулова, расположенный в верхней трети сосуда, на 2—2,5 см больше. Толщина стенок 0,7—0,9 см.

По форме венчика сосуды типа II разделены на пять вариантов. Горшки варианта А имеют утолщенный овальный в сечении венчик; варианта Б — утолщенный выдвинутый наружу венчик, уплощенный сверху. Очень близки по форме к венчикам варианта Б венчики варианта В, но они менее массивны и часто верх у них косо срезан внутрь. Венчики варианта Г округлены, а варианта Д — заострены, край у них иногда

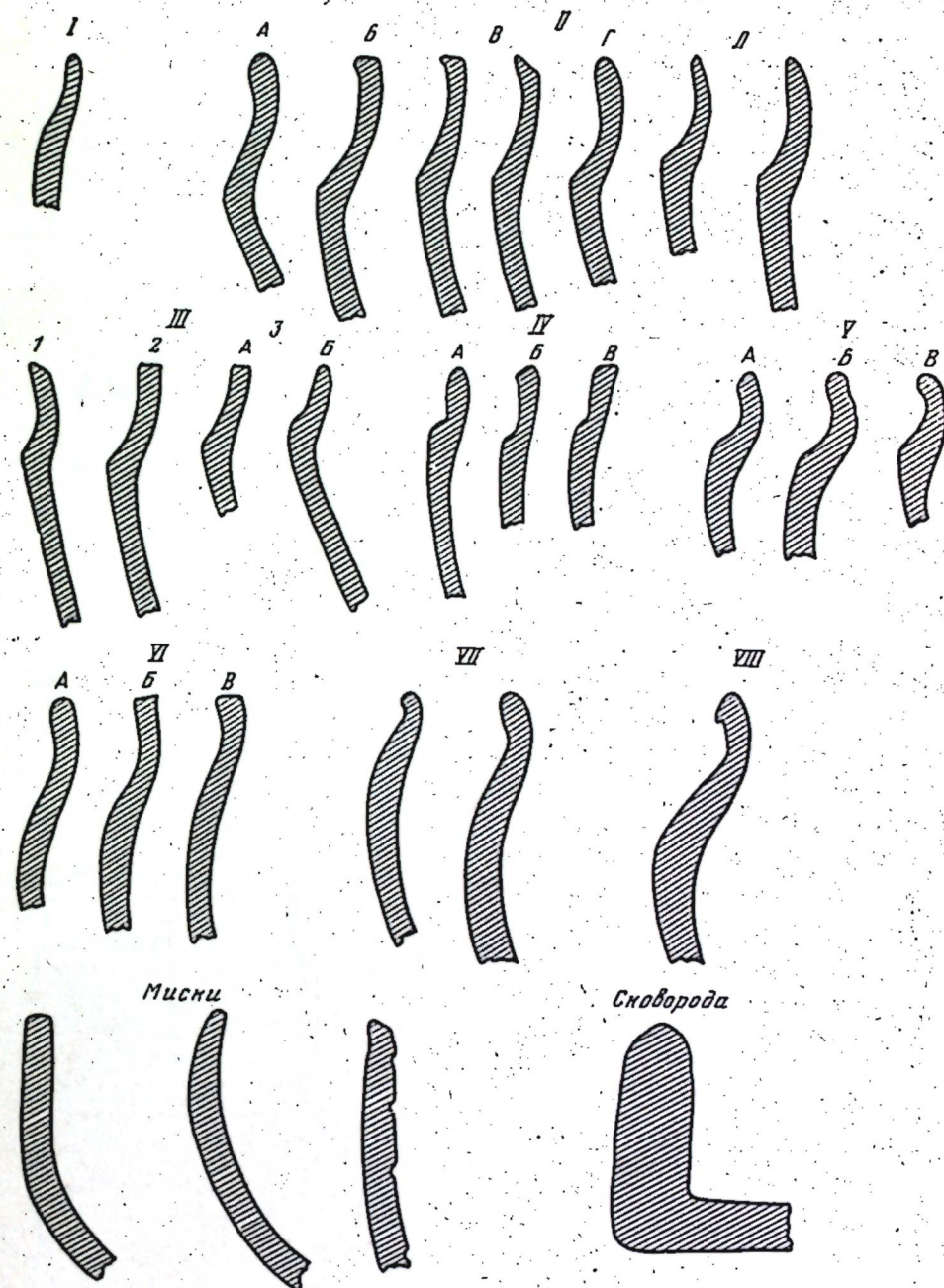

Рис. 2. Типология лепной керамики

снаружи срезан ножом. Некоторые сосуды варианта Д, обнаруженные в ярусах 26 и 27, подправлены на гончарном круге.

Орнамент на сосудах типа II редок. Обычно это отпечатки пальцев, иногда — полой палочки или трубчатой кости, образующие узор в виде колец (рис. 4, 3). На некоторых подправленных на круге сосудах имеется волнистый орнамент (рис. 4, 2). Обломки горшков варианта Д найдены в Новгороде также на раскопах II и V⁷.

Ребристые сосуды, аналогичные горшкам вариантов А, Б и В, широко распространены на средневековых памятниках северо-запада европейской части СССР. Они встречаются в новгородских сопках⁸, на поселении на берегу реки Прость⁹. Обломки горшков варианта Б обнаружены на

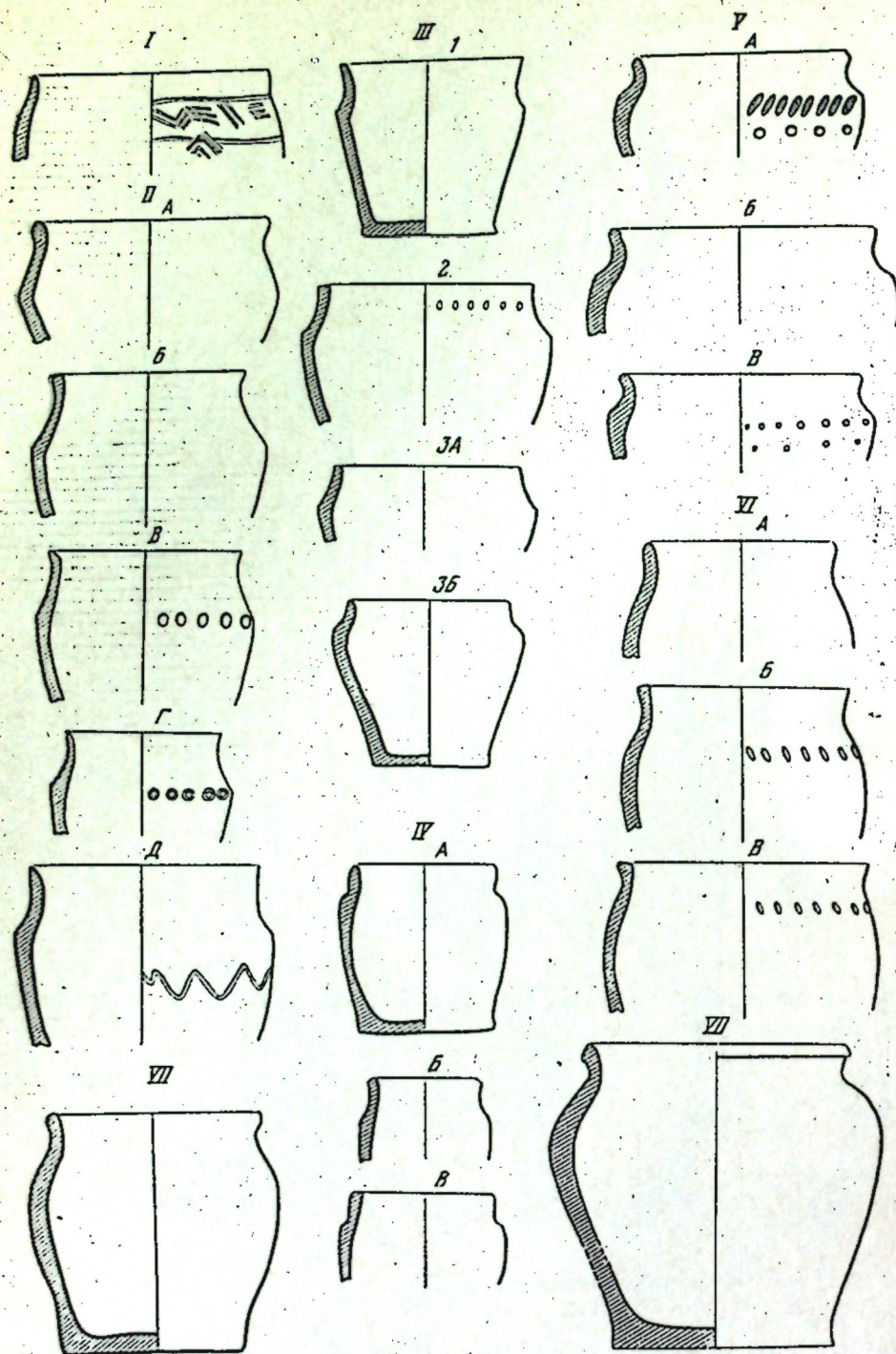

Рис. 3. Формы лепной керамики

поселении Узмень в Псковской области, которое Р. С. Минасян датирует второй половиной I тысячелетия н. э.¹⁰ Обломки горшков вариантов А и Б найдены в горизонтах Е₃ и Е₂ в Старой Ладоге. Я. В. Станкевич отнесла их к типу III¹¹.

Г. Ф. Корзухина датировала горизонты Е₃ и Е₂ Старой Ладоги VIII—началом IX в.¹² Тем же временем датируется аналогичная керамика на славянских памятниках Польши¹³ и междуречья Эльбы и Одры¹⁴.

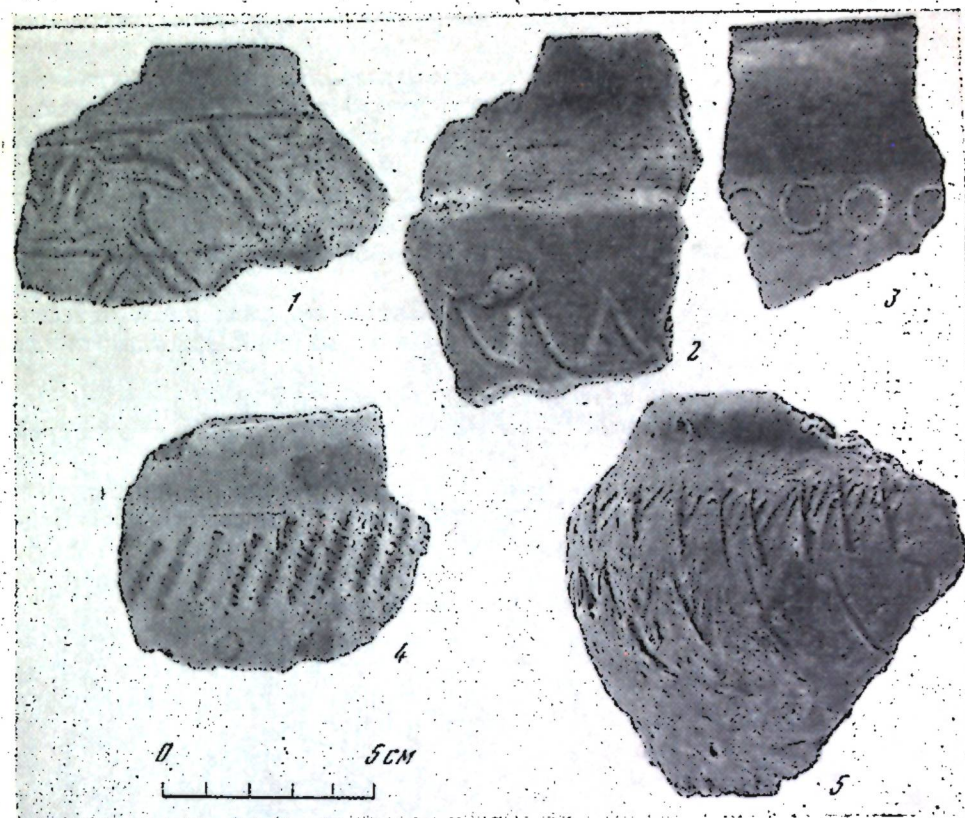

Рис. 4. Фрагменты лепной керамики с орнаментом

Ребристые сосуды найдены и на более поздних памятниках. Так, их много в Белоозере, в слое, который Л. А. Голубева датирует X—началом XI в.¹⁵ Но здесь они носят явно пережиточный характер.

У сосудов типа III при переходе шейки в тулово также есть ребро, расположенное обычно в верхней четверти сосуда. Шейка не имеет характерного для сосудов типа II выгиба: она или слабо отогнута, или поставлена вертикально, или слегка западает внутрь. По положению шейки сосуды типа III разделены на три вида; вид 3 имеет варианты А и Б—с прямым срезом венчика и с округлым краем.

Сосуд вида 1, найденный на раскопе XX в доярском слое (рис. 3), имеет следующие размеры: диаметр тулова 11,3 см, диаметр дна 7,5 см, высота 10 см. У другого горшка (вид 3, вариант Б) диаметр венчика 9,5 см, диаметр тулова 10,3 см, диаметр дна 7 см, высота 9,7 см. Толщина стенок 0,7—0,8 см.

Сосуды типа III лишены орнамента.

Керамика, аналогичная сосудам типа III, найдена на поселении на берегу р. Прость¹⁶, в горизонтах Е₂ и Е₁ Старой Ладоги¹⁷ и в большом количестве—в Городке на Ловати¹⁸.

Тип IV представлен небольшими горшками баночной формы с прямым горлом и уступом на плечике, расположенным в верхней четверти их высоты. Днище широкое с выступающими краями. По деталям венчика сосуды этого типа разделяются на три варианта. Целый сосуд варианта А, найденный на раскопе XXV в слое яруса 28, имеет диаметр венчика 8,3 см, диаметр тулова 10 см, диаметр дна 8 см, высота 9,5 см.

Орнамент на сосудах типа IV нет.

Лепная керамика баночной формы с прямым горлом редко встречается на славянских памятниках северо-запада европейской части СССР. Она

найдена в приладожских курганах¹⁹, один сосуд — в кургане у дер. Любытино на Мсте²⁰.

Сосуды типа V найдены только в обломках. Они имеют отогнутый наружу венчик, низкую округлую шейку и ребро на утолщенном плечике. Судя по кривизне стенок, тулово горшков этого типа было округлым, резко суживалось к днищу. Выделены три варианта. У сосудов варианта А край венчика скошен снаружи, у Б — округлен, у В — венчик отогнут больше, чем в первых двух вариантах, и слегка загнут вниз. Диаметры верхнего края сосудов варьируют от 12 до 18 см, наибольший диаметр тулова на 2—2,5 см больше.

На горшках типа V встречается орнамент из круглых ямок, нанесенных плоской палочкой, и отпечатков обмотанной палочки. Иногда эти два элемента сочетаются (рис. 4, 4).

Сосуды, аналогичные керамике типа V, найдены в Городке на Ловати²¹, в Городце под Лугой²², на Гнездовском селище²³ и в Старой Ладог²⁴.

Тип VI представлен слабопрофилированными горшками с пологим плечиком, расположенным между верхней третью высоты сосуда. Венчик, слегка отогнутый наружу, округлен (вариант А) или уплощен сверху, образуя небольшой выступ на внутренней стороне (Б). У сосудов варианта В выступающий наружу венчик уплощен сверху.

Сосуды варианта А в ярусах 26 и 27 имеют более четкую профилировку шейки, а венчик у них сильнее отогнут наружу. Среди этой группы керамики есть фрагменты сосудов, подправленных на круге. Аналогичная по форме керамика известна и среди гончарной посуды.

Диаметры верхнего края у горшков типа VI колеблются от 11 до 22 см, наибольший диаметр тулова у ранних форм больше на 1—1,5 см, у поздних — на 2—2,5 см. Орнамент на сосудах варианта А более развитых поздних форм волнистый. На сосудах вариантов Б и В по плечу нанесен узор из овальных ямок.

Керамика, аналогичная сосудам варианта А, встречается в новгородских сопках²⁵, сходная с сосудами варианта Б — в курганах на Мсте²⁶, с сосудах варианта В — на Рюриковом городище²⁷.

Сосуды типа VII имеют округлое тулово, низ которого сильно выгнут, венчик округлый (вариант А) или овальный в сечении, отогнут наружу (вариант Б), шейки нет. Днище толстое (до 1 см), края его слегка выступают.

Сосуд типа VII варианта Б, найденный в раскопе XXXI, имел диаметр верхнего края 13 см, наибольший диаметр тулова, расположенный в середине высоты, 15,8 см, диаметр днища 11 см. Высота горшка 14,7 см. Стенки толстые — 0,9—1,3 см. Орнамент отмечен только на одном сосуде — две волнистые неровные линии в верхней части.

К типу VIII относится черная лощеная посуда: пять обломков от разных сосудов и четыре — от одного, форму которого можно восстановить полностью. Эти четыре обломка найдены на раскопе XXXII в слое яруса 27. Венчик горшка утолщен, округлен сверху и подрезан снизу, он как бы нависает над наклонной низкой шейкой. Сильно утолщенные, раздутые плечики расположены в верхней трети сосуда. Низ тулова выгнут. Днище толстое (1,2 см), края его выступают наружу и на них есть вдавления пальцев. Высота горшка 18,5 см, диаметр верхнего края 16 см, наибольший диаметр тулова 21 см, диаметр днища 13,5 см. Толщина стенок 1—1,3 см.

В ярусах 27—28 найдено восемь обломков маленьких горшочков с прямыми и слабоотогнутым венчиком.

В коллекции лепной керамики из Неревского раскопа есть три обломка мисок (рис. 2). В ярусе 28 на раскопе XVII обнаружен фрагмент серой миски, сформованной из двух колец. Вертикальные в верхней части стенки сильно выгнуты к днищу. Край имеет прямой срез. Обломок

черной лощеной миски с заостренным краем найден в слое яруса 27 на раскопе XXXI. На этом же раскопе в ярусе 26 обнаружен обломок третьей глубокой миски, скорее мискообразного сосуда. Он сформован из колец шириной 1,8—2 см. В тесте — примесь дресвы, сосуд хорошо обожжен и имеет розовый цвет. Стенки его слегка выгнуты в средней части, край косо срезан внутрь.

Единственный обломок лепной сковороды обнаружен в слое ниже яруса 28 (пласт 32) на раскопе XVII. Сковорода имела вертикальный бортик высотой 6 см, толщина стенки 1,8 см и диаметр 20—22 см.

* * *

В связи с рассмотренной лепной керамикой можно сделать два предположения: либо в Новгороде долго бытовали архаичные формы лепной керамики, либо на Неревском раскопе имелись культурные отложения более древние, чем середины X в. (ярус 28).

Первое предположение отпадает: если бы лепная посуда в Новгороде была пережиточным явлением, то она встречалась бы здесь в большом количестве. Так, в Белоозере лепная посуда в огромном количестве употреблялась до XII в. Белоозерская лепная керамика часто повторяет формы гончарной посуды²⁸. Этого нет в Новгороде.

Анализируя второе предположение, мы сопоставили уровни залегания лаг мостовой 28 и материка. Оказалось, что под нижней мостовой Козьмодемьянской улицы имелся культурный слой толщиной от 14 до 37 см (раскопы XV, XXXI), под нижней мостовой Великой улицы — от 27 (раскоп XVI) до 53 (раскоп XVII) см. Наибольшую мощность (63—98 см) доярусный слой имел на раскопах XVII—XX. Отложение культурного слоя до сооружения первой мостовой невозможно объяснить понижением материка. Такой доярусный слой обнаружен почти на всей площади девятнадцати участков Неревского раскопа.

На плане Неревского раскопа видно, что скопление находок лепной керамики оказывается именно на тех участках, где был наиболее мощный доярусный слой (рис. 1). Здесь же встречена и наиболее архаичная гончарная керамика. Однако лепная посуда найдена не только в доярусном слое (табл. 1).

Таблица 1

Распределение лепной посуды по типам, видам и вариантам в нижнем слое Неревского раскопа

Ярус	I	II					III				IV			V			VI			VII		VIII	Всего
		А	Б	В	Г	Д	1	2	3А	3Б	А	Б	В	А	Б	В	А	Б	В	А	Б		
26						6											7						13
27						8		7	7	1			2			2	8						43
28	4	2	3		10	9	3	8	9		1	2		2	6	2	9	2	4	6	2		86
Ниже	4	3	6		7	6	1	5	7					2		4	4		4				57

Как видно из табл. 1, наиболее древние формы встречаются в основном в слое, отложившемся до сооружения древнейших мостовых. Однако наибольшее количество лепной керамики найдено в пластах, связанных с ярусом 28. Обнаружены обломки лепной посуды также в ярусах 26 и 27. Скорее всего доярусный слой оказался в какой-то степени перемешан с более поздними напластованиями. Вследствие этого лепная и раннегончарная керамика встречается вместе с гончарной посудой X в. (табл. 2).

На основании сопоставления новгородской лепной посуды с керамическим материалом славянских памятников северо-западных областей

Таблица 2

Соотношение лепной и гончарной керамики *

Ярусы	Лепная керамика	Гончарная керамика	Ярусы	Лепная керамика	Гончарная керамика
26 27	13 43	3110 2830	28 Ниже	86 57	2250 1320

* В таблицу включены только венчики и целые сосуды.

СССР, а также с материалами VIII—IX вв. из Польши и ГДР, можно сделать вывод о том, что слой, лежащий ниже древнейших мостовых, относится к более раннему времени, чем середина X в.

В предматериковом слое найдены шиферные, каменные и глиняные пряслица, янтарные, сердоликовые, синие пастовые бусы и бусы-лимонки, раковины каури и две скандинавские привески, аналоги которым имеются в Бирке (они датируются IX—X и X—XI вв.)²⁹. Этот вещевой материал датируется X в., но, возможно, некоторые из этих вещей появляются в более раннее время.

Предлагаемый вывод совпадает с наблюдениями П. И. Засурцева относительно древнейших построек Новгорода. Он отмечал, что первые, самые древние мостовые прошли уже по жилым кварталам города³⁰.

¹ Schuldt E. Die slawische Keramik in Mecklenburg. Berlin, 1956, фельдбергская группа, RI, рис. 17, b, d, c; 18, b, c, d, e, g и др.; Herrmann G. Die slawische Stämme zwischen Elba und Oder. Berlin, 1968, рис. 4; Łosiński W. Porządku wcześniejszego osadnictwa grodzkiego w dorzeczu dolnej Parsety (VII—X/XI w.). Wrocław—Warszawa—Kraków—Gdańsk, 1972, с. 63, 66, 69, рис. 14, 16, 18.

² Смирнова Г. П. Опыт классификации керамики древнего Новгорода. — МИА, № 55, 1956, с. 236.

³ В настоящей статье рассматриваются только материалы раскопок XV—XXXIII в Неревском конце.

⁴ Коллекция Гос. Эрмитажа, раскопки Н. И. Репникова.

⁵ Станкевич Я. В. Классификация керамики древнего культурного слоя Старой Ладуги. — СА, XV, 1951, с. 221, рис. 1.

⁶ Пушкина Т. А. Лепная керамика Гнездовского селища. — Вестник МГУ, 1973, № 3, История, с. 88.

⁷ Смирнова Г. П. Указ. соч., с. 236, рис. 3.

⁸ Седов В. В. Новгородские сопки. — САИ, Е1-8, 1970, табл. XIII, 1, 2.

⁹ Орлов С. Н. Славянское поселение на берегу р. Просты около Новгорода. — СА, 1972, № 2, рис. 3.

¹⁰ Минасян Р. С. Селище Узмень. — АСГЭ, 14, 1972, с. 116, рис. 3, 20.

¹¹ Станкевич Я. В. Указ. соч., с. 221, рис. 1.

¹² Корзункина Г. Ф. О времени появления укрепленного поселения в Ладог. — СА, 1961, № 3, с. 76—84.

¹³ Łosiński W. Указ. соч., стр. 49—88, рис. 6; 21, b, f; 23, b, c; 25, d—j.

¹⁴ Knorr K. Die slawische Keramik zwischen Elba und Oder. Berlin, 1937, табл. 14, 16, 17.

¹⁵ Голубева Л. А. Весь и славяне на Белом озере X—XIII вв. — М., 1973, с. 146, рис. 53, 35.

¹⁶ Орлов С. Н. Славянское поселение... рис. 3.

¹⁷ Станкевич Я. В. Указ. соч., с. 221, рис. 1; с. 227, рис. 4.

¹⁸ Горюнова В. М. Новое в исследовании Городка на Ловати. — КСИА, 139, 1974, с. 76, рис. 24.

¹⁹ Кочкуркина С. И. Юго-Восточное Приладожье в X—XIII вв. Л., 1973, табл. 5, лепная, тип Б.

²⁰ Приношу благодарность А. В. Кузе за любезно предоставленную возможность познакомиться с материалами из курганов, раскопанных им в 1965 г.

²¹ Горюнова В. М. Указ. соч., рис. 24, 11.

²² Лебедев Г. С. Городец под Лугой. — КСИА, 135, 1973, рис. 24.

²³ Пушкина Т. А. Указ. соч., с. 88, группа II, тип IV.

²⁴ Станкевич Я. В. Указ. соч., рис. 1, тип III-5.

²⁵ Седов В. В. Указ. соч., табл. XIII, 4—6.

²⁶ Раскопки А. В. Кузы 1965 г.

²⁷ Орлов С. Н. Археологические исследования на Рюриковом городище под Новгородом. — КСИА, 135, 1973, рис. 26.

²⁸ Голубева Л. А. Указ. соч., с. 146, рис. 53, 7, 18, 26 и др.

²⁹ Приношу благодарность М. В. Седовой, определившей дату этих привесок.

³⁰ Засурцев П. И. Новгород, открытый археологами. М., 1967, с. 69.

В. С. ДАВИДЧУК, И. К. ФРОЛОВ

К ИСТОРИИ ЗАСЕЛЕНИЯ ОРЛОВСКОГО ТЕЧЕНИЯ ОКИ В I ТЫСЯЧЕЛЕТИИ Н. Э.

В долинах рек Навля (левый приток Десны) и Вытебеть (правый приток Жиздры) обнаружены неукрепленные поселения, располагавшиеся на низких бугристых надпойменных террасах или на останцах, примыкавших к воде. Такие террасы и останцы возвышались над поймой на 3—4 м и часто были ограничены с одной из сторон ручьем или старицей.

Наиболее исследовано селище II у дер. Железное Шаблыкинского района Орловской области¹. На нем обнаружены постройки двух типов — наземные и с углубленной частью. Наземные состояли из двух камер — жилой и хозяйственной. В жилом помещении, кроме очага, находилась овальная яма со следами столбов. Сооружения другого типа состояли из котлована и небольшого ограждения, перекрытых общей крышей. Очаг помещался на краю котлована или на специальной ступеньке. Дно котлована подмазывалось глиной. Постройки обоих типов были столбовыми с балочными перекрытиями.

Керамика, встреченная на поселении, принадлежит к двум группам: одна — горшки с прямыми или слабоогнутыми венчиками с насечками и зашипами по краю, иногда украшенные ямками по горлу; другая — ложенные миски и кувшинчики. Миски хорошего черного лощения и кувшинчики имели прямой венчик, у кувшинчиков было округлое тулово. На поселении найдены глиняные грузила, часто с круглыми ямками. Из металлических предметов можно отметить бронзовые украшения, железные ножи с горбатой спинкой, серп и обломок «воинской» железной фибулы с прогнутым корпусом позднего почепского варианта².

Поселения этого типа располагались «гнездами». Особенно четко это прослеживается на Навле и Вытебети: у с. Сомово — два поселения, у дер. Железное — два, у дер. Глыбочки — четыре, у дер. Булатово — три. Близкая картина обнаруживается и в пойме верхнего течения Оки, где у с. Тугорово Кромского района найдены три поселения подобного типа. Эти селища принадлежат позднезарубинецкой культуре, хорошо известной по исследованиям Ф. М. Заверняева в Подесенье³, и относятся ко II—III вв. н. э. Позднезарубинецкие поселения в это время не только проникают в бассейны Оки (р. Вытебеть), но доходят и до ее верховьев.

В последующее время характер поселений несколько меняется. Жители покидают низко расположенные селища и начинают селиться на более высоких поверхностях речных долин. К новому типу относятся неукрепленные поселения у деревень Слободки (где позднее возникает древнерусское городище), Булатово III на р. Вытебеть, Большая Чернь на р. Нугрь.

Вслед за селищами образуются и городища на Оке и на Нугре — левом ее притоке. Эти городища относятся к мощинской культуре и датируются серединой I тысячелетия н. э. Территориально они почти не затрагивают зоны позднезарубинецких поселений, располагаясь в основном по болховскому течению р. Нугрь и мценскому течению Оки.

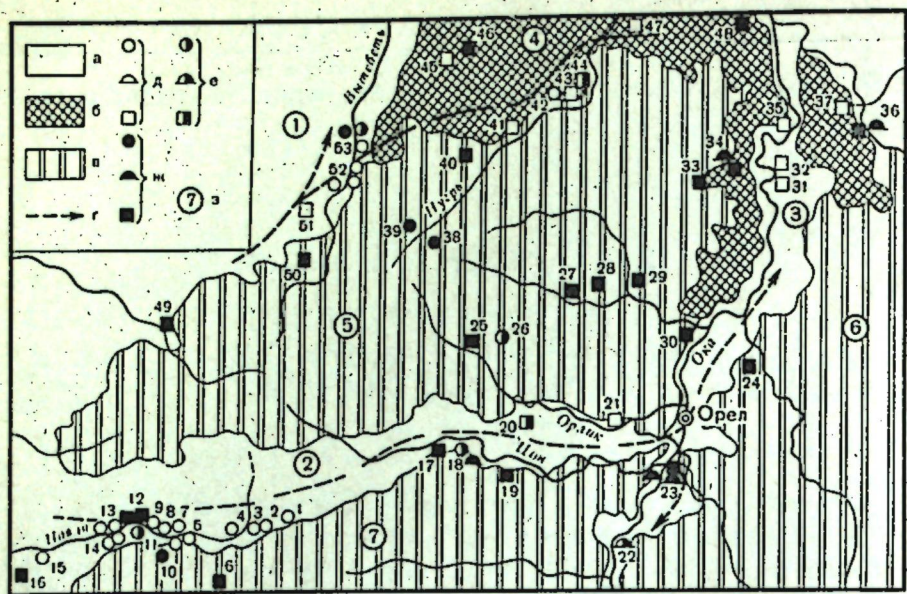

Рис. 1. Ландшафты орловского течения Оки и распространение археологических памятников

а — ландшафты низких аккумулятивных равнин, расчлененных балками, сложенных подоледниковыми песками, супесями и суглинками с подзолистыми и дерновоподзолистыми почвами, под сосновыми и дубово-сосново-еловыми лесами; б — ландшафты высоких равнин, расчлененных оврагами и балками, сложенных подоледниковыми суглинками, со светло-серыми и серыми лесными почвами, под елово-дубово-липовыми лесами; в — ландшафты высоких равнин, расчлененных оврагами и балками, сложенных лёссовидными карбонатными суглинками, с черноземами и темно-серыми лесными почвами, под дубово-липовыми лесами; г — направление проникновения племен в начале I тысячелетия н. э.; д — памятники начала и середины I тысячелетия н. э. (селища, курганы, городища); е — памятники конца I тысячелетия н. э.; ж — памятники начала II тысячелетия н. э.; з — ландшафты: 1 — Кудрявцево-Радовицкий, 2 — Нарышкинский, 3 — долины Верхней Оки, 4 — Болховский, 5 — Хотынецкий, 6 — Мценский, 7 — Кромский

1 — Молодовое; 2, 3 — ручей Мох; 4 — Высокое; 5 — Яблочково; 6 — Герасимово; 7 — Железное; 8—11 — Сомово; 12, 13 — Слободка; 14, 15 — Гамбочки; 16 — Лески; 17 — Городище; 18 — Лебедка; 19 — Мерцаловка; 20 — Ледио; 21 — Звягинки (Надежда); 22 — Спасское; 23 — Гать; 24 — Баудово; 25 — Титово-Мотыки; 26 — Селихово Малое; 27 — Маслово; 28 — Редькино; 29 — Спасское; 30 — Гонючево; 31 — Торкуновка (Стрелица); 32 — Сторожеево; 33 — Шушово (Круганица); 34 — Городище; 35 — Старинково; 36 — Куценск; 37 — Роженец; 38 — Голдаево; 39 — Турье (Курье); 40 — Камынино; 41 — Локно; 42 — Большая Чернь; 43 — Рожково; 44 — Боридово; 45 — Жуевка; 46 — Луново; 47 — Книжино; 48 — Городище; 49 — Карачев; 50 — Хотимля-Кузьменково; 51 — Радовище; 52 — Булатово; 53 — Михайловка

В конце I тысячелетия н. э. на территории нынешней Орловской области появляются селища и городища роменской культуры. Они занимают значительно более широкую территорию, хотя и придерживаются в основном долины Навли, Цона, Вытебети, Нугри, но уже с выходом на реки Орлик (селище у дер. Селихово Малое) и Крома (селища в г. Кромы и у с. Кирово).

Еще более широко расселяется в бассейне Оки население, оставившее древнерусские городища и селища. Городища XII—XIV вв. появляются на р. Неполодь, на левобережье Оки и на обжитых в более раннее время территориях по рекам Цон, Нугрь, Вытебеть, Навля.

Таким образом, бассейн Верхней Оки в I и в начале II тысячелетия н. э. практически был довольно плотно заселен (рис. 1). Выявляются определенные закономерности в распространении памятников разных археологических культур.

Поселения позднезарубинецкой культуры, распространяясь в долинах Оки, Навли и Вытебети, совершенно не затрагивают большой территориальный массив к югу от Нугри и севернее Орлика. В северной части современного Хотынецкого района по Вытебети обнаруживаются «гнезда»

поселений этой культуры, но верховья реки в то время пустовали. Аналогичная картина прорисовывается к югу от Навли и Цона. Вся территория вплоть до р. Крома в первых веках нашей эры не была заселена. Лишь на р. Нерусса недалеко от г. Дмитровска известны позднезарубинецкие поселения⁴. Интересен тот факт, что позднезарубинецкие поселения распространяются в зоне городищ раннего железного века, хотя вплотную с ними не соприкасаются (у дер. Радовище на р. Вытебеть, у дер. Звягинки (Надежда) на р. Орлик).

Городища мощинской культуры также встречаются только в районах, заселенных ранее племенами раннего железного века и носителями позднезарубинецкой культуры.

Близкая картина складывается и в конце I тысячелетия н. э., когда появляются поселения роменской культуры. Но в это время можно отметить и спорадическое проникновение на ранее не освоенную территорию.

Этот процесс охвата новых районов резко активизировался при возникновении древнерусских поселений, которые встречены на всей исследуемой территории, однако наиболее плотный ареал намечается в ранее пустовавших областях.

Причины существования в I тысячелетии н. э. незаселенной территории южнее рек Вытебеть и Нугрь и перемещения туда впоследствии большой массы населения не следует искать в противодействии племен. Так, известно, что проникновение позднезарубинецких племен в местную среду носило характер инфильтрации⁵. То же самое, вероятно, можно отнести и к носителям роменской культуры.

Причины рассматриваемого явления, по нашему мнению, связаны с характером взаимодействия между различными племенами бассейна Оки и местной природной средой.

В соответствии с современными представлениями ландшафт представляет собой природный территориальный комплекс⁶ на генетически единой, значительной по площади территории, в пределах которой выдерживается единство геологического фундамента. Общность истории развития и однообразие геологического строения обеспечивают определенный набор форм рельефа и типов поверхностных отложений. В связи с этим на всей территории ландшафта формируется система закономерно повторяющихся почвенных разностей и группировок живых организмов.

В процессе взаимодействия человека и ландшафта устанавливается два типа связей: прямые связи непосредственного воздействия населения на ландшафт и обратные — следствие реакции ландшафта на такое воздействие. Для нас особый интерес представляет рассмотрение второй группы связей, за счет которой и осуществляется то, что человек испытывает как последствия своего воздействия. Связи между коллективом людей и ландшафтом, в котором они живут и хозяйствуют, будут устойчивыми, если последствия не препятствуют дальнейшему ведению хозяйства. В противном случае возникнет необходимость либо изменить способ ведения хозяйства, либо освоить более подходящий ландшафт.

На северо-западе Орловской области эта закономерность проявляется очень ярко. Здесь деятельность весьма различных в культурном и хозяйственном отношении этнических групп проходила в контрастных по свойствам ландшафтах (рис. 1). Западная часть Среднерусской возвышенности граничит с Брянско-Жиздринским полесем. Границы соприкасающихся здесь ландшафтов — едва ли не самые контрастные в пределах всего центра Русской равнины. Высокое, до 250 м над уровнем моря, волнистое плато Хотынецкого ландшафта, густо расчлененное оврагами и балками, сложено карбонатными лёссовидными суглинками. На них сформировались оподзоленные черноземы и темно-серые лесные почвы, бывшие в прошлом под липово-дубовыми лесами с примесью клена и ясеня. В настоящее время эти леса полностью вырублены. О них можно судить

только по характеру почвенного покрова. До 85% территории ландшафта распахан.

К северо-западу от Хотынецкого ландшафта лежит Кудрявецко-Радовищенский, представляющий собой относительно пониженную (не выше 225 м над уровнем моря) слабоволнистую песчаную равнину, расчлененную неглубокими балками. На песках сформировались подзолистые и дерновоподзолистые почвы под сосновыми, елово-сосновыми и елово-широколиственными лесами, частично замещенными лесами из осины и березы. На водоразделах — обширные сфагновые болота. Леса покрывают до 80% территории ландшафта, пашня составляет не более 5%.

Таким образом, рядом лежат два совершенно не похожих друг на друга ландшафта, из которых один типичен для Среднерусской возвышенности, а другой — для Брянско-Жиздринского полесья.

К югу от Хотынецкого ландшафта, в междуречье рек Цон и Орлик и далее к западу вдоль р. Навля, вытянулся узкой полосой Нарышкинский ландшафт, смыкающийся на западе с ландшафтами Полесья, а на востоке — с ландшафтом Оки. Нарышкинский ландшафт приурочен к древней ложбине стока вод, поступавших с севера в процессе таяния Днепровского ледника. Участие текучих вод явилось причиной относительной «легкости» механического состава поверхностных отложений: песков, супесей, легких суглинков. На них сформировались подзолистые, дерново-подзолистые и светло-серые лесные почвы под сосновыми, сосново-еловыми и елово-широколиственными лесами, которые в гораздо большей степени, чем в Кудрявецко-Радовищенском ландшафте, вырублены и замещены мелколиственными. Для речных долин, как и для ландшафтов полесского типа, характерны песчаные террасы, нижняя из которых сухая и бугристая. Леса занимают до 40% территории, пашня — не более 35%.

Ландшафт долины Оки похож на предыдущий с той лишь разницей, что суглинки еще более распространены среди поверхностных отложений. Аналогами Хотынецкого являются ландшафты Кромский и Мценский.

Своеобразен Болховский ландшафт, волнистая, сильно и глубоко расчлененная поверхность которого сложена бескарбонатными суглинками, чем и обусловлено формирование здесь светло-серых и серых лесных почв, по свойствам резко отличающихся от черноземов и приближающихся к дерновоподзолистым почвам. В прошлом этот ландшафт был покрыт липово-дубовыми лесами с примесью ели, которые до настоящего времени не сохранились. Вторичные мелколиственные леса занимают не более 15% территории ландшафта, около 60% — распахан.

Сочетание многочисленных весьма непохожих ландшафтов на сравнительно небольшой территории позволяет поставить вопрос, как влияло это разнообразие ландшафтов на расселение племен раннего железного века.

Звеном между двумя указанными явлениями стала хозяйственная деятельность. Поскольку в рассматриваемый период такие факторы хозяйственной жизни, как транспорт и товарообмен, носили сугубо местный характер, то и связи по взаимодействию человека с ландшафтом были особенно четкими и определенными.

Вплоть до появления поселений конца I тысячелетия н. э. на исследуемой территории не обнаружено признаков пашенного земледелия. Племена раннего железного века — начала и середины I тысячелетия н. э. — использовали подсечную систему земледелия. Они предпочитали песчаные ландшафты полесского типа, и в этой связи особенно важно, что реакция на обработку огнем полесского ландшафта оказывается более эффективной, чем черноземного. Главные особенности подсечного земледелия как средства воздействия на ландшафт заключаются в следующем. Сжигание предварительно высушенного горючего материала во много раз увеличивает плодородие почв за счет растворимых веществ, поступающих из золы. Тем самым на короткое время (один-два года) создаются исключительно благоприятные условия для произрастания культурных растений.

Действием высоких температур в процессе сжигания горючего материала непосредственно в приземном слое в почве уничтожаются микроорганизмы и тем самым нарушается система биохимического восстановления запасов питательных веществ и их удержания в почве⁷. Обожженные почвенные горизонты подвергаются обезвоживанию, разрушаются коллоиды, нарушается структура, ухудшаются воздухообеспечение и водно-физические свойства верхних почвенных горизонтов. Таким образом, одни компоненты ПТК оказываются уничтоженными, другие — поврежденными. Нарушаются взаимосвязи между компонентами, и ПТК в целом перестает на время функционировать как система возобновляющегося плодородия.

Для культурных растений последствия огневой обработки песчаных ландшафтов полесского типа оказываются в общем благоприятными. Эти ландшафты превращаются в богатое, хотя и недолговечное, местонахождение элементов питания. Водно-физические свойства и воздухопроницаемость песчаных, супесчаных и легкосуглинистых почв хотя и ухудшаются, но не выходят за пределы допустимого. Кислая реакция почв даже уменьшается за счет внесения древесной золы.

Иное дело суглинистые черноземные ландшафты. После обработки огнем и обесструктурирования воздухо- и водопроницаемость этих почв резко ухудшается, и это неблагоприятно отражается на развитии культурных растений. Внесение большого количества золы деревьев широколиственных пород в исходно нейтральные почвы может привести к сильно щелочной реакции почвенных растворов⁸, что, по Н. С. Авдониной, уменьшает степень подвижности многих элементов, в том числе и элементов питания культурных растений, а также угнетающе действует на сами растения⁹. Урожай на такой подсеке при равных затратах труда будет значительно ниже, чем на подзолистых почвах.

Определенному типу прямой связи в разных ландшафтах сопутствуют разные типы обратной связи: в одном случае они оказываются положительными, и тогда человек использует данный ландшафт, в другом — отрицательными, и тогда это ограничивает возможности его использования. Такое положение в меньшей степени затрагивает хозяйства, основой которых служит пашенное земледелие, и в большей — базирующиеся на подсечном земледелии. Поэтому земледельцы-подсечники при расселении не проникают в ландшафты с черноземами и близкими к ним темно-серыми лесными почвами и ограничиваются ландшафтами с подзолистыми, дерновоподзолистыми и светло-серыми лесными почвами. Последние характерны для бассейнов Навли (Нарышкинский ландшафт) и Вытебети (Кудрявецко-Радовищенский ландшафт). По этим рекам очень отчетливо прослеживается связь заселения с характером ландшафтов (рис. 2).

По Навле население, использующее подсечную систему, располагается в пойме реки или на низких террасах с подзолистыми почвами. Славянские поселения тяготеют к левому берегу реки, где расположены лёссовидные карбонатные суглинки с черноземными и темно-серыми лесными почвами. Аналогичная картина наблюдается и на Вытебети.

Вероятное распространение населения начала I тысячелетия н. э. могло проходить только по ландшафтам, пригодным для подсечного земледелия. Учитывая первоначальное возникновение позднестаробульварной (почепской) культуры в бассейне Десны и ее последующее продвижение на Оку, можно предположить, что путями носителей традиций подсечного земледелия служили долины Навли, Цона, Орлика в пределах Нарышкинского ландшафта (рис. 1). Возможно, что по достижении Оки позднестаробульварные племена распространились по ландшафту долины реки к югу и северу. Другим направлением продвижения могли служить долины Вытебети и Нижней Нугри также с выходом на Оку.

Вполне понятно, что роменские поселения появляются в долинах рек, протекающих вдоль границ полесских и черноземных ландшафтов (Ми-

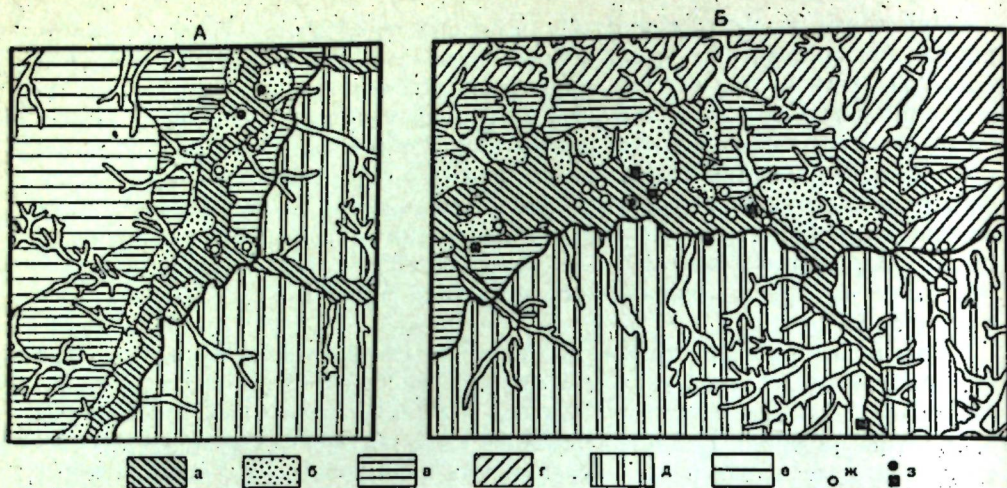

Рис. 2. Ландшафты по рекам Вытебеть (А) и Навля (Б)

а — поймы малых рек и ручьев; б — террасы низкие, волнистые и бугристые, песчаные, с подзолистыми почвами под сосняками-беломошниками; в — террасы высокие, сложенные песками, родственными суглинками, с дерново-подзолистыми почвами, под дубово-сосново-еловыми лесами, наиболее пригодные для устройства подсеки; г — междуречные эрозионно-водноледниковые равнины, сложенные супесями и суглинками, с подзолистыми и дерновоподзолистыми почвами, под елово-широколиственными и широколиственными лесами, пригодные для устройства подсеки; д — междуречные эрозионные равнины, сложенные лёссовидными карбонатными суглинками, подстилаемыми мезозойскими песками и глинами, с черноземами и темно-серыми лесными почвами, под дубово-липовыми лесами, непригодные для устройства подсеки; е — междуречные эрозионно-водноледниковые равнины, сложенные песками, подстилаемыми суглинками, с подзолистыми и дерновоподзолистыми почвами, под сосновыми с примесью дуба и ели лесами-зеленомошниками, пригодные для устройства подсеки; ж — памятники начала и середины I тысячелетия н. э.; з — памятники конца I тысячелетия н. э. — начала II тысячелетия н. э. (селища, городища)

хайловка на Вытебети и др.). По-видимому, их распространение носило характер не столько завоевания или вытеснения, сколько мирного проникновения. Поэтому первые славянские пришельцы естественно тяготели к границам ландшафта как к местам концентрации местного населения. В дальнейшем этот процесс развивался в сторону преимущественного заселения ландшафтов с черноземами, что объясняется как появлением орудий пашенного земледелия, так и более благоприятной реакцией данных ландшафтов на пашенное земледелие, их более полной отдачей по сравнению с песчаными ландшафтами полесского типа.

В пограничных районах возникали местные центры по производству и обработке железа — такие, как Лебедка, Карачев. Несмотря на то, что основной спрос на железные орудия создавался растущим сельскохозяйственным населением черноземных ландшафтов, местное производство железа не могло получить здесь широкого распространения. Это связано с геохимическими особенностями данных ландшафтов. Высокая исходная карбонатность основных поверхностных отложений — лёссовидных суглинков — обуславливает щелочную реакцию подземных вод. Поскольку соединения железа в щелочной среде труднорастворимы и не мигрируют, не происходит и накопления болотных руд — основы местной металлургии.

Сосредоточение производства железа в пограничных частях ландшафтов полесского типа в свою очередь создавало спрос на продукты земледелия, производившиеся в черноземных ландшафтах. Эти факторы обусловили наибольшую степень освоения и изменения ПТК в той части обоих ландшафтов, где они имеют общую границу.

Древнерусские поселения концентрируются уже целиком в черноземных ландшафтах, полностью отвечающих экономическим запросам населения. В полесских ландшафтах древнерусские городища появляются в основном под воздействием внешнеполитических факторов. Отметим, что

русские поселения XIV—XV вв. часто возникали на местах роменских селищ (селище у дер. Михайловка на Вытебети, селище у с. Сомово на Навле).

Таким образом, ландшафтная структура территории является весьма важным фактором, определяющим характер заселения в древности. Перемещения населения находились в тесной зависимости от таких свойств ландшафта, как поверхностные отложения, почвы и растительность, конфигурация, степень контрастности границ и расположение по отношению к другим ландшафтам.

Все указанные свойства ландшафтов воздействуют на расселение не сами по себе, но преломляясь через хозяйственную деятельность населения, благоприятствуя одним способам ведения хозяйства и делая затрудненным применение других.

¹ Фролов И. К. Поселения у дер. Железное Шаблыкинского р-на. — АО 1970 г. М., 1971, с. 69.

² Амброз А. К. Фибулы юга европейской части СССР. — САИ, Д1-30, 1966, табл. 4, 3—5.

³ Заверняев Ф. М. Почепское селище. — МИА, № 160, 1969, с. 88—118.

⁴ Фролов И. К. Поселение у дер. Железное. — АО 1968 г. М., 1969, с. 55.

⁵ Седов В. В. Славяне Верхнего Поднепровья и Подвинья. М., 1970, с. 42.

⁶ Природный территориальный комплекс (ПТК, синонимы — геосистема, геокомплекс) — генетически обособившийся

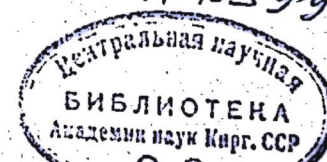
участок территории, где в единных границах наблюдается взаимообусловленное и однозначное сочетание всех природных компонентов — земной коры, воды, воздуха и живых организмов.

⁷ Сушкина Н. Н. К микробиологии лесных почв в связи с действием на них огня. — Исследования по лесоводству. М., 1931.

⁸ Степанов Н. Н. Физико-химические особенности почв лесных гарей. — Труды по лесному опытному делу, II (66). М., 1925.

⁹ Авдонин Н. С. Научные основы применения удобрений. М., 1972.

П 85990

Н. В. ХВОЦИНСКАЯ НАСЕЛЕНИЕ ВОСТОЧНОГО ПОБЕРЕЖЬЯ ЧУДСКОГО ОЗЕРА

(по материалам курганов
у деревень Залахтове и Калихновщина)

К началу II тысячелетия н. э. на восточном побережье Чудского озера складывается неоднородная этническая картина, которая нашла свое отражение в археологическом материале. Значительные отличия в материальной культуре групп местного населения особенно ярко проявляются в женском костюме и наборе женских украшений — весьма устойчивых этнографических признаках. Для сравнительного анализа выбраны два курганных могильника XI—начала XII в., расположенных у деревень Залахтове и Калихновщина в Гдовском районе Псковской области в 20 км друг от друга.

Могильник у дер. Залахтове на берегу Теплого залива Чудского озера насчитывал более 100 насыпей. В результате работ К. Д. Трофимова в 1908 г.¹ и К. В. Кудряшова в 1911 г.² раскопано 82 кургана. Десять из них содержали погребения по обряду кремации и относились к культуре длинных курганов второй половины I тысячелетия н. э. Четыре оказались пустыми. Основную часть могильника (68 насыпей) составляли курганы круглой формы (высота от 0,4 до 1 м, диаметр от 2,8 до 8,5 м) с погребениями по обряду трупоположения на горизонте (62) и в ямах (6). Анализ погребального инвентаря, главным образом оружия и украшений, позволяет датировать эту группу курганов концом X—XI в.³

Курганный могильник у дер. Калихновщина, расположенный при впадении р. Чермы в Чудское озеро в 4 км севернее Гдова, насчитывал до 150 насыпей. Результаты его раскопок, проведенных в 1900 г. В. Н. Глазовым, опубликованы А. А. Спицыным⁴. Исследовано 82 кургана полушарической формы (высота от 0,7 до 1,8 м, диаметр от 2 до 7 м). Они подразделяются на четыре хронологические группы: с трупоположениями X—XI вв.; с трупоположениями на материке XI—XII вв.; с трупоположениями в грунтовых ямах XII—XIII вв.; жальники XIV в.⁵ В нашей статье рассматриваются только 42 кургана с трупоположениями на горизонте XI—XII вв., синхронные Залахтовскому могильнику.

Антропологические наблюдения и погребальный инвентарь позволяют выделить в Залахтове 13 достоверно женских захоронений и 17 мужских, а в Калихновщине — 7 женских, 16 мужских и 2 детских. По характеру и количеству сопровождающего инвентаря женские погребения обих могильников можно подразделить на две группы. Некоторое количество женских захоронений имеется, видимо, в числе безынвентарных погребений, принадлежавших особой прослойке сельского населения.

К первой группе отнесены погребения с весьма определенным и устойчивым богатым погребальным инвентарем: шейными и нагрудными украшениями, фибулами, браслетами, перстнями. С привлечением археологических и этнографических параллелей проведены реконструкции костюмов представительниц, видимо, зажиточной части населения Залахтове (по

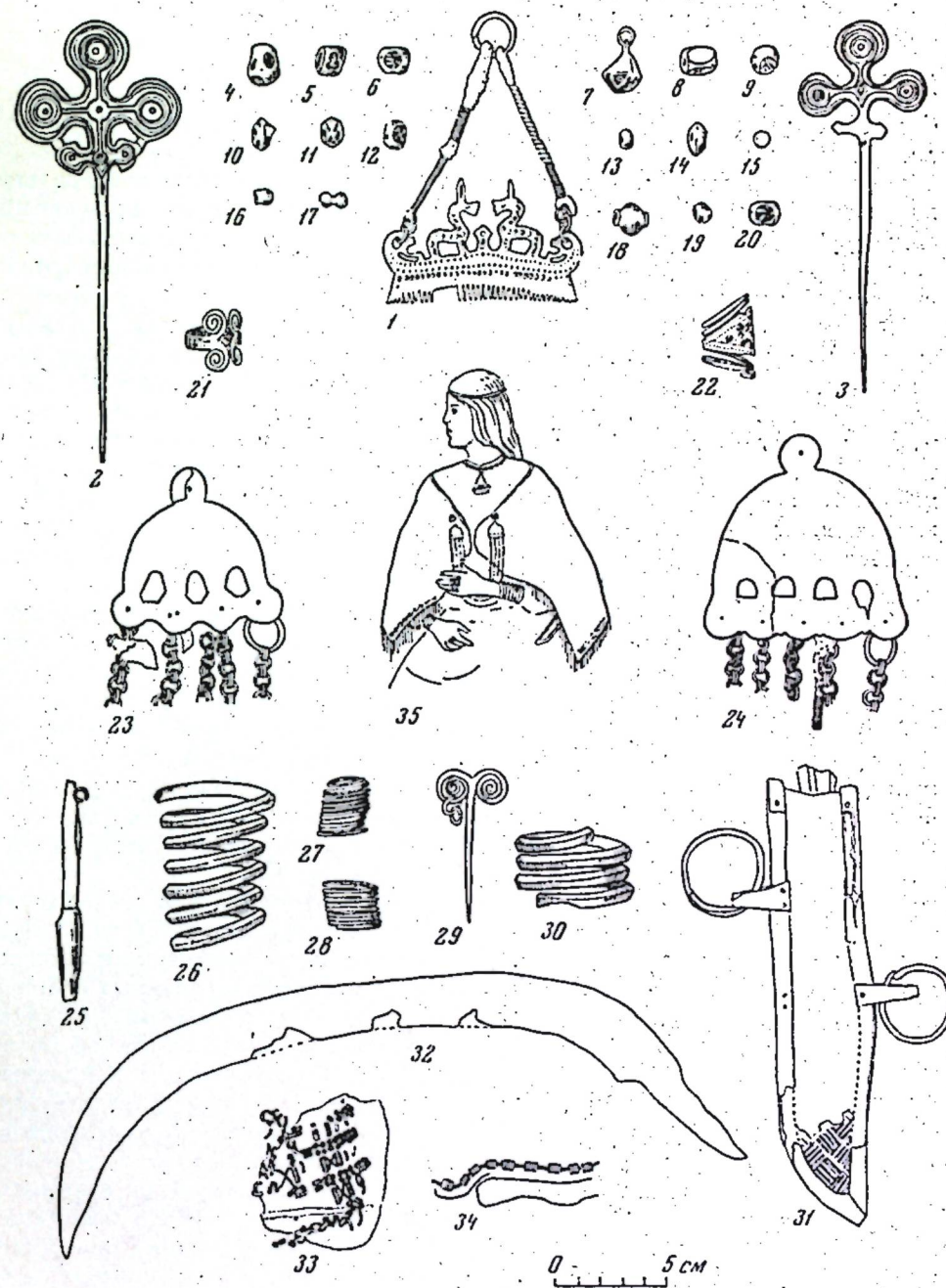

Рис. 1. Реконструкция костюма женщины Залахтове по материалам погребения 17
1 — гребень-подвеска; 2, 3 — литые булавки; 4—6, 8—20 — бусы; 7 — бусенчик; 21, 22 — перстни; 23, 24 — нагрудные бляхи-цепедержатели; 25 — стержень с деревянной рукояткой; 26—28, 30 — спиральные браслеты; 29 — булавка; 31 — кожаное ножны с бронзовыми оковками; 32 — коса-горбуша; 33, 34 — фрагменты тканей со спиральками; 35 — реконструкция наплечного покрывала (1—3, 7, 18, 21—24, 26—30 — бронза; 25, 32 — железо)

материалам погребения 17 из раскопок К. В. Кудряшова) и Калихновщины (по материалам погребения 347)⁶.

Отличительной особенностью первой группы женских погребений Залахтове является набор нагрудных украшений, представленный в погребениях 2, 37, 53 (раскопки К. Д. Трофимова) и 17 (раскопки К. В. Кудряшова). Он состоит из треугольных с закругленными углами литых брон-

зовых блях (рис. 1, 23, 24), которые в одном случае (погребение 37) заменены решетчатыми пятиугольными ажурными бляхами с циркульным орнаментом на их внешней поверхности. Как правило, в погребениях встречаются две бляхи, соединенные между собой несколькими рядами бронзовых цепочек из двойных кольчатых звеньев. Бляхи-цепедержатели прикреплялись к одежде с помощью бронзовых литых булавок с крестообразными навершиями (рис. 1, 2, 3). Во всех погребениях этой группы найдены фрагменты шерстяных тканей, расшитых по краю бронзовыми спиральками (рис. 1, 33, 34), окись от которых предохраняла ткань от полного исчезновения. Остатки тканей обнаружены главным образом возле плеч, рук и пояса погребенных.

Во многих могильниках на территории Латвии (Нукшинском, Лудзенском и др.) и Литвы (Кяулейкяй, Паланга, Шаутокас, Палукнис и др.) встречаются аналогичные фрагменты шерстяных тканей, украшенных бронзовыми спиральками или подвесками. Э. Д. Шноре, А. Э. Зариня, Р. К. Волкайте-Куликаускаене⁷ рассматривают их как остатки продолговатого наплечного покрывала (*villaine* у латгалов и *skepeta* у древних литовцев), которое было традиционной частью парадного костюма балтийской женщины. Виллаине и скепета закалывались либо с помощью булавок с крестообразными головками, соединенных несколькими рядами бронзовых цепочек, либо общей фибулой.

Видимо, в богатых женских погребениях Залахтовья сохранились остатки наплечного покрывала, аналогичного виллаине или скепете⁸, что подтверждается также и расположением тканей⁹. Закреплялось оно с помощью блях и булавок и в трех случаях (погребения 16, 18, 20 из раскопок К. В. Кудряшова), вероятно, подковообразной фибулой. Фибулы с остатками виллаине найдены на груди у погребенных. Таким образом, наличие в залахтовских погребениях комплекта нагрудных украшений, встречающихся в латвийских и литовских могильниках, позволяет реконструировать верхнюю часть наряда женщины Залахтовья в соответствии с костюмом древней латгалки или литовки (рис. 1, 35).

Остальной набор сопровождающего инвентаря в женских погребениях первой группы Залахтовья можно разделить на вещи латгальского облика, хорошо известные по материалам Лудзенского и Нукшинского могильников, и предметы, широко распространенные в курганах северо-западных районов древней Руси. Вещи латгальского облика более многочисленны. Это спиральные бронзовые браслеты от трех-четырех до девяти-десяти оборотов (рис. 1, 26, 30), ленточные браслеты с чеканным орнаментом, массивные браслеты с орнаментом в виде вертикальных змеек, подковообразные фибулы с граничными и маковыми головками, спиральные и «усатые» перстни (рис. 1, 27, 28, 30), большие ножи в кожаных ножнах, покрытых бронзовыми оковками (рис. 1, 31). К вещам, типичным для курганов северо-запада древней Руси, относятся витые гривны, узкомассивные браслеты с чеканным орнаментом (рис. 2, 12), витые браслеты, грушевидные бронзовые бубенчики (рис. 1, 7), всевозможные бусы — пастовые, стеклянные, каменные (рис. 1, 4—6, 8—20) — и монетовидные подвески.

В погребении 17 Залахтовья обнаружен любопытный бронзовый гребень-привеска (рис. 1, 1). В центре гребня — небольшой ромбический столбик и два конька, смотрящих друг на друга, а по краям — морды каких-то животных. Коньки и ромб украшены солярными знаками. По мнению Б. А. Рыбакова, здесь мы встречаем сильную стилизацию языческого сюжета, связанного с изображением богини и всадников или богини и животных (чаще коней). Со временем женское божество стали заменять столбиком с ромбическим навершием¹⁰.

Наряд богатой женщины из могильника у дер. Калихновщина резко отличается от залахтовского костюма. Здесь обнаружены нагрудные украшения совершенно иного облика, чем в Залахтовье. Их характерным элементом являются бронзовые цепочки (рис. 2, 4), иногда со множеством

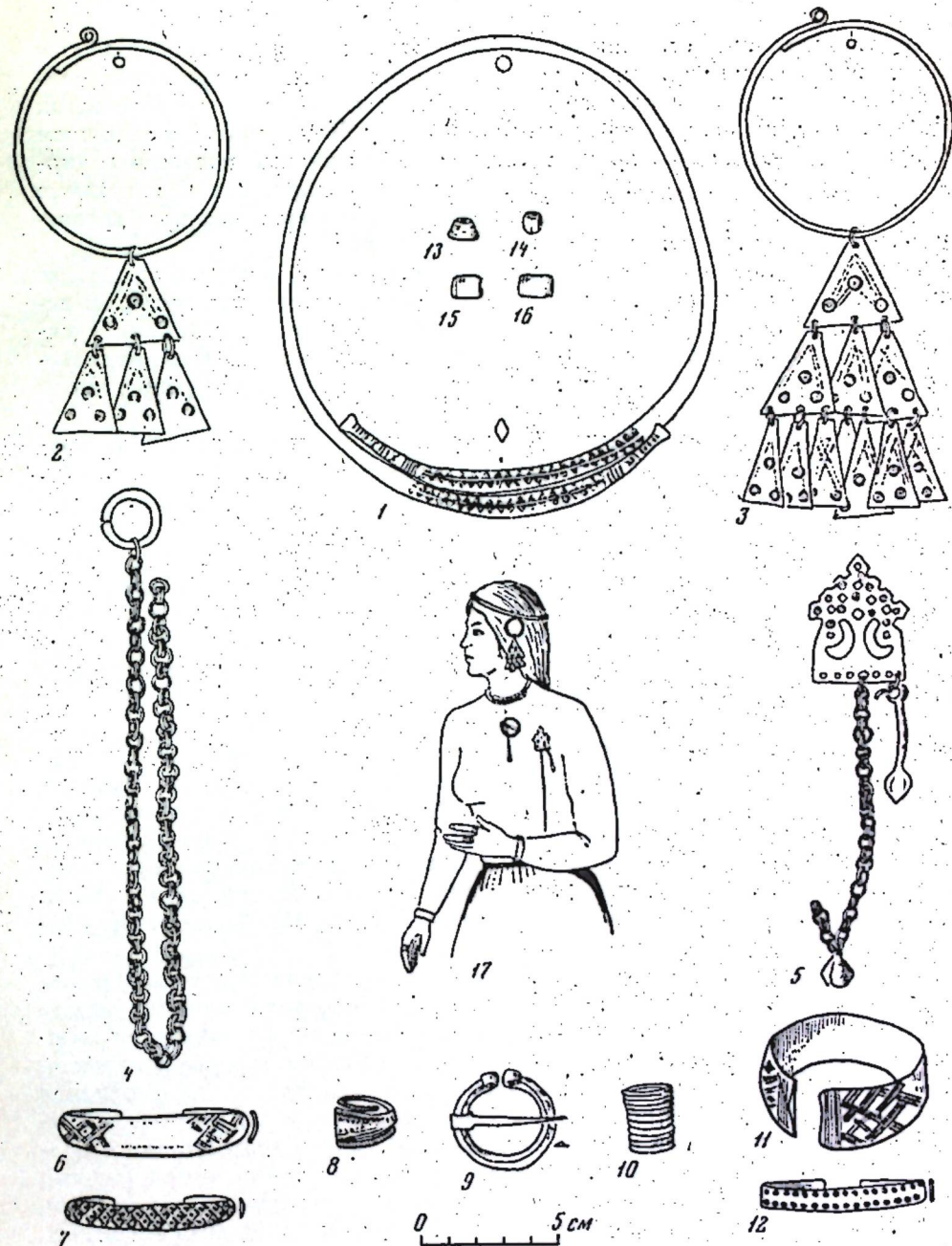

Рис. 2. Реконструкция костюма женщины Калихновщины по материалам погребения 347
1 — гривна; 2, 3 — височные кольца; 4 — цепочка из двойных кольчатых звеньев; 5 — ажурная бляха; 6, 7 — пластинчатые браслеты с чеканным орнаментом; 8 — щитковый перстень с рубчатыми усиками; 9 — подковообразная фибула со спиральными концами; 10 — спиральный браслет; 11 — ленточный браслет с чеканным орнаментом; 12 — узкомассивный браслет с чеканным орнаментом; 13—16 — бусы; 17 — реконструкция костюма (1—12 — бронза)

подвешенных к ним бубенчиков. Они прикреплялись к одежде ажурной бляхой (рис. 2, 5), а снизу пристегивались к поясу кольцом или просто свешивались на шее, причем последний вариант А. А. Спицын считает более древним¹¹. В погребениях Калихновщины нет никаких остатков наплечного покрывала — следовательно, и нагрудные украшения выполняли иную функцию, чем в Залахтовье. Скорее всего они были просто декоративным элементом.

К отличительным особенностям убора богатых женщин Калихновщины относятся височные украшения, которые представлены в погребениях ромбоштитковыми кольцами с разомкнутыми концами, а также проволоочными кольцами с одним концом, загнутым в спиральку. Как правило, к височным кольцам в два-три яруса прикреплялись трапециевидные подвески с циркульным орнаментом (рис. 2, 2, 3). Височные кольца, как и нагрудные украшения, найденные в Калихновщине, широко распространены в древнерусских курганах Новгородской земли X—XII вв.¹²

В этой группе погребений Калихновщины часто встречаются витые гривны и витые браслеты, узкомассивные браслеты с чеканным орнаментом (рис. 2, 12), щитковые перстни с завязанными и рубчатыми «усиками» (рис. 2, 8), подвески в виде собачек, зайчиков и ложечек, подковообразные фибулы со спиральными концами (рис. 2, 9), посеребренные и позолоченные стеклянные бусы.

Нетрудно заметить, что некоторые украшения были общими для Калихновщины и для Залахтовья: витые гривны, гривны с рыльцами (рис. 2, 1), витые браслеты, узкомассивные браслеты, спиральные перстни, подковообразные фибулы с спиральными концами и ажурные бляхи. Но сходные элементы наряда женщин не затушевывают главных различий в общем облике костюмов и основных категорий украшений. Костюм богатых женщин Залахтовья находит аналогии среди древностей балтов, а костюм женщины Калихновщины — в материалах из курганов древнерусского времени (раскопки А. К. Иванова и В. Н. Глазова на территории Петербургской губернии).

Ко второй группе относятся погребения (7, 20, 21, 23, 46 из раскопок К. Д. Трофимова в Залахтовье и 316 — из Калихновщины), в которых браслеты, перстни, бусы, пряжки, подвески по внешнему виду, технике изготовления и орнаментации идентичны украшениям наиболее зажиточной части сельского населения, но обнаружены в значительно меньшем количестве, чем в могилах первой группы. Отмечены и определенные качественные отличия: нет нагрудных украшений. В залахтовских захоронениях этой группы найдены сельскохозяйственные и деревообрабатывающие орудия (обычно серп и тесло или коса и тесло).

Сопровождающий инвентарь в мужских погребениях Залахтовья и Калихновщины малочислен и однообразен. В этом материале отличия между могильниками не прослеживаются. Основу погребального инвентаря мужских погребений составляет оружие, главным образом топоры и наконечники копий. Почти все топоры из погребений Залахтовья и Калихновщины принадлежат к группе бородовидных (Bartaxt) и делятся, по классификации А. Н. Кирпичникова, на три типа (IV, V, VI) в соответствии с различным устройством обуха¹³. Найден лишь один топор-секира (курган 271 в Калихновщине) с широким симметрично расходящимся лезвием (по классификации А. Н. Кирпичникова, тип VIII)¹⁴, видимо, скандинавского происхождения.

Вторая категория боевого оружия — железные наконечники копий (по А. Н. Кирпичникову, типы III, IV, VII)¹⁵. Особое внимание привлекает копье из кургана 15 Залахтовья с гравированным орнаментом, сходным с узорами на рунических камнях. Подобные наконечники копий часто встречаются на территории Прибалтики, куда они, видимо, попадали из стран Северной Европы¹⁶. Все оружие рассматриваемых могильников можно датировать XI в.¹⁷

Как правило, во всех мужских захоронениях, в отличие от женских, найдена керамика. В них обнаружены, кроме того, отдельные браслеты, перстни, кресала, пряжки, монетовидные подвески общих для обоих могильников типов¹⁸.

Различия между могильниками отчетливо проявляются в ориентировке погребенных. В обоих могильниках погребенные на горизонте лежат на спине, руки либо вытянуты вдоль туловища, либо положены на живот. Но

в Залахтовье все погребенные, кроме одного (погребение 21, где зафиксирована западная ориентировка), лежат головами на восток. В Калихновщине, наоборот, господствует западная ориентировка, и только двое погребенных мужчин обращены головами на восток (погребения 274 и 308).

Отмеченные отличительные черты Залахтовского могильника — восточная ориентировка и прибалтийский характер древностей — сближают его с памятниками латгальского населения. В 1961 г. В. В. Седов в статье, посвященной восточнобалтским элементам погребального обряда в курганах древней Руси, пришел к выводу, что могильник у дер. Залахтовье оставлен славянизированными латгалами или другим, близким латгалам восточнобалтским племенем, подвергшимся славянизации¹⁹.

Следует отметить, что латгалы только мужчины хоронили головой на восток, а женщины — всегда на запад. Если бы Залахтовье было памятником латгальского населения, то, видимо, здесь бы сохранилась эта устойчивая черта погребального обряда. В погребениях Залахтовья часто помещали сельскохозяйственные орудия и керамику — обычай, не распространенный в Латгалии. Остатки наплечных накидок в Залахтовье встречаются только в богатых женских погребениях, в то время как в латгальских могильниках вилайне было характерной чертой костюма женщин из всех слоев населения. Неотъемлемыми деталями наряда латгалки были головной венки и ожерелье из раковин каури. В Залахтовье же не обнаружено никаких следов головных венков у женщин и найдена лишь одна раковина. С другой стороны, в противоположность латгальским могильникам, где находки бус чрезвычайно редки, из погребений Залахтовья происходит более 100 всевозможных бус. Эти факты не позволяют считать Залахтовье памятником собственно латгалов.

В настоящее время решить окончательно вопрос об этнической принадлежности погребенных в Залахтовье не представляется возможным, так как этот могильник — пока единственный памятник такого рода на восточном побережье Чудского озера. Нам кажется, что его следует рассматривать как памятник, отражающий результат смешения культур латгалов и населения Новгородской земли. Но нельзя полностью отказываться и от предположения В. В. Седова, что этот могильник оставлен особой группой восточных балтов, родственных латгалам.

Могильник у дер. Калихновщина в отличие от Залахтовья не единичен — он входит в круг древностей, широко представленных могильниками древнерусского времени на территории Псковской области (Ольгин Крест, Скарятина гора, Криуши, Кукулина гора, Гусева гора, Засторонье, Павлов погост, Верхоляны и т. д.), раскопанными В. Н. Глазовым²⁰.

¹ Трофимов К. Д. Раскопки курганов при д. Залахтовье-Кувшиново С.-Петербургской губернии Гдовского уезда. М., 1909; Архив ЛОИА, ф. 1, 1909, л. 31. Материалы хранятся в ОИПК ГЭ, колл. 721.

² Кудряшов К. В. Отчет о раскопках 1911 г. в Гдовском уезде С.-Петербургской губернии. — ЗОРСА, IX, 1913, с. 255—263; Архив ЛОИА, ф. 2, 1931, л. 739. Материалы хранятся в ОИПК ГЭ, колл. 878.

³ Кирпичников А. Н. Древнерусское оружие, т. 2. — САИ, Е1-36, 1966, по каталогу № 316—318, 351, 352, 385 (копья); № 383, 384, 400, 401 (топоры).

⁴ Спицын А. А. Гдовские курганы в раскопках В. Н. Глазова. — МАР, № 29,

1903, с. 9—105. Материалы хранятся в ОИПК ГЭ, колл. 856.

⁵ Спицын А. А. Гдовские курганы... с. 5—16, 96—105.

⁶ По общей нумерации А. А. Спицына.
⁷ Шноре Э. Д., Зейд Т. Я. Нукшинский могильник. Рига, 1957, с. 42—43; Зарина А. Э. Отражение и развитие производственных сил и производственных отношений в одежде латгалов VII—VIII вв. Автореф. канд. дисс. Рига, 1962, с. 17—20; Волкайте-Куликаускас Р. Литовцы в IX—XII вв. Автореф. докт. дисс. Вильнюс, 1968, с. 32.

⁸ Седов В. В. Следы восточнобалтийского погребального обряда в курганах древней Руси. — СА, 1961, № 2, с. 108.

⁹ Но не все шерстяные ткани, найденные в погребениях, следует рассматривать как фрагменты наплечного покрывала. Некоторые из них бесспорно можно считать остатками кофт, юбок, обмоток ног и др.

¹⁰ Рыбаков Б. А. Древние элементы в русском народном творчестве. Женское божество и всадники. — СЭ, 1948, № 1, с. 102, 103.

¹¹ Спицын А. А. Гдовские курганы..., с. 26.

¹² Спицын А. А. Курганы С.-Петербургской губернии в раскопках Л. К. Ивановского. — МАР, № 20, 1896, табл. I, 7; XI, 11, 20, 21; Он же. Гдовские курганы..., табл. XX, 8, 10; XXI, 6, 10; Левашова В. П. Височные кольца. — Труды ГИМ, 43, 1967, с. 16—18, рис. 3; Арциховский А. В. Курганы вятичей. М., 1930, с. 58, 59.

¹³ Кирпичников А. Н. Указ. соч., с. 36—38.

¹⁴ Там же, с. 39.

¹⁵ Там же, с. 12—15, 17.

¹⁶ Музуревич Э. С. Восточная Латвия и соседние земли в X—XIII вв. Рига, 1965, с. 45—49.

¹⁷ Кирпичников А. Н. Указ. соч., по каталогу № 316—318, 351—352, 385 (копья); № 383, 384, 400, 401 (топоры).

¹⁸ Седов В. В. Указ. соч., с. 109.

¹⁹ В таком большом могильнике, как Нукшинский, найдено всего около 40 бусин (Шноре Э. Д., Зейд Т. Я. Указ. соч., с. 36).

²⁰ Спицын А. А. Гдовские курганы..., с. 59—63, 74—75, 83—84, 86—91, 107—110.

Ф. Д. ГУРЕВИЧ

ДВА ЭТАПА В ИСТОРИИ ДРЕВНЕРУССКИХ ГОРОДОВ ПОНЕМАНЫЯ

Археологические исследования летописных городов Понеманья показали, что одни из них (Волковыск и Новогрудок) возникли не позднее X в., а другие (Гродно, Слоним и Турыйск) были основаны в XI в. С конца XIII в. исторические судьбы этих городов были связаны с Литовским государством¹.

Раскопки широкими площадями производились в трех городах этой земли — в Гродно, Волковыске и Новогрудке. Они убеждают в том, что в истории культуры перечисленных древнерусских городов выделяются два этапа. Применительно к древнему Гродно эту особенность в свое время отметил Н. Н. Воронин². По его мнению, во второй половине или в конце XI в. на территории Гродно возник небольшой древнерусский поселок, где жили воины-дружинники. В составе обитателей первоначального поселка были также ремесленники. Вскоре это поселение гибнет от пожара. Второй этап в истории древнего Гродно знаменуется превращением крепости в княжескую резиденцию. Это происходит в XII в. Город становится значительным ремесленно-торговым центром на западной окраине Руси. Здесь рождается оригинальная архитектурная школа, к творениям которой относятся Нижняя церковь в крепости, крепостные башни и загородный храм Бориса и Глеба на Коложе.

Многолетние археологические работы в Новогрудке позволили проследить особенности двух этапов в его жизни. Попытаемся рассмотреть культуру этого города на первом этапе. В конце X в. на холме Малый Замок (северная окраина современного города) возникает неукрепленное поселение, а к началу XI в. заселяется соседний холм — Замковая гора, где поселение тоже было неукрепленным. К середине XI в. площадку Замковой горы обносят валом и превращают в детинец, под прикрытием которого находился неукрепленный посад³.

Жилища того времени были наземными, срубными, с каменными или глинобитными печами (рис., 1), которые характерны для поселений лесной зоны. Изредка встречаются остатки углубленных жилищ, свидетельствующих о проникновении южнорусской домостроительной традиции⁴.

На рисунке изображен наиболее характерный инвентарь того времени. Как показала М. В. Малевская, 98% массовой керамики составляют горшки с отогнутым венчиком, среди которых выделяются два основных типа⁵. К первому из них относятся горшки со слабо отогнутым венчиком (рис., 2). Большинство из них частично обточено на гончарном круге. У горшков второго типа, которые целиком обработаны на круге, венчики более сложного профиля, с выступом или утолщением снаружи (рис., 3). В керамический комплекс входят также горшки с вертикальным горлом (рис., 4), единичные экземпляры сковород (рис., 9) и некоторые другие формы керамики.

Горшки второго типа датируются по материалам из курганов конца X—XI в., исследованных в окрестностях Новогрудка⁶. Другие сосуды, о которых упоминалось выше, употреблялись не позднее конца X в.⁷

Среди остальных изделий узкую дату, не выходящую за границы XI в., имеют роговые односторонние гребни (рис., 14)⁸, некоторые формы металлических украшений (рис., 8, 15, 18)⁹ и отдельные формы бус — лимонovidные (рис., 27, 28), глазчатые (рис., 23) и мозаичные пропизки (рис., 24)¹⁰. Не позднее XI в. были распространены характерные для жителей Новогрудка височные кольца со спиральным завитком (рис., 12, 31)¹¹. I тысячелетием н. э. датируются глиняные пряслица (рис., 6)¹².

Часть вещей относится как к X—XI в., так и к XII в. Таковы калачевидные кресала с язычком (рис., 17, 34), ключи от навесных и врезных замков (рис., 9, 11), битрапеционные бусы (рис., 26) и бубенчики с крестовидной прорезью (рис., 29)¹³. Еще более широкие хронологические рамки имеют шиферные пряслица (рис., 7), височные кольца в 1½ оборота (рис., 13) и подковообразные спиралеконечные пряжки (рис., 16), распространенные с X по XIII в.¹⁴ Отметим также некоторые железные наконечники стрел (рис., 22), которыми пользовались с VIII до XIII в.¹⁵

Несмотря на широкие хронологические рамки, все эти вещи отнесены к первому этапу в истории Новогрудка, поскольку они найдены вместе с изделиями, распространенными не позднее XI в.

Характеристика культуры Новогрудка конца X и XI в. будет неполной, если не упомянуть о его курганном могильнике, в котором раскопан 31 курган. В 7 курганах открыты погребения с трупосожжениями (рис., 3, 6), в 20 — лежали костяки (рис., 37), в одном — обряд погребения был биритуальным. Остальные курганы оказались пустыми. Большая часть инвентаря (рис., 30—35) идентична находкам поселения¹⁶.

В XII в. в культуре города происходят коренные изменения, что прежде всего отражается на системе оборонительных сооружений. В начале века посад обносят валом, и он превращается в окольный город. Увеличивается площадка детинца за счет того, что первоначальный вал засыпают, а новый сооружают на самом краю площадки. В начале XIII в. у подножия детинца возводят дополнительный вал¹⁷.

Новые черты прослеживаются в домостроительстве. Наряду с обычными наземными постройками (рис., 41) появляются большие богатые жилища. Одно из них было углубленным (рис., 42), остальные — наземными, с застекленными окнами, судя по находкам оконного стекла (рис., 39). При возведении печей, оконных проемов и в некоторых других случаях в качестве строительного материала использовался кирпич размерами 25—30 × 16—19 × 3,5—5,5 см (рис., 38). В одном жилище стены были оштукатурены и покрыты фресковой росписью. Ю. П. Спегальский реконструировал эту постройку в виде пятистенного дома, в котором роспись нанесена ниже полавоchников¹⁸.

Часть северной площадки детинца была отведена под хозяйственные строения феодальной верхушки. От них сохранились сгоревшие настилы, нередко покрытые берестой. Под ними, обычно лежало сгоревшее зерно. В одном случае под настилом находилось помещение, в котором открыты остатки сгоревших бочек для хранения припасов¹⁹.

Появление больших построек на территории окольного города отразилось на ассортименте вещей. Немало богатых находок связано и с детинцем. В керамическом комплексе по-прежнему преобладают горшки с отогнутым венчиком, форма которых заметно изменилась (рис., 42, 43). Часть горшков имеет вертикальное горло (рис., 44). В состав повседневной керамики входят кувшины, крышки и некоторые другие формы²⁰.

Для новогрудского керамического комплекса XII и XIII вв. характерно обилие причерноморских амфор. Преобладают амфоры с крупным туловом и ручками, поднятыми над горлом (рис., 45). В это же время распространяются поливные сосуды в форме мисок (рис., 46), горшков,

кувшинов и блюд. Отметим небольшое число фаянсовых сосудов (рис., 50), изготовленных в мастерских Ирана²¹. Украшением новогрудской коллекции служат стеклянные сосуды киевского происхождения, в основном кубки на поддоне (рис., 48), а также привезенные из Византии, Сирии и Египта кубки (рис., 47), флаконы (рис., 49), чаши и др.²²

Остальной инвентарь (рис., 51—83) типичен для синхронных древнерусских памятников. Любопытно, что в наборе железных стрел более 30% были втульчатыми, в то время как на остальных древнерусских землях втульчатые стрелы составляли только 1%. Находки более 100 железных пластин от двух панцирей, один из которых обнаружен в окольном городе (рис., 58), а другой — в детинце, ставят Новогрудок в ряд тех немногих древнерусских городов, где найдено это защитное оружие²³.

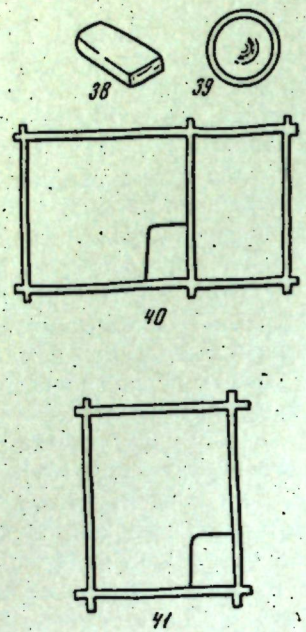
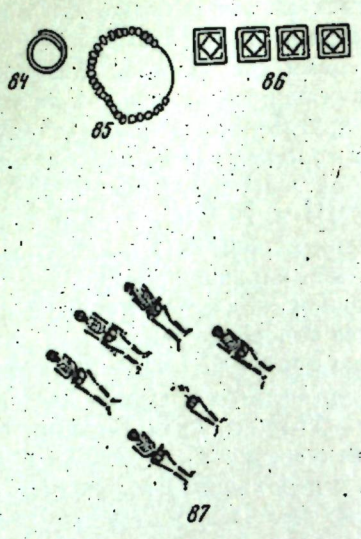
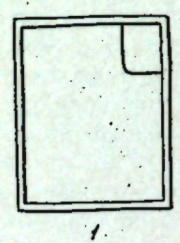
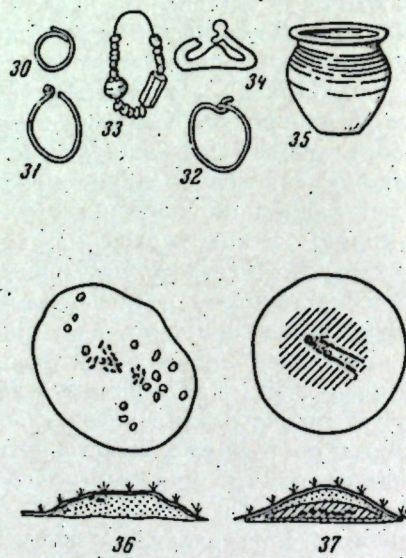
Выдающимся событием в культурной истории города было строительство храма в XII в. В 1961, 1962 и 1965 гг. М. К. Каргер открыл и исследовал остатки церкви XII в., построенной на холме к западу от окольного города. Ее кладка напоминает кладку храма Благовещения в Витебске. В полоцком зодчестве имеются параллели пристроенной несколько позднее галереи новогрудской церкви. Эти особенности церкви Новогрудка дают основание причислить ее к памятникам полоцкой школы²⁴.

С XII в. курганный могильник постепенно сменяют христианские кладбища. В 1965—1967 гг. на территории окольного города открыто 105 погребений. Почти все костяки лежали в вытянутом положении головой на запад, иногда с небольшим отклонением к северу или югу (рис., 87). При костях почти не было вещей, отметим лишь полуторооборотное (рис., 84) и перстневидное височные кольца, ожерелье из мелких пастовых бусин (рис., 85), золотые нити, которыми, видимо, была расшита ткань, и бронзовые бляшки с позолотой (рис., 86). Бляшки интересны тем, что их изготовил ювелир новогрудского детинца, которому принадлежали матрицы для подобных изделий²⁵.

Таковы основные особенности двух этапов в истории Новогрудка с конца X до конца XIII в. На первом этапе жители Новогрудка, заняв высокие холмы, какое-то время не возводят искусственных оборонительных сооружений и лишь впоследствии ограждают валом одну из занятых ими площадок. Культурный и этнический облик первоначальных обитателей Новогрудка неоднороден. Северорусский тип жилища сочетается здесь с некоторыми элементами южнорусского домостроительства. Южнорусское и западнославянское влияние прослеживается в керамическом комплексе. В металлическом уборе новогрудских женщин определенное место занимают прибалтийские украшения, что предположительно можно связывать с культурой местного населения Понеманья до появления здесь славян²⁶. Господствующей религией этого этапа было язычество.

На втором этапе этнические различия населения постепенно стираются, и гораздо отчетливее проявляются социальные контрасты. Культура и быт рядовых горожан и представителей городских верхов резко отличаются друг от друга. Большое влияние на культуру древнерусского Новогрудка оказывает распространение христианства. Это сказывается не только в строительстве храма и изменении погребального обряда, но и в распространении грамотности и письма²⁷.

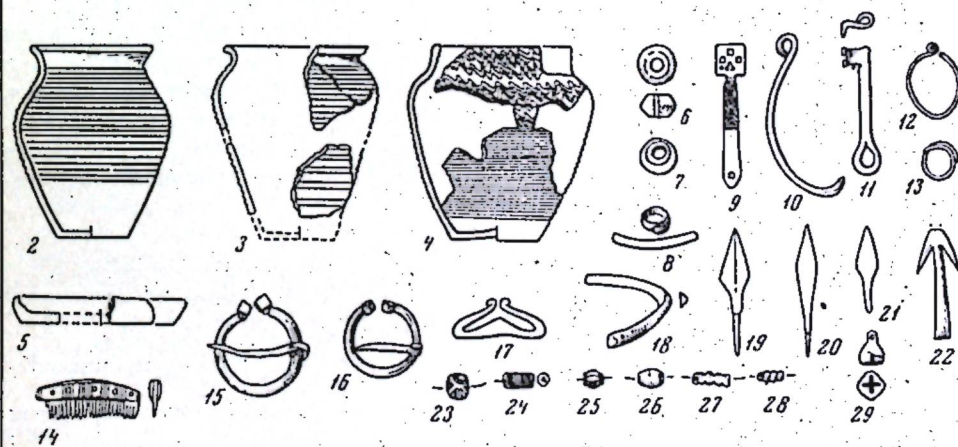
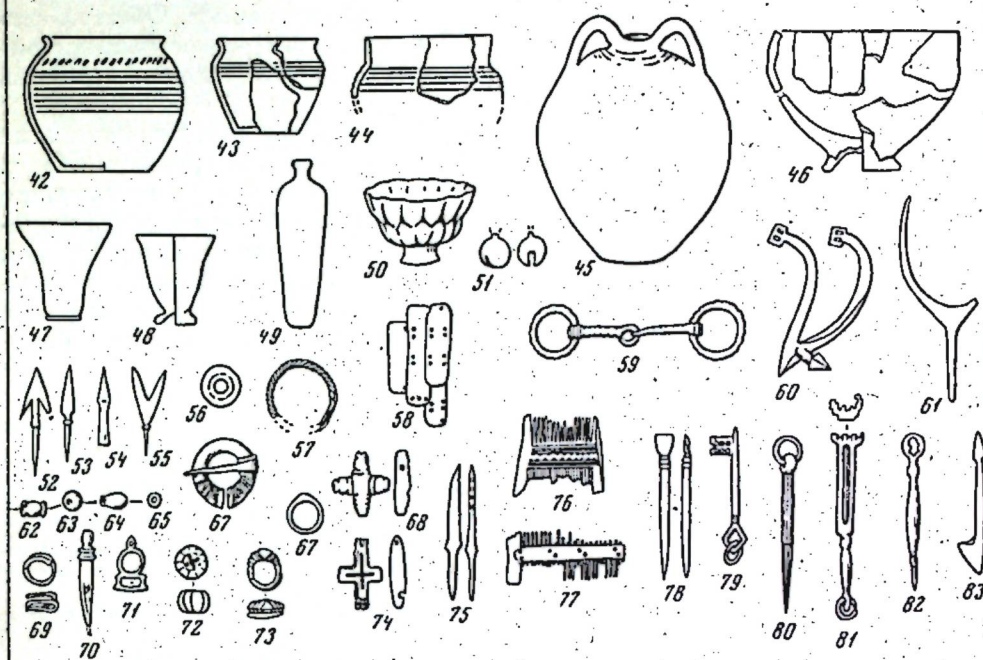
Обратимся к материалам Волковыска. При некотором своеобразии культуры этого города она тем не менее чрезвычайно близка культуре Новогрудка. Волковыск тоже первоначально возникает на неукрепленных холмах. Лишь на протяжении очень короткого времени (конец X—первая половина XI в.) жители использовали городище «Муравельник» в 0,5 км от основных поселений. В истории оборонительных сооружений Волковыска наблюдается та же последовательность, которая характерна для Новогрудка. Прежде всего укрепляют территорию будущего детинца — «Шведской горы», а в начале XII в. обносят валом городской посад — «Замчище», и он превращается в окольный город²⁸.

Этап	Постройки	Погребения	Дата
2			XII-XIII в.в.
1			Конец I и II в.

Два этапа развития Новогрудка

1, 40, 41 — срубные постройки; 2—5, 35, 42—44 — массовая керамика; 6 — глиняное пряслице; 7, 56 — шиферные пряслища; 8, 30, 67, 73 — бронзовые перстни; 9—11, 79—82 — ключи; 12, 13, 31, 32, 69, 84 — бронзовые и серебряные височные кольца; 14, 76, 77 — роговые гребни; 15, 16, 66 — бронзовые пряжки; 17, 34 — кресла; 18 — бронзовый браслет; 19—22, 52—55 — железные наконечники стрел; 23—28, 33, 62—65, 85 — стеклянные, пастовые и сердоликовые бусы; 29, 51 — бронзовые бубенчики; 36, 37 — кур-

Характерный инвентарь

ганы (планы и разрезы); 38 — кирпич; 39 — оконное стекло; 45 — амфора; 46 — поливная миска; 47—49 — ганы (планы и разрезы); 50 — фалисовая чаша; 57 — стеклянный браслет; 58 — железные пластины от доспехов; 59 — удила; 60, 61 — шпоры; 68 — шиферный крест-тельник; 70, 71 — бронзовые книжные ластежки; 72 — металлическая гирька; 74 — бронзовый вилопий; 75 — нож; 78 — железный стил; 83 — железный гарпун; 86 — бронзовые бляшки с позолотой; 87 — погребения на территории окольного города (2—5; 42—46 — по М. В. Малевской; 30—35, 37, 86 — по К. В. Павловой)

На первом этапе истории Волковыска единственным типом жилых построек являются полуземлянки с печами-каменками²⁹. Это служит убедительным доказательством южного происхождения первоначальных жителей города. В начале XII в. полуземлянки сменяются наземными срубными постройками с печами-каменками. По-видимому, в это время наряду с рядовыми наземными домами сооружаются и богатые жилища. Об этом свидетельствуют находки оконного стекла³⁰ и отдельных редкостных предметов, среди которых особое место занимает часть резного сидения, вероятно, изготовленного в Южной Германии³¹.

Вещевые находки из полуземлянок за небольшими исключениями идентичны изделиям Новогрудка, датирующимся концом X и XI в. Такое же соответствие наблюдается между инвентарем из культурного слоя, к которому относятся наземные постройки Волковыска, и новгородскими изделиями XII и XIII вв., хотя в Волковыске нет характерного для богатых комплексов Новогрудка обилия импортных вещей византийского и ближневосточного происхождения. Специфика вооружения, отмеченная нами в Новогрудке — значительная роль втульчатых стрел, — еще более ощутима в Волковыске, где подобные наконечники составляют 63% всех железных стрел³².

На территории окольного города древнего Волковыска В. Р. Тарасенко и Г. И. Пех открыли остатки церкви — фундамент одноапсидного храма, подкупольный квадрат которого был сдвинут на одно членение к западу. Вблизи храма найдены запасы плинфы и декоративного камня. Храм по какой-то причине остался недостроенным. План церкви, строительная техника и декоративные материалы приводят П. А. Раппопорта и М. К. Каргера к заключению, что храм предполагалось возвести в традициях гродненской архитектурной школы³³.

Вывод о развитии грамотности и письма среди горожан Новогрудка можно в полной мере распространить и на жителей Волковыска³⁴.

Таким образом, два этапа в истории древнерусских городов Понеманья, подвергшихся систематическим раскопкам, засвидетельствованы разнообразными археологическими материалами. Первый этап, завершившийся к концу XI или рубежу XI и XII вв., — время формирования городов этой земли. Они были заложены славянским населением, проникавшим в Понеманье как с севера, так и с юга. Второй этап, охватывающий XII и XIII вв., — время расцвета и зрелости городской культуры Понеманья. Города Понеманья не были разрушены татаро-монголами, но их культура, тесно связанная с культурой южнорусских земель, заметно хиреет после татаро-монгольского нашествия, а к концу XIII в. города этой земли попадают под власть Литвы.

¹ Облик древнерусских городов Понеманья со времени их основания до конца XIII в. кратко охарактеризован в книге «Очерки по археологии Белоруссии», т. II (Минск, 1972, с. 133—149).

² Воронин Н. Н. Древнее Гродно. — МИА, № 41, 1954, с. 32—148.

³ Гуревич Ф. Д. Некоторые итоги археологического исследования древнего Новогрудка. — КСИА, 139, 1974, с. 97.

⁴ Гуревич Ф. Д. Об углубленных жилищах на территории Черной Руси. — МИА, № 176, 1970, с. 117.

⁵ Малевская М. В. Некоторые исторические связи Новогрудка в X в. — КСИА, 129, 1972, с. 14; Она же, О датировке нижнего горизонта Новогрудка. — КСИА, 104, 1965, с. 87.

⁶ Павлова К. В. Раскопки могильника близ Новогрудка. — КСИА, 104, 1965,

рис. 37, 1; 38, 6; Она же. Курганный могильник у дер. Городиловка. — КСИА, 135, 1972, с. 56—61.

⁷ Малевская М. В. Некоторые исторические связи. — с. 10.

⁸ Колчин Б. А. Хронология новгородских древностей. — СА, 1958, № 2, с. 100; Давидан О. И. Гребни Старой Ладоги. — АСГЭ, 2, 1962, с. 101.

⁹ Мальм В. А. Подковообразные и кольцевые застёжки-фибулы. — Труды ГИМ, 43, 1967, с. 182—183; Недошина Н. Г. Перстни. — Там же, с. 272.

¹⁰ Шапова Ю. А. Стекланные бусы древнего Новгорода. — МИА, № 55, 1956, с. 173, 174, 176—178; Ястребов В. Н. Лядинский и Томниковский могильники Тамбовской губ. — МАР, № 10, 1893, табл. XII, 10.

¹¹ Павлова К. В. Об одном типе височных колец древнего Новогрудка. — КСИА, 120, 1969, с. 121.

¹² Рыбаков Б. А. Ремесло Древней Руси. М., 1948, с. 114.

¹³ Шапова Ю. А. Стекланные бусы древнего Новгорода, с. 170; Мальм В. А., Фехнер М. В. Привески-бубенчики. — Труды ГИМ, 43, 1967, с. 142.

¹⁴ Рыбаков Б. А. Ремесло. — с. 196; Успенская А. В. Курганы Южной Белоруссии. — Труды ГИМ, 22, 1953, с. 120—121; Мальм В. А. Подковообразные и кольцевые фибулы-застёжки, с. 175.

¹⁵ Медведев А. Ф. Ручное метательное оружие. Лук и стрелы. — САИ, Е1-36, 1966, с. 56.

¹⁶ Гуревич Ф. Д. Древности Белорусского Понеманья. Л., 1962, с. 179; Павлова К. В. Раскопки могильника. — с. 99—105; Гуревич Ф. Д., Павлова К. В. Древний Новогрудок. — АО 1965 г. М., 1966, с. 165; Гуревич Ф. Д., Малевская М. В., Пономарева Т. С., Шолохова Е. В. Новогрудская экспедиция. — АО 1968 г. М., 1969, с. 354.

¹⁷ Раппопорт П. А. Военное зодчество западнорусских земель X—XIV вв. — МИА, № 140, 1957, с. 90; Ткачев М. А. Исследование памятников оборонного зодчества Белоруссии. — АО 1970 г. М., 1971, с. 307; Гуревич Ф. Д. Некоторые итоги. — с. 10.

¹⁸ Гуревич Ф. Д. О жилищах окольного города древнего Новогрудка. — КСИА, 87, 1962, с. 70—77; Она же. Дом боярина XII в. в древнем Новогрудке. — КСИА, 99, 1964; Спегальский Ю. П. Жилища Северо-Западной Руси IX—XIII вв. Л., 1972, с. 149—159.

¹⁹ Павлова К. В. Хозяйственные постройки XII—XIII вв. на территории древнего Новогрудка. — КСИА, 129, 1972.

²⁰ Малевская М. В. К вопросу о локальных вариантах керамики западнорусских земель XII—XIII вв. — КСИА, 125, 1971, с. 27—31.

²¹ Малевская М. В. Амфоры Новогрудка. — Тезисы докладов конференции по археологии Белоруссии. Минск, 1969, с. 185—191; Она же. Поливная керамика древнего Новогрудка. — СА, 1969, № 3, с. 194—203; Гуревич Ф. Д. Ближневосточные изделия в древнерусских городах Белоруссии. — Сб.: Славяне и Русь. М., 1968, с. 34—36.

²² Шапова Ю. А. Стекло Киевской Руси. М., 1972, с. 30—64; Джанполадян Р. М. Два стеклянных сосуда из Новогрудка. — Византийский временник, XIX, 1961, с. 166—171; Гуревич Ф. Д. Стекланный резной бокал из Новогрудка. — СА, 1963, № 2; Гуревич Ф. Д., Джанполадян Р. М. Восточное стекло в Древней Руси. Л., 1968.

²³ Медведев А. Ф. Ручное метательное оружие. — с. 54—55; Киричкова А. Н. Древнерусское оружие, т. 3. — САИ, Е1-36, 1971, с. 16.

²⁴ Каргер М. К. Раскопки храма Бориса и Глеба в Новогрудке. — АО 1965 г. М., 1966, с. 165; Алексеев Л. В. Полоцкая земля. М., 1966, с. 217; Очерки по археологии Белоруссии, т. II, с. 204.

²⁵ Павлова К. В. Могильник на территории окольного города древнего Новогрудка. — КСИА, 110, 1967, с. 36—39; Гуревич Ф. Д., Малевская М. В. Археологические работы в Новогрудке. — АО 1966 г. М., 1967, с. 270; Гуревич Ф. Д., Малевская М. В., Павлова К. В. Исследования в Новогрудке. — АО 1967 г. М., 1968, с. 253—254; Гуревич Ф. Д. К истории культурных связей древнерусских городов Понеманья с Киевской землей. — Сб.: Культура и искусство средневековой Руси. Л., 1974.

²⁶ Гуревич Ф. Д. Об этническом составе населения древнего Новогрудка. — Acta Baltico-Slavica, VI, 1966, с. 219—222; Малевская М. В. Некоторые исторические связи. — с. 13—20.

²⁷ Гуревич Ф. Д. Грамотность горожан древнерусского Понеманья. — КСИА, 135, 1973, с. 28—34.

²⁸ Раппопорт П. А. Военное зодчество. — с. 89; Зверуго Я. Г. Древний Волковыск (X—XIV вв.). Автореф. канд. дисс. Минск, 1971, с. 4—7.

²⁹ Я. Г. Зверуго. Древний Волковыск, с. 8.

³⁰ Там же.

³¹ Даркевич В. П. Произведения западного художественного ремесла в Восточной Европе. — САИ, Е1-57, 1966, с. 28.

³² Тарасенко В. Р. Раскопки городища «Шведская гора» в Волковыске в 1954 г. — Материалы по археологии БССР, т. I. Минск, 1957, с. 258—279; Пех Г. И. Раскопки в Волковыске в 1958 г. — СА, 1963, № 1, с. 231—236; Зверуго Я. Г. Древний Волковыск, с. 8—11; Она же. Оружие древнего Волковыска. — Белорусские древности. Минск, 1967, с. 313; Она же. Новые данные о древнем Волковыске. — Древности Белоруссии. Минск, 1969.

³³ Пех Г. И. Раскопки в Волковыске в 1958 г., с. 231—233; Раппопорт П. А. Раскопки в Волковыске в 1959 г. — СА, 1963, № 1, с. 239—240; Каргер М. К. К вопросу о памятниках зодчества XII в. в Волковыске. — Сб.: Славяне и Русь. М., 1968, с. 240—248; Зверуго Я. Г. О строительном материале храма XII в. на волковском замчище. — Тезисы докладов конференции по археологии Белоруссии. Минск, 1969, с. 153—161; Раппопорт П. А. О взаимосвязях русских архитектурных школ в XII в. — Труды Ин-та живописи, скульптуры и архитектуры им. И. Е. Репина, серия Архитектура, вып. 3. Л., 1970, с. 22; Очерки по археологии Белоруссии, т. II, с. 201—202.

³⁴ Зверуго Я. Г. Писала древнерусского Волковыска. — Тезисы докладов конференции по археологии Белоруссии. Минск, 1969, с. 147—152.

А. В. ЧЕРНЕЦОВ

КЛАССИФИКАЦИЯ И ХРОНОЛОГИЯ
НАКОНЕЧНИКОВ ДРЕВНЕРУССКИХ ПАХОТНЫХ ОРУДИЙ

Основным источником по истории древнерусских пахотных орудий являются их части, найденные при археологических раскопках¹. Этот материал включает около 120 наконечников пахотных орудий домонгольского времени и около 50 чересел. К ним примыкают свыше 30 наконечников XIV—XVI вв. и около 100 металлических частей пахотных орудий с сопредельных территорий Восточной Европы. Находки происходят приблизительно из 100 пунктов. Следует отметить, что датированных наконечников средневековых пахотных орудий в Восточной Европе больше, чем в Западной, где археологическому изучению средневековых памятников уделялось меньше внимания.

Все древнерусские наконечники пахотных орудий (кроме двух — из Райковецкого городища) относятся к наиболее распространенному типу втульчатых. Среди них могут быть выделены такие, у которых ширина лопасти не превышает ширины втулки (без плечиков), и такие, у которых лопасть шире втулки (с плечиками). Древнерусские наконечники без плечиков весьма разнообразны. Длина большей части таких наконечников варьирует в пределах 100—200 мм, ширина — 64—105 мм (рис. 1, 1—3).

Среди наконечников без плечиков, найденных в лесной зоне, в домонгольское время преобладали экземпляры, характеризующиеся длинной (180—200 мм) и узкой рабочей частью (60—80 мм). Форма втулки в сечении не вытянутая, как у большинства южных, а более округлая и сомкнутая, лопасть несколько выгнута вперед (рис. 1, 4—7). По деталям формы эти наконечники могут быть разделены на два подтипа. По дальнейшей типологической эволюции и по функциональным особенностям, которые порождались их формой, исследователи уже давно связывают эти наконечники с сохой. С XIV в. известны более развитые сошники — длиной свыше 30 см, с заостренной лопастью и нередко одной режущей стороной лопасти (рис. 1, 8).

Наконечники с плечиками известны в Восточной Европе с черняховского времени, однако в тот период они были немногочисленны. Стандартизованный тип наральника с плечиками появляется в Восточной Европе с VII в. Для него характерны следующие размеры: длина 160—215 мм, ширина лопасти 80—120 мм, ширина втулки 60—80 мм (рис. 1, 10, 11). Значительная ширина лопасти и разомкнутая втулка заставляют предположить, что наральник этого типа соответствовал ралу с полозом.

В XII в. появляются более мощные наконечники с плечиками — их втулка в два раза шире, чем у более ранних, а лопасть — в полтора (рис. 1, 13, 14). В XIV—XVI вв. такие наконечники (далее они называются симметричными лемехами) сменяются более крупными, среди которых выделяются экземпляры с явной асимметрией (рис. 1, 16, 17).

В количественном отношении эти группы наконечников представлены следующими показателями. Наконечники без плечиков черняховского времени — 8, домонгольского — 25. Сошники домонгольского времени — 30,

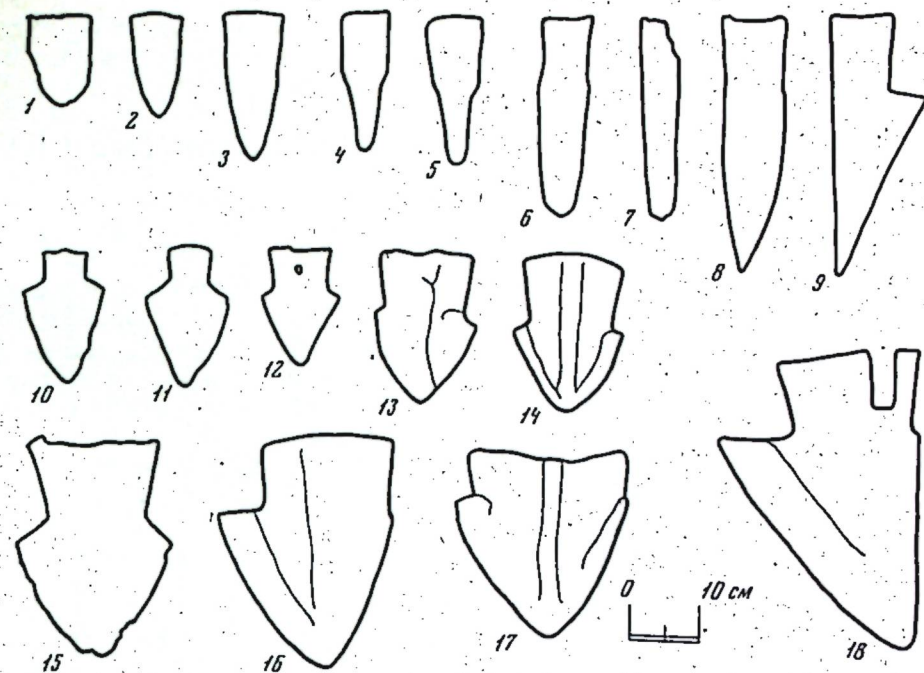

Рис. 1. Типы восточнославянских наконечников пахотных орудий

1—3 — наральники без плечиков (1 — Старая Ладога, 2 — Райковецкое городище, 3 — Городец); 4, 5 — сошники первого типа (4 — Владимирщина, 5 — Вдич); 6, 7 — сошники второго типа (Новгород) 8 — сошник третьего типа (Москва); 9 — поздний перовой сошник; 10, 11 — наральники с плечиками (10 — Пеняковка, 11 — Княжа Гора); 12 — поздний наральник с плечиками; 13, 14 — симметричные лемехи (Княжа Гора); 15—17 — переходные формы от домонгольских симметричных лемехов к поздним плужным (15 — Киевщина, 16 — Вышгород, 17 — Комаровка); 18 — плужный поздний лемех

в том числе к первому типу принадлежат 14, ко второму — 10, к третьему — 6. Наральники с плечиками — 16. Симметричных лемехов домонгольского времени найдено больше, чем 40. Крупные симметричные лемехи более позднего времени и лемехи с явной асимметрией представлены шестью древнерусскими экземплярами.

Весьма интересна география распространения разных типов наконечников пахотных орудий². В целом можно сказать, что все типы сошников сосредоточены в лесной зоне Восточной Европы, остальные типы наконечников и чересла — южнее. Однако граница типов наконечников по сравнению с границей ландшафтных зон сдвинута немного на север. На некоторых территориях орудия с южной и северной традициями сосуществовали. В ареале сошников известны более ранние наконечники без плечиков.

Наконечники пахотных орудий, применяемые в древней Руси, употреблялись и соседними народами. Так, сошники еще в домонгольское время были распространены у народов Прибалтики и Поволжья³. Характерный тип наральника с плечиками был знаком также южным и западным славянам⁴. Симметричные лемехи имеются в археологическом материале Румынии⁵ и Болгарии⁶. Крупные симметричные лемехи и лемехи с появляющейся асимметрией найдены в Чехии, Молдавии, Волжской Болгарии⁷.

Два наральника из Райковецкого городища с «ручкой» вместо втулки имеют аналогии в Болгарии (где они доживают до XX в.) и в средневековой Польше (где, как и на Руси, орудия с такими наральниками позднее не применялись)⁸.

Древнерусские наконечники пахотных орудий могут быть использованы как материал для периодизации истории этих орудий (рис. 2).

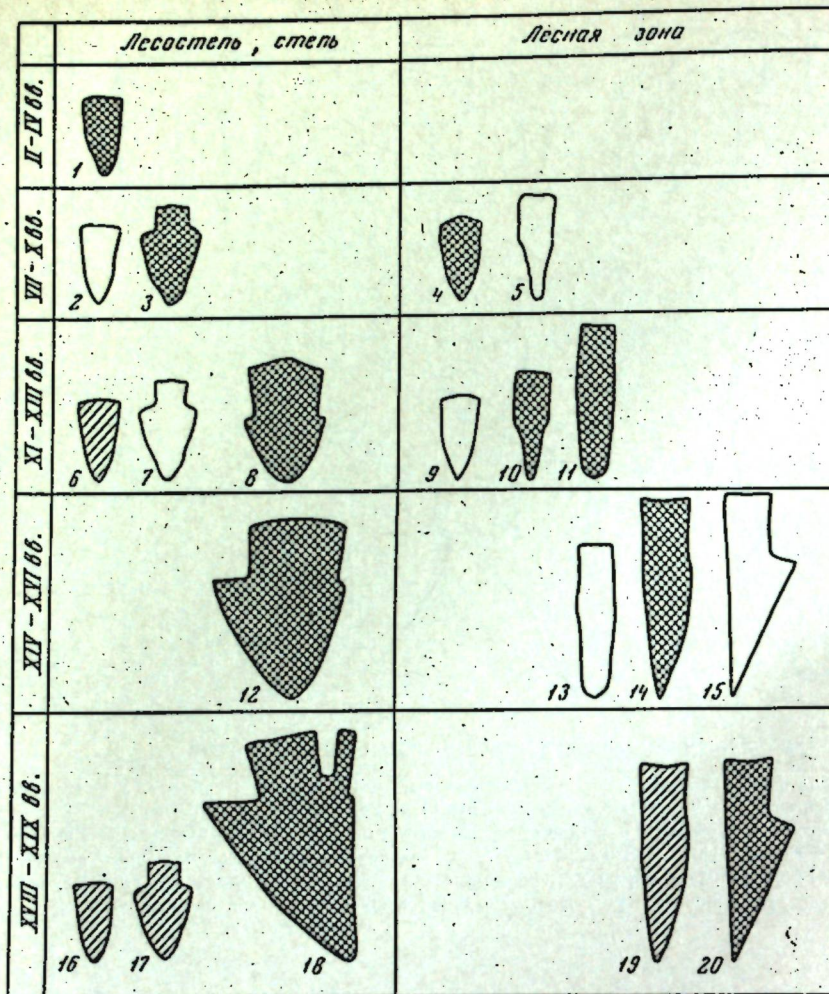

Рис. 2. Типы восточнославянских наконечников пахотных орудий с черняховского времени по XIX в. (перекрестной штриховкой даны типы, преобладающие в данный период, косой — второстепенные, одним контуром — представленные единичными экземплярами)

1, 2, 4, 6, 9, 16 — наральники без плечиков (эта группа включает образцы, очень разные по размерам и пропорциям, остальные типы представляют серии с устойчивыми размерами и пропорциями); 3, 7, 17 — наральники с плечиками (черняховские исключены как сильно отличающиеся по размерам и пропорциям); 8 — симметричные лемехи; 12 — переходные формы от симметричного лемеха к позднему плужному; 18 — плужные лемехи; 5, 10 — сошники первого типа; 11, 13 — сошники второго типа; 14, 19 — сошники третьего типа; 15, 20 — перовые сошники

Древнейшие в Восточной Европе наконечники пахотных орудий черняховского времени (II—IV вв.) немногочисленны и разнообразны. С позднейшими наконечниками пахотных орудий можно связывать только наконечники без плечиков.

Период VII—X вв. характеризуется преобладанием на юге характерных широколопастных наральников с плечиками (весьма близких друг к другу по размерам и пропорциям). Узкая, почти разомкнутая втулка их показывает, что эти наконечники соответствовали орудиям с полозом, использовавшимся на легких, однородных, вероятнее всего старопашотных почвах. Наконечники без плечиков в это время единичны. Тогда же появляются первые наконечники пахотных орудий в лесной зоне. Это — разнообразные наральники, в основном без плечиков.

С IX в. появляются и первые сошники⁹. Они относятся к первому типу — небольшие, с особенно мощной втулкой и узкой лопастью. От на-

конечников без плечиков сошники отличаются большей длиной и узкой рабочей частью. Особенности сошников первого типа (мощная, почти сомкнутая втулка, очень узкая рабочая часть) свидетельствуют о тех же самых условиях освоения лесных почв под пашню, которые породили основные специфические черты сохи (высоко расположенный центр тяжести, двузубость, большой рабочий угол). Это совпадение является главным основанием для того чтобы считать, что указанный тип наконечника соответствует сохе, а не ралу.

Начиная с XII в. на юге преобладают мощные симметричные лемехи. Их ширина в полтора, а ширина втулки в два раза превышает соответствующие размеры широколопастных наральников. Находки последних единичны, зато узколопастные довольно часто сопутствуют симметричным лемехам. На севере находки наральников вообще редки. Вначале преобладают сошники первого типа, с XII в. появляются сошники, у которых лопасть выгнута вперед, втулка меньше, а размеры больше. Эти изменения А. В. Кирьянов убедительно связал с образованием больших массивов старопашотных земель¹⁰.

В XIV—XVI вв. на юге можно отметить переходные формы от симметричного лемеха домонгольского времени к позднему плужному лемеху (рис. 1, 15—17)¹¹. О наральниках этого времени говорить трудно ввиду слабой изученности археологических памятников. На севере находки сошников второго типа единичны. Новый, третий тип (известен по находкам в Москве и Новгороде) отличается еще большими размерами, заострением рабочей части, которая не выгнута вперед. Уплощенная форма втулки свидетельствует о рабочем положении, близком к горизонтальному. Появляются сошники с рабочей частью шире втулки — так называемые перовые (рис. 1, 9)¹².

Судя по данным этнографии, в XVIII—XIX вв. на юге Восточной Европы преобладает плужный лемех (рис. 1, 18); узколопастные и широколопастные наральники (рис. 1, 12) распространены довольно широко. На севере наиболее многочисленны «перовые» сошники, но немало и сошников третьего типа. Граница южного и северного ареалов в XVIII—XIX вв. проходит гораздо южнее, чем в домонгольское время, что объясняется значительным распространением сохи. В домонгольское время граница этих ареалов приблизительно соответствовала границе леса и лесостепи. В XVIII—XIX вв. северная соха преобладает у русских крестьян в лесостепной и отчасти даже в степной зоне¹³.

Изучение наконечников пахотных орудий показывает, что представления о застойном характере средневековой агротехники должны быть пересмотрены.

¹ Левашова В. П. Сельское хозяйство. — Труды ГИМ, 32, 1956, с. 31—34; Довженко В. И. Землеробство в древней Руси до середины XIII ст. Киев, 1961, с. 28—52, 248—260; Кирьянов А. В. История земледелия Новгородской земли X—XV вв. — МИА, № 65, 1959, с. 315—319, 343—351.

² Левашова В. П. Указ. соч., карта (приложение); Довженко В. И. Указ. соч., с. 246, 247.

³ Левашова В. П. Указ. соч., с. 28, 32, 33, рис. 5, а; Дорошенко В. В. Сельское хозяйство феодальной Лифляндии (Видаме) в XIII—XVI вв. — Материалы по истории сельского хозяйства и крестьянства СССР, III. М., 1959, с. 48; Moora H. Zur älteren Geschichte des Bodenbaues bei den Esten und ihren

Nachbarvölkern. — Congressus secundus Fenno-Ugristarum. II. Acta Ethnologica. Helsinki, 1968, с. 249.

⁴ Выжарова Ж. Н. О происхождении болгарских пахотных орудий. М., 1956, с. 11, рис. 5; Podwińska Z. Technika uprawy roli w Polsce średniowiecznej. Wrocław, 1962, с. 110—113, рис. 52, с. 55, с; Sach Fr. Radlo a pluh na území Československa. — Vědecké práce ústředí zemědělského muzea, 5. Praha, 1961, с. 73—78, рис. 52, 53, 55, 57; Чангова И. Средневековые орудия на труда в България. — ИАИ, 1962, с. 22, рис. 2.

⁵ Neamtu V. Contribuții la problema uneltelor de arat în perioada feudală. — Arheologia Moldovei, IV. București, 1966, с. 302, рис. 6.

Ю. А. КРАСНОВ

ОБ ОДНОМ ТИПЕ ПАХОТНЫХ ОРУДИЙ
ДРЕВНЕЙ РУСИ

Одной из важных задач изучения земледелия древней Руси является реконструкция бытовавших в то время типов пахотных орудий и определение их происхождения¹. Такое исследование весьма затруднительно, так как древний иконографический материал об орудиях земледелия крайне беден, а многие типы пахотных орудий древности давно могли выйти из употребления и не сохранились в этнографическом материале. Судить о типах древнерусских пахотных орудий приходится почти исключительно по находкам их металлических наконечников, что весьма сложно, а подчас не позволяет прийти к однозначному решению.

Среди многочисленных втульчатых наконечников пахотных орудий домонгольской Руси, принадлежавших, безусловно, орудиям различных типов функционального назначения, особое место занимают так называемые лопатовидные наральники, не имевшие втулки. Они сравнительно велики по размерам, массивны и тяжелы, выкованы из целого куска железа так, что рабочая часть имеет вид уплощенной лопатки ромбической или треугольной формы и непосредственно переходит в более или менее длинный массивный стержень, прямоугольный в сечении. Два таких орудия найдены на Райковецком городище (рис. 1, 1)², одно — на Щучинском в Среднем Поднепровье (рис. 1, 2)³. Общая длина наконечников составляет 36—45 см, длина рабочей части 12—19 см, наибольшая ширина ее 6—11 см, поперечное сечение стержня около 2—4×3—4 см. На более поздних памятниках Восточной Европы такие наконечники нигде не зафиксированы.

Аналогичные по формам и размерам наральники в значительном количестве известны в археологическом материале раннего железного века и средневековья на севере Балканского полуострова, прежде всего на территории Болгарии и Румынии (рис. 1, 3)⁴. Эти аналогии не единственные. Наральник такой же формы длиной более 30 см найден на поселении III—IV вв. Семеновка в Восточном Крыму (рис. 1, 7)⁵. Типологически близкий, но менее массивный наконечник, датированный XIV—XV вв., встречен в Дании (рис. 1, 4)⁶.

Своеобразие формы этих наральников заставляет предполагать и определенные функциональные особенности соответствующих им пахотных орудий, и определенные особенности в строении их остова, или скелета. Поэтому представляет интерес реконструкция типа пахотных орудий, снабженных такими наральниками, определение их места среди других европейских пахотных орудий и на этой основе выяснение их происхождения в Восточной Европе.

Почти единственным и наиболее надежным путем реконструкции типа пахотных орудий по тем данным, которые содержат форма и размеры их рабочих наконечников, является поиск аналогий в этнографическом и древнем иконографическом материале. В иконографии древней Руси изображений таких пахотных орудий нет. Нет орудий, снабженных такими

⁶ Чанцова Н. Указ. соч., с. 22, рис. 2.
⁷ Sach Fr. Указ. соч., с. 77—88, 86, рис. 63; с. 111, табл. V; Смирнов Г. Д. К вопросу о пашенном земледелии в Молдавии в связи с находкой клада сельскохозяйственных орудий XIV в. — Тезисы докладов и сообщений седьмой (кишиневской) сессии симпозиума по аграрной истории Восточной Европы. Кишинев, 1964; Кирьянов А. В. К вопросу о земледелии волжских болгар. — КСИИМК, 57, 1955, с. 11, 12, рис. 3, 1, 2; Штукенберг А. Земледельческие орудия древних болгар. — Уч. зап. Казанского университета, VI-VII, 1896, 12.
⁸ Выжарова Ж. Н. Указ. соч., с. 12, 50, рис. 6; Podwińska Z. Указ. соч., с. 261—262, рис. 148, 149; Sach Fr. Указ. соч., с. 53, рис. 25; с. 107, табл. I, 25.

⁹ Новая датировка старолужских сошников позволяет говорить о еще более поздней дате появления сохи (Миролюбов М. А. Пахотные орудия Старой Ладogi. — АСГЭ, 14, 1972, с. 118—126).
¹⁰ Кирьянов А. В. История земледелия..., с. 316, 319, 320, 345, 347.
¹¹ Чернецов А. В. К вопросу о происхождении восточноевропейского плуга и русской сохи. — Вестник МГУ, 1972, № 2, История, с. 75, 76, рис. 2.
¹² Никитин А. В. Русское кузнечное ремесло XVI—XVII вв. — САИ, E1-34, 1971, с. 36, 37, 55, табл. 1, 2—4.
¹³ Карты см.: Левашова В. П. Указ. соч.; Довженко В. И. Указ. соч.; Русские. Историко-этнографический атлас. М., 1967.

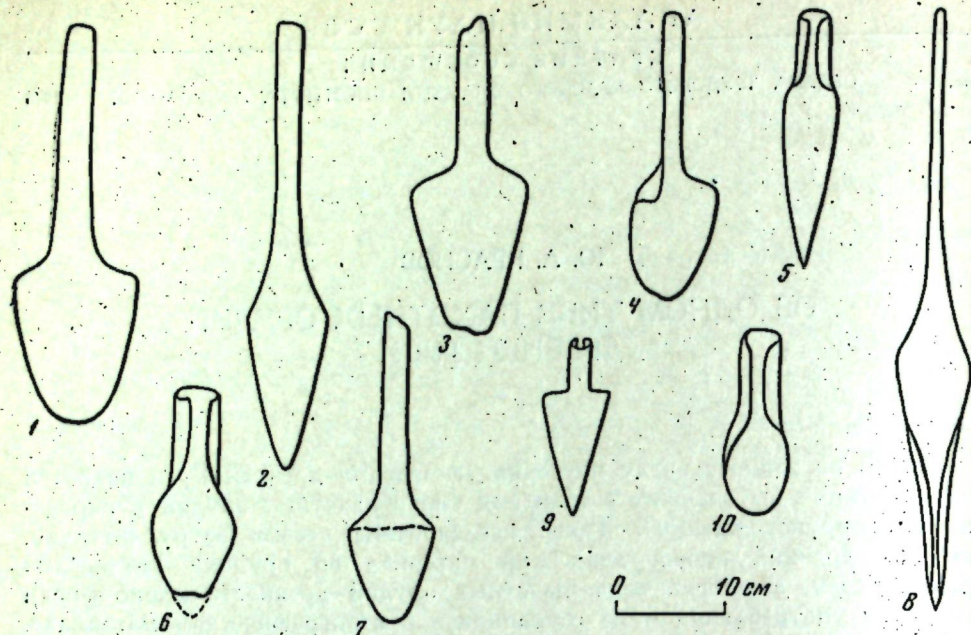

Рис. 1. Лопатовидные (1—4, 6, 7, 9, 10), копьевидный (8) и кинжаловидный (5) наральники

1 — Райковецкое городище; 2 — Щучинское городище; 3 — Болгария (средневековье); 4 — Дания (XIV—XV вв.); 5 — с. Кличаново, Прикарпатье (дата неизвестна); 6 — селище Лебедки (конец I тысячелетия н. э.); 7 — поселение Семеновка (III—IV вв. н. э.); 8 — Геттенау, ФРГ (галльстат D); 9 — Заальбург, ФРГ (римское время); 10 — Винковицы, Югославия (римское время)

наконечниками, и среди народных пахотных орудий русских, украинцев и других народов Восточной Европы. Это может свидетельствовать, что они уже давно вышли здесь из употребления.

Их реконструкция может быть проведена на основании этнографического материала севера Балкан, где, как указывалось, наиболее многочисленны археологические находки лопатовидных наральников без втулки, называемых в болгарской этнографии палешниками. Палешники здесь довольно четко связываются лишь с двумя очень близкими и, несомненно, генетически связанными типами пахотных орудий — кривогрядильными полозными и грядильными ралами⁷.

Первые изготовлялись из трех основных частей: ральника, образующего горизонтальный полоз; сильно изогнутого грядиля, задний конец которого крепился примерно посредине полоза; отогнутой назад рукояти, скреплявшейся с полозом позади грядиля.

Вторые (весьма редкий для Балкан тип) изготовлялись из части ствола дерева, выполнявшего роль ральника, и отходящего от него под углом изогнутого сука, служившего грядилем. Единственной приставной частью таких рал подчас была одна только рукоять. Иногда эти рала имели стойку между грядилем и полозом, часто — двусторонний отвал в виде нешироких дощечек, набивавшихся по обеим сторонам полоза. Палешник у них не надевался на передний конец полоза, как втульчатые наральники, а закреплялся под большим или меньшим углом к почве над полозом. Задний конец его (стержень) проходил в специальное отверстие в заднем конце грядиля и закреплялся там клиньями. Рабочая часть лежала на переднем конце полоза, несколько выступая вперед. При наличии стойки между грядилем и полозом палешник дополнительно крепился и к ней. Если палешник имел сравнительно короткий стержень (менее 45—50 см), он набивался на деревянный брус, закреплявшийся в таком же положении (рис. 2, 1, 2).

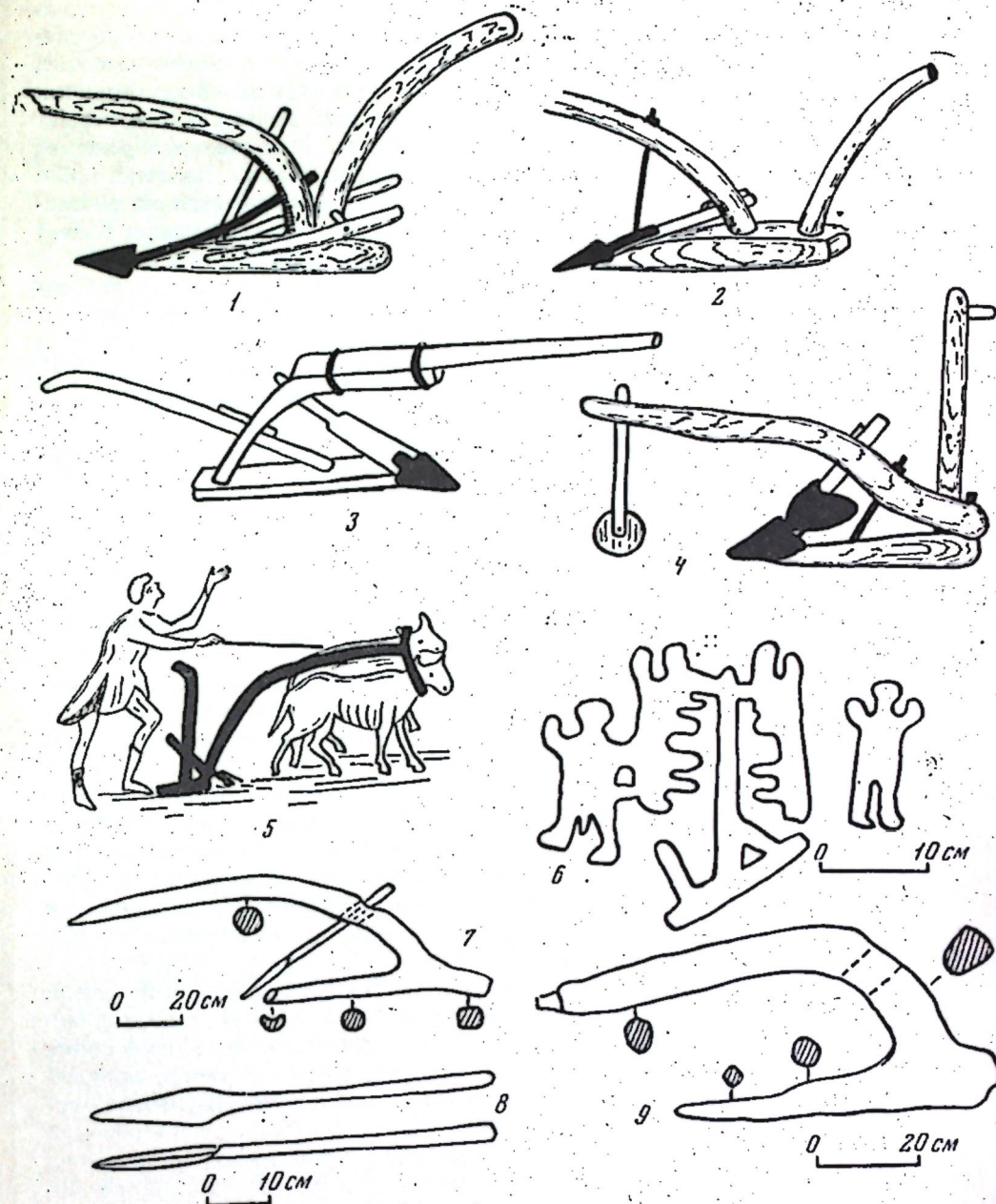

Рис. 2. Полозные и грядильные кривогрядильные рала с дополнительным ральником по этнографическим (1—4), древним иконографическим (5, 6) и археологическим (7, 9) данным

1, 2 — рала из Болгарии (по Ж. Н. Выжировой, Обремскому, А. Г. Одрикуру и М. Деламарру); 3 — мекленбургское рало (по Е. Верту); 4 — северочешский «наколесник» (по П. Лезеру); 5 — рало с миниатюры византийской рукописи «Слов» Григория Богослова XI в. (по А. П. Каждану); 6 — сцена пахоты из Богуслена (по П. Глобу); 7 — рало из Даберготца (по В. Ла Бому); 8 — дополнительный ральник дабергготского рала (по В. Ла Бому); 9 — рало из Сергеевского торфяника (по Б. А. Шрамко)

Эти кривогрядильные полозные и грядильные рала имели, таким образом, дополнительный ральник (составной частью которого являлся палешник), проходивший в отверстие в заднем конце грядиля выше места соединения его с полозом и оканчивавшийся перед рабочей частью полоза. Назначение такого ральника — взрыхлять землю сверху перед тем, как

полоз поднимет ее снизу и расширит проведенную борозду. Такие орудия до известной степени сочетали в себе функциональные особенности бесполюзных рал, имевших рабочую часть, поставленную под углом к почве, и рал с горизонтальной рабочей частью (полозных). По-видимому, они употреблялись для обработки сравнительно твердых почв. Об этом может говорить массивность их железных наконечников. Хорошее изображение (вероятно, север Балканского полуострова) средневекового полозного или грядильного рала с таким дополнительным ральником имеется на миниатюре из византийской рукописи «Слов» Григория Богослова конца XI в.³ Основные детали конструкции орудия здесь четко видны (рис. 2, 5).

В этнографическом материале Средней Европы имеются и другие орудия с подобными дополнительными ральниками, но снабженные рабочими наконечниками иных, чем палешники, типов. Таковы различные варианты так называемого мекленбургского рала с территории ГДР, ФРГ, Австрии, Чехословакии (рис. 2, 3)⁹, северочешский «наколесник» (рис. 2, 4)¹⁰ и др.

По устройству своего остова, или скелета, они относятся к типу криво-грядильных полозных рал. При других типах рал употребление дополнительных ральников здесь не наблюдается.

Все это дает достаточные основания для наиболее вероятной реконструкции пахотных орудий, снабженных лопатовидными наконечниками типа наральников Райковецкого и Щучинского городищ, именно как криво-грядильных полозных и грядильных рал в их разновидности с дополнительным ральником¹¹.

Каково же место этих рал среди других древних и средневековых пахотных орудий, в том числе пахотных орудий Восточной Европы?

Если криво-грядильные полозные и грядильные рала появились в Европе еще в ранний период эпохи бронзы¹² и распространились на очень широкой территории от Средиземноморья и Северной Африки до юга Скандинавии, то их разновидность с дополнительным ральником была изобретена позднее и имела более узкий ареал. По-видимому, древнейшим свидетельством употребления таких рал следует считать наскальное изображение Финнторп 1 в Богуслене (Южная Швеция)¹³, относящееся к концу эпохи бронзы или началу раннего железного века (рис. 2, 6; для интерпретации изображения ср. рис. 2, 5, 7, 9).

К более позднему времени относится рало из Даберготца (Польша), вместе с которым найден целиком деревянный копьевидный дополнительный ральник, вставлявшийся в отверстие, проделанное в заднем конце изогнутого грядиля (рис. 2, 7, 8)¹⁴. Датировка его определяется положением находки в торфянике несколько выше пограничного горизонта, относящегося к субатлантическому периоду¹⁵.

Предположительно скифским временем датируется известное рало из торфяника у с. Токари Сумской области УССР (рис. 2, 9)¹⁶. Дополнительный ральник у токаревского рала не сохранился, однако о нем говорит сквозное отверстие в грядиле несколько ниже его наибольшего изгиба, расположенное таким же образом, как у даберготцского рала. Ось отверстия проходит под таким углом, что рабочий конец вставленного в него дополнительного ральника, который был, вероятно, близок или аналогичен даберготцскому, должен был находиться у рабочего конца горизонтального полоза¹⁷.

С дополнительными ральниками криво-грядильных полозных и грядильных рал следует связывать, кроме уже упоминавшихся палешников, несколько других типов функционально-близких, но типологически отличающихся наральников¹⁸. Это, во-первых, узкие и длинные копьевидные наральники с зачаточной втулкой, оканчивающиеся небольшим расширением близ рабочего конца и длинным узким стержнем с противоположной стороны (рис. 1, 8). Наиболее ранние из них относятся к гальштату D и должны рассматриваться как древнейшие в Европе железные наконечники

пахотных орудий; поздние датируются началом нашей эры. Они найдены на территории ФРГ и Австрии¹⁹.

Очевидно, таково же назначение длинных и узких втульчатых наральников со слабо выступающими плечиками, называемых часто кинжаловидными (рис. 1, 5). Они известны с первых веков нашей эры до средневековья, судя по находкам в некоторых пунктах ГДР, Чехословакии и Прикарпатья²⁰. Функционально к этой же группе наконечников пахотных орудий следует отнести небольшие лопатовидные наральники, отличающиеся очень узкой (до 4 см) втулкой. Они найдены в тех же районах и в Югославии (рис. 1, 9, 10) и датируются I тысячелетием н. э.²¹ В Восточной Европе они встречены на Волынцевском городище в бассейне Сейма и на селище Леbedка в Орловской области (рис. 1, 6), где датируются концом I тысячелетия н. э.²²

Все эти находки при сопоставлении с данными этнографии позволяют высказать предположение, что рассматриваемая разновидность криво-грядильных полозных и грядильных рал, к которой относились и пахотные орудия, снабженные лопатовидными наральниками, из Райковецкого и Щучинского городищ, возникла где-то на севере Средней Европы еще в эпоху поздней бронзы или в начале раннего железного века.

Весьма вероятно, что на формирование этой разновидности рал оказал влияние другой тип пахотных орудий, известный с эпохи бронзы по многочисленным находкам в торфяниках Северной Европы и некоторым богусленским наскальным изображениям — тип однорукоятных криво-грядильных рал²³. Некоторые из этих орудий имели основу в виде составной конструкции (рукоять — ральник), одной из частей которой была деревянная рабочая деталь, прямая или чаще несколько изогнутая, с лопатовидным расширением, во многом близкая, но не идентичная рассматриваемым дополнительным ральникам²⁴. В железном веке вплоть до раннего средневековья криво-грядильные полозные и грядильные рала с дополнительным ральником, по-видимому, распространились сравнительно узкой полосой до севера Балканского полуострова. Их ареал захватывал южные и юго-западные районы европейской части СССР. Дополнительные ральники именно таких орудий впервые стали снабжаться железными наконечниками.

Намечается определенная закономерность в характере железных наконечников дополнительных ральников этих пахотных орудий: в северной половине их ареала наконечники были в основном втульчатыми, в южной — без втулки, типа палешников. Происхождение первых следует связывать, очевидно, с древними кельтскими традициями²⁵, вторые — с фракийским наследием. Широко распространенному представлению о том, что наральники типа палешников были достоянием римской культуры, противоречат находки таких наральников на фракийских поселениях и в могильниках доримского времени²⁶. Судя по этнографическим данным, в северных районах эти рала имели дополнительный ральник, устанавливаемый под большим углом к почве, чем в южных. Это может быть поставлено в определенную связь с характером почв.

Таким образом, можно высказать весьма вероятное предположение, что в домонгольское время у восточных славян наряду с пахотными орудиями других типов употреблялись криво-грядильные полозные и грядильные рала с дополнительным ральником, бытование которых в Восточной Европе восходит по крайней мере к раннему железному веку. Пахотные орудия этого типа были весьма редкими, о чем говорит малое количество в археологическом материале железных наконечников, которые могут быть с ним связаны. Позднее рала этого типа полностью вышли из употребления, благодаря чему этот тип не нашел отражения в этнографическом материале²⁷.

Весьма заманчиво было бы объяснить наличие таких рал в Киевской Руси усилившимися в этот период связями с южными славянами на осно-

вании аналогий лопатовидным наральникам на Балканах. Однако вряд ли это будет правильным: такие рала употреблялись на восточнославянской территории задолго до X—XIII вв. В свете приведенного материала представляется маловероятным даже заимствование в то время с Балкан самого типа лопатовидных наральников без втулки. По-видимому, если такое заимствование имело место, его следует относить к значительно более раннему времени.

¹ Здесь и далее под типом понимаются группы пахотных орудий, выделяющиеся по особенностям строения остова, или скелета (т. е. по способу скрепления основных частей), внутри более широких объединений — видов, выделенных уже по иным признакам: различным наиболее общим функциональным особенностям (например, рала, плуги и т. п.). Данные об особенностях строения остова, или скелета, пахотных орудий предоставляют наиболее важную информацию для изучения их в культурно-историческом плане, в частности их происхождения и возможных путей распространения.

² Гончаров В. К. Райковецкое городище. Киев, 1950, табл. V, 6, 7.

³ Довженко В. И. Древнерусские городища на Среднем Днепре (в зоне строительства Каневской ГЭС). — СА, 1967, № 4, рис. 12.

⁴ Saparache V. Unelte agricole pe teritoriul Republicii Populare Române in epoca veche. — Studii și cercetări de istorie veche, II, 1950, 1, с. 102 сл.; Выжарова Ж. Н. О происхождении болгарских пахотных орудий. М., 1956, с. 51 сл., рис. 5—7; Чантова И. Средневековые орудия на труда в България. — ИАН, 1962, с. 22 сл.

⁵ Кругликова И. Т. Работы Восточно-Крымского отряда Причерноморской экспедиции в 1957 г. — КСИИМК, 78, 1960, рис. 22, 1.

⁶ Jirlow R. Bill och rist på förnhistoriska plogar. — Fornvännen, 1949, 4, рис. 15.

⁷ Haudricourt A. G., Delamarre M. J. B. L'homme et la charrue à travers le monde. Paris, 1955, рис. 110; Выжарова Ж. Н. Указ. соч., с. 9, рис. 16.

⁸ Каждан А. П. Византийская культура. М., 1968, рис. 6.

⁹ Werth E. Grabstock, Hacke und Pflug. Ludwigsburg, 1954, рис. 86; Haudricourt A. G., Delamarre M. J. B. Указ. соч., рис. 32.

¹⁰ Leser P. Entstehung und Verbreitung des Pflüges. Münster, 1931, рис. 135.

¹¹ В этом плане представляется маловероятной предложенная И. Т. Кругликовой реконструкция рала из Семеновки, где наконечник рассматриваемого типа показан закрепленным кольцами на переднем конце горизонтального полоза (возникновение и развитие земледелия. М., 1967, с. 131, 132, рис. 38). Эта реконструкция не опирается на соответствующие этнографические и древние иконографические данные. Этнографический материал, как показано выше, прямо указывает на иной способ креп-

ления наральников типа палешников. Анализ весьма многочисленных изображений рал раннего железного века, в том числе античных и римских, показывает, что на передний конец полоза в таком положении обычно надевались втульчатые наральники различной формы, но не наральники интересующего нас типа.

¹² Древнейшие свидетельства об их бытовании — скульптурная группа из Буноса на острове Кипр (конец III — начало II тыс. до н. э. См.: Dikaios P. Ploughing in Cyprus in the Early Bronze Age. — Man, 1933) и изображения на критских пиктографических табличках и печатях того же времени (Evans A. J. Scripta minora, I. Oxford, 1909, рис. 26B, 29C, 75B, 86A, 93A, 94B, 100B, 105B, 116B, 116D). К более поздним периодам эпохи бронзы относятся находки рал этих типов в Лаго ди Ледро в Северной Италии (Battaglia R. La palafitta del Lago di Ledro nel Trentino. — Memoire del Museo di Storia naturali della Venezia Tridentina, VIII, 1943, табл. VII, a), Валье (ФРГ), Хворслене (Дания). См.: Glob P. V. Arg og Plov i Nordens Oldtid. Aarhus, 1951, с. 14—16, 22—23), у с. Жабичи в Черниговской области СССР (Шрамко Б. А. Найдавніші орні знаряддя на території України. — Питання історії народів СРСР, вып. 6. Харків, 1969, с. 144, рис. 2), а также изображения в Вал-Фонтанальбе и Богуслене (Glob P. V. Plovbilleder i Val Camanica. Kujl, 1954, рис. 6, 7; Он же. Ard og Plov... с. 25—27, рис. 23, 120).

¹³ Glob P. V. Ard og Plov... с. 27, 28, рис. 26.

¹⁴ La Baume W. Die vorgeschichtliche Pflüge. — Blätter für deutsche Vorgeschichte, II. Leipzig, 1937, с. 7.

¹⁵ Glob P. V. Ard og Plov... с. 24.

¹⁶ Шрамко Б. А. К вопросу о технике земледелия у племен скифского времени в Восточной Европе. — СА, 1961, № 1, рис. 2.

¹⁷ Предположение Б. А. Шрамко, что в отверстие в заднем конце грядилы токаревского рала вставлялось железное чересло, вряд ли может быть принято. Судя по этнографическим и древним иконографическим данным, чересла никогда не располагались так далеко позади рабочей части полоза. В этом случае чересло находилось бы под очень небольшим углом к почве, что практически исключало нормальные условия для разрезания дернового слоя. Предполагаемое чересло токаревского рала

должно было бы иметь длину более полуметра, что наблюдается только у крупных плугов, а для небольших и весьма примитивных рал крайне маловероятно. Наконец, достоверных данных об употреблении этих приспособлений рал и плугов в Европе нет вплоть до первых веков нашей эры.

¹⁸ Беранова М. К проблематике латенских традиций, провинциально-римских и германских влияний на древнеславянское земледелие. — Vznik a počátky slovanů, III. Praha, 1960, с. 170, 172.

¹⁹ Wiershausen D. Tellae ferrae. — Mannus, 34, 1-2, 1942, с. 84—92, рис. 2—5, 10; Jirlow R. Указ. соч., рис. 16, 17.

²⁰ См., например: Drachmann A. G. Pflug. — Paulys Realencyclopädie der classischen Altertumswissenschaft, 19, 1938, рис. 3; Schmidt L. Antice und Mittelalterliche Pflugscharen in Österreich. — Archaeologica Austriaca, 19-20, 1956, рис. 2; Sach Fr. Beitrag zur Entwicklungsgeschichte des Pflüges. — VI-e Congrès International des Sciences anthropologiques et ethnologiques, II. Paris, 1963, с. 622, рис. 2; Бідзля В. І. Поселення Галіш-Ловачка (за матеріалами розкопок Т. Легацького). — Археологія, XVII. Київ, 1969, с. 92 сл., табл. I, 2, 3; случайная находка у с. Кличанова Ужгородского района (Ужгородский музей, № II-484).

²¹ Podwińska Z. Technika uprawy roli

w Polsce średniowiecznej. Wrocław—Warszawa—Kraków, 1972, рис. 36 и др.

²² Довженко В. И. Розкопки біля с. Волинцевого Сумської області. — АП, III, 1952, с. 255, рис. 3; Никольская Т. Н. Культура племен бассейна Верхней Оки в I тыс. н. э. — МИА, № 72, 1959, с. 60, рис. 25, 12.

²³ Наиболее хорошо сохранившиеся рала из Сварварбо (Швеция), Доннерупланда и Дострупа (Дания) см.: Glob P. V. Ard og Plov... рис. 29, 32, 37, 41, 55. Наскальные изображения таких рал см.: Там же, рис. 50, 51, а.

²⁴ Glob P. V. Ard og Plov... рис. 32, 35, 41, 46, 47 и др.

²⁵ Wiershausen D. Указ. соч., с. 84—87; Беранова М. Указ. соч., с. 172.

²⁶ Выжарова Ж. Н. Указ. соч., с. 50—53.

²⁷ В XIX в. в некоторых районах нынешних Винницкой и Житомирской областей еще изредка употреблялись очень примитивные кривогибильные грядильные рала, но без дополнительного ральника (Парфенов П. О сельском хозяйстве Юго-Западной России. — Русский вестник, 106, 1873, с. 640). С этим типом рал, безусловно, связана и так называемая белорусская сошка описанная А. К. Сержпутовским (Сержпутовский А. К. Земледельческие орудия Белорусского Полесья. — МЭР, 1, 1910, с. 48).

ПОЛЕВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

А. В. АЛЕКСЕЕВ

ДРЕВНИЙ МСТИСЛАВЛЬ

(по материалам раскопок 1959—1964, 1968 и 1969 гг.)

Древний смоленский город Мстиславль (ныне районный центр Могилевской области) был основан на высоких отрогах правого берега р. Вехра, в 10 км выше ее впадения в Сож. Еще недавно считалось, что первое достоверное упоминание о нем в грамоте Ростислава Смоленского относится к 1150 г. Однако после расчленения грамоты Я. Н. Шаповым на разновременные части (с 1136 г. по рубеж XII—XIII вв.) оказалось, что упоминание о Мстиславле имеется лишь в так называемой грамоте о погородье и почестье, датированной концом XII—началом XIII в.¹

Все же, судя по письменным данным, Мстиславль существовал и ранее. В сборнике XVI в. киевского Михайловского монастыря сообщается: «Лета 6642 (1135) Ростислав Мстиславич устроил градъ великий Смоленскъ и церковь с[в]ятаго Сп[а]са веру Смядныи и град Мстиславль на Вехре онъ же созда»². Текст этот был опубликован еще И. И. Орловским (с неверно понятой датой — 1142 г.) как поздний и, следовательно, «мало достоверный»³, почти не вызвал интереса ученых и только недавно подробно исследован Я. Н. Шаповым. Еще раз Мстиславль упоминается под 1156 г., когда, подавив с помощью половцев бегствовавшего на Десне Святослава Всеволодовича, Изяслав Давыдович Киевский вторгся в пределы его союзника Ростислава Смоленского и вызвал на помощь Святослава Ольговича из Новгорода-Северского. У Мстиславля между князьями был заключен мир.⁴

С образованием княжества Литовского (XIII в.) Мстиславль оказался на границе Литвы и Руси. Под 1386 г. сообщается, что под Мстиславль подступили смоленские войска, «занеже преже того был город смоленский, но литва отняла за себе»⁵. Пировавший в Кракове на свадьбе у Ягайлы мстиславский князь Лугвений Ольгердович кинулся с братьями на защиту города и после ожесточенной битвы на Вехре отбросил русских, а смоленский князь был убит.

Однако Лугвений был близок Руси: в 1380 г. он женился на дочери Дмитрия Донского, был православным и, стремясь укрепить свой город, отстроил в его окрестностях Пустынский (1380 г.) и Онуфриевский (1407 г.) монастыри.

Борьба за Мстиславль усилилась в XV—XVI вв. В 1535 г. московские войска взяли город. В том же году умер последний мстиславский князь Михаил, а его сын перешел на службу к Москве. Мстиславль снова оказался у Литвы. В 1654 г. Алексей Михайлович организовал поход на русские земли Литовского государства. На рассвете 22 июня русские

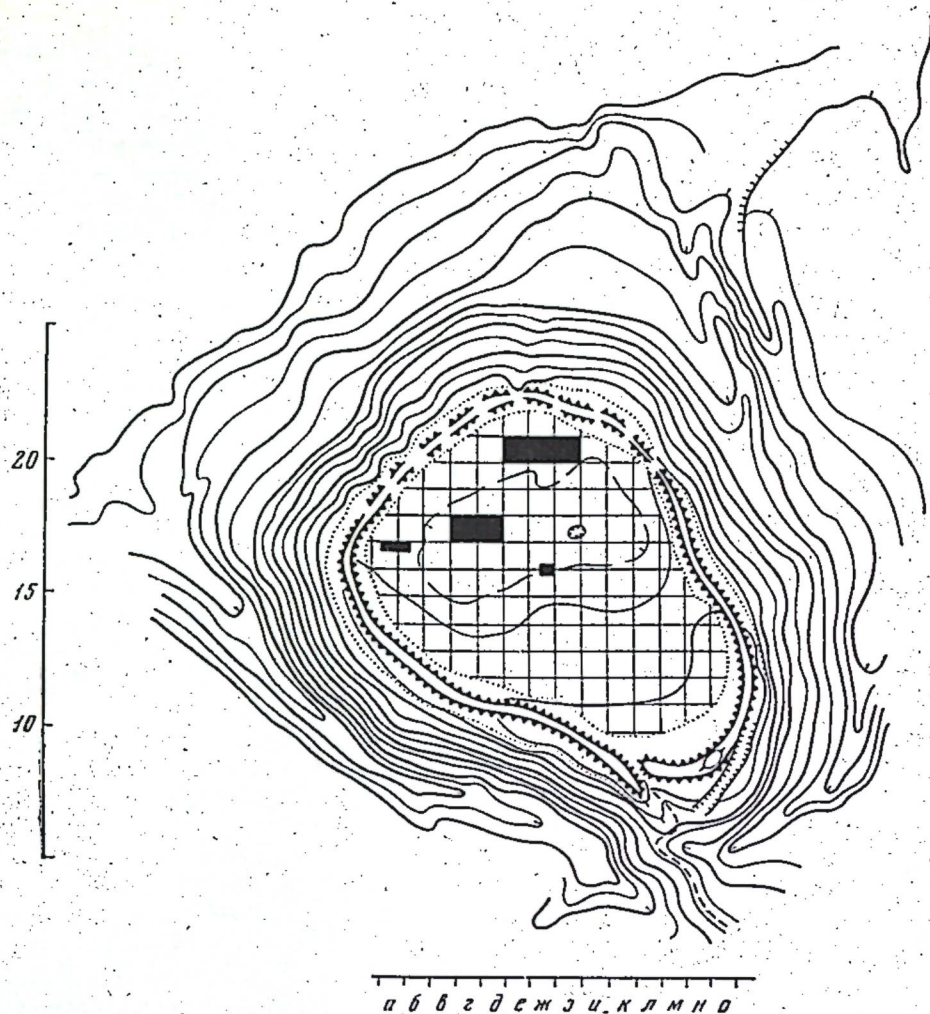

Рис. 1. План мстиславского детинца («Замковой Горы»)

Раскоп I — В9; раскоп II — В8; раскоп III — В7; раскоп V — Е5; раскоп 6 — Е6; раскоп 7 — Ж3; раскоп 8 — Ж2; шурф 4 — Ж8

воеводы во главе с князем Трубецким начали штурм Мстиславля. Замок был захвачен, разрушен до основания, сожжен, а с непокорными защитниками города расправились самым жестоким образом. После этого мстиславский детинец пришел в запустение.⁶

Мстиславль и его древности привлекали внимание исследователей еще в XVIII в.⁷ В. Севергин связывал его возникновение с первым мстиславским князем Мстиславом Романовичем (1180 г.)⁸. Археологические памятники города впервые были описаны Ф. В. Булгариным⁹. Первый историк Мстиславля В. И. Прахов считал Девичью и Замковую горы укреплениями, служившими в древности «одной системе защиты города от прежнего Московского княжества»¹⁰. Этому автору, видимо, принадлежат многие безымянные статьи, печатавшиеся в местной прессе¹¹. Первая серьезная работа по истории Мстиславля напечатана В. Г. Краснянским в 1912 г., однако археологических объектов города она почти не касалась¹².

Первые научные раскопки в районе Мстиславля были начаты, по-видимому, Е. Р. Романовым в 1884 г.¹³ Археологическую рекогносцировку вокруг города (с раскопками курганов) вел Н. Е. Бранденбург¹⁴. В 1902 г. древности города описывал и фотографировал Н. Н. Останко-

вич для девятого тома «России» П. П. Семенова-Тяньшанского, а в 1910 г. впервые был описан один из археологических объектов города — Девичья Гора¹⁵.

В Мстиславле имеется два археологических объекта — городище раннего железного века (Девичья Гора)¹⁶ и детинец раннесредневекового города (Замковая Гора). Детинец находится в северо-западной части современного города на правом берегу Вехры, на высокой (около 20 м) горе, среди глубоких оврагов. Площадка городища, обнесенная по периметру валами, которые видел еще Ф. В. Булгарин, имеет площадь в 14,5 тыс. кв. м. Остатки вала (высота до 5—6 м) сохранились лишь в юго-восточной части, однако и здесь они недавно были испорчены бульдозером. С севера детинец омывает небольшой ручей Здоровец, с юга он соединяется сейчас с коренным берегом дамбой, а в древности здесь находился, по-видимому, перекидной мост. Площадка городища ровная, ныне занята четырьмя усадьбами (рис. 1).

Раскопки Мстиславля начались в 1959 г. пробным шурфом на меже огорода, который был доведен до глубины 1 м. Ниже залегали деревянные постройки, изучение которых требовало вскрытия большой площади. В шурфе, кроме шиферных пряслиц и браслетов, обнаружен крест-энколпион с изображением архангела Сихаила¹⁷. Систематические исследования памятника начались тогда же в северной части площадки и продолжались в 1959—1964, 1968 и 1969 гг.¹⁸ Раскопкам подверглись северная (300 кв. м), центральная (200 кв. м) и отчасти западная (около 150 кв. м) части площадки.

Культурный слой детинца (мощностью в северной части 3,3 м, в центральной — до 3 м) состоит из огородного слоя (20—30 см), слоя со следами пожара 22 июня 1654 г. (20—50 см) и напластований из древесных остатков щепы и навоза.

Древесных остатков непосредственно над материком мало. Это остатки сгнивших клетей и т. п. Находки предматерикового слоя немногочисленны и датируют его XII в. К ним относятся ключ типа А второго вида (рис. 2, 26), которых много в Новгороде в слоях X—XI вв. (изредка — в слоях XII в.)¹⁹, и крупный бронзовый бубенчик (рис. 2, 6), по-видимому, той же редкой формы, что в четырех мужских захоронениях бассейна р. Луга и в конских погребениях Подболотьевского могильника²⁰. Несколько выше найдены два самшитовых двусторонних гребня и костяная пластина с тремя лопастями и отверстием в центре (рис. 3, 7).

Первая четко выраженная постройка (50) представлена настилом из плах (рис. 4, 2). Дендрологическое исследование датировало постройку 1204 г.²¹ Над ним с небольшим промежутком залегали лаги настила 51 (1223 г.). Настилу 51 одновременно сруб 33а (размеры 2,4×2,4 м), представлявший собой клеть (1221 г.). На уровне этих построек найдены самшитовый гребень с циркульным орнаментом (рис. 2, 18), фрагменты бокала с арабской надписью, удила, ключ от внутреннего замка со стержнем вместо втулки (рис. 3, 8), костяной гребень с накладками, цилиндрические замки типа В (рис. 3, 2) и индивидуальной формы (рис. 3, 3), напоминающей форму новгородского замка XIII в.²², дужка замка типа Б(?), серебряное (?) навершие посоха (?) (рис. 2, 1). На этом же уровне найдены подвеска-лунница со включенным крестом (рис. 2, 5), датирующаяся А. В. Успенской XII—началом XIII в.²³, железная стрела квадратного сечения (рис. 2, 22), близкая к типу 97 (XI—XII вв.) по классификации А. Ф. Медведева²⁴, бронзовая пряжка с расширяющимися концами (рис. 2, 11), характерная для XI—XII вв.²⁵, костяной гребень с накладками и др.

В северной части Мстиславля исследованы мостовая улицы 3, идущей с севера на юг в восточной части раскопа II, и сруб 33, лежащий непосредственно на срубе 33а. Оба сооружения сделаны из бревен, срубленных в 1249 г. Сруб был тех же размеров, что и предыдущий. От настила

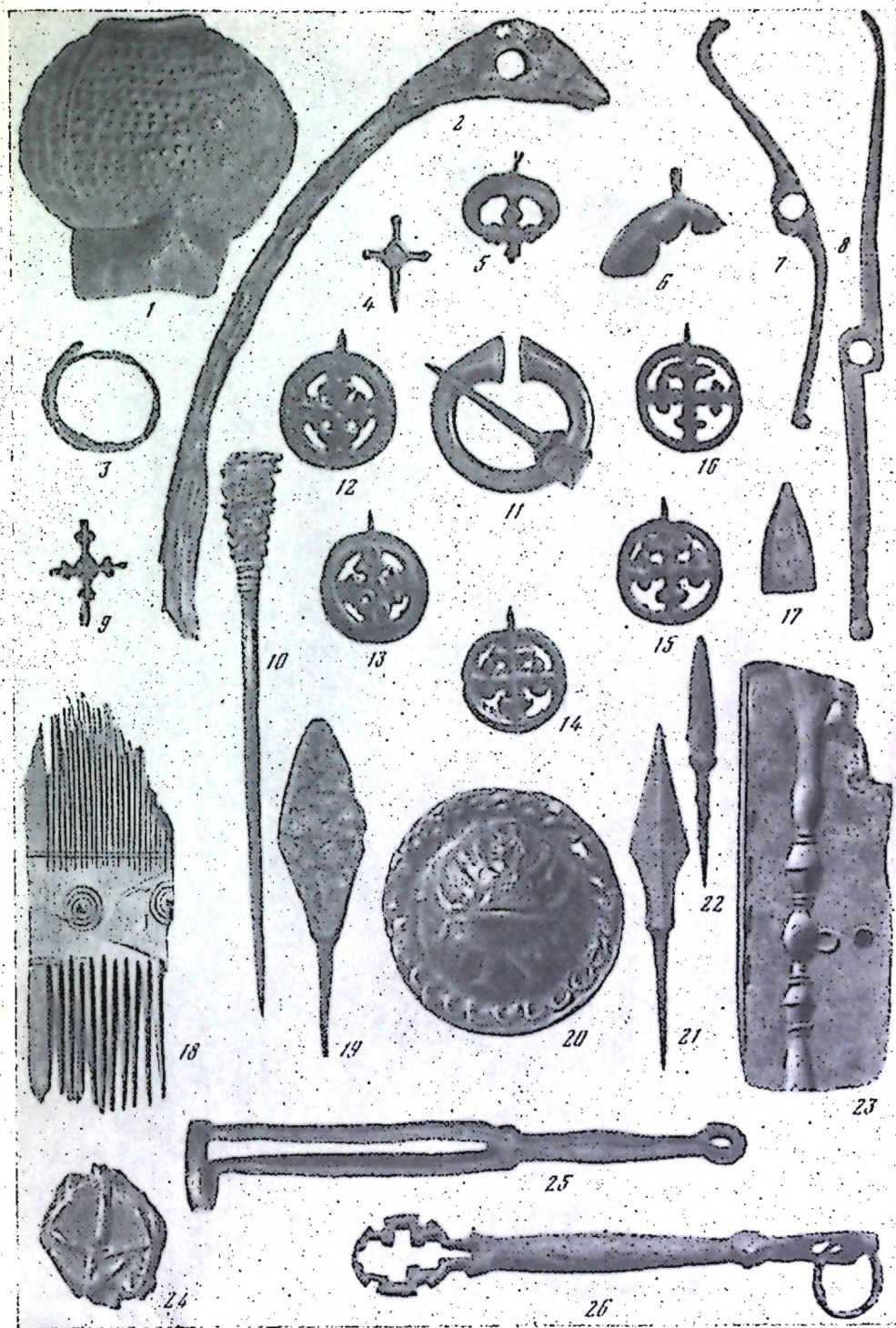

Рис. 2. Находки из раскопок на мстиславском детинце

1—6, 9—11, 17—19, 21—26 — северные раскопки; 7, 8, 12—16, 20, 23—25 — центральные раскопки; 1 — навершие посоха белого металла (серебро?); 2 — железное стремя из заполнения погребения 1291 г.; 3 — бронзовое височное кольцо; 4, 9 — бронзовые телные крестики; 5 — бронзовая лунница со включенным крестом; 6 — бронзовый бубенчик; 7, 8 — части арбалета; 10 — железный стил; 11 — бронзовая пряжка; 12—16 — подвески со включенным крестом; 17 — шахматная фигурка пешки из дерева; 18 — самшитовый гребень; 19, 21, 22 — железные наконечники стрел; 20 — медная крышечка; 23 — литейная форма для отливки бушин; 24 — свинцовая пломба; 25, 26 — железные ключи

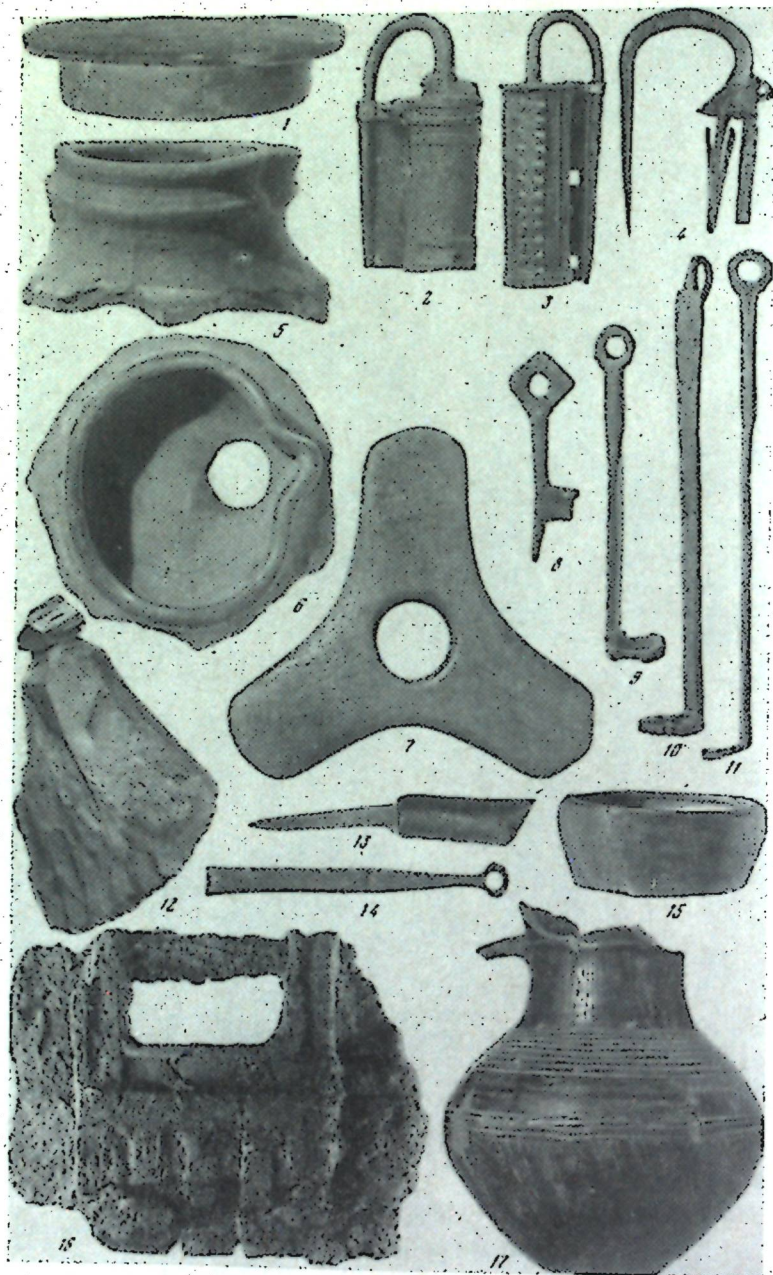

Рис. 3. Находки из раскопок мстиславского детинца (северные раскопы)

1 — крышка от корчаги; 2, 3 — железные замки; 4 — дужка замка; 5, 6 — горло глиняного кувшина; 7 — костяная пластина; 8—11 — ключи; 12 — подставка из рога лося; 13 — железный нож с деревянной рукояткой; 14 — железный ключ; 15 — глиняная пласка; 16 — свинцовый замок типа Е; 17 — черноразогретый кувшин

мостовой сохранились только лаги, плахи подностью выбраны. Лаг было не две, как в более поздних ярусах, а четыре. Двум массивным лагам сопутствовали более тонкие, положенные на те же поперечные подкладки — мостовая, следовательно, ремонтировалась. Одна из пар лаг сделана из вторично использованных бревен, датированных (условно) 1239 г. С этим ярусом мостовой — седьмым — связаны следующие находки: ключ типа Б с насечками по спинке (XII—XIII в.), костяной гребень с наклад-

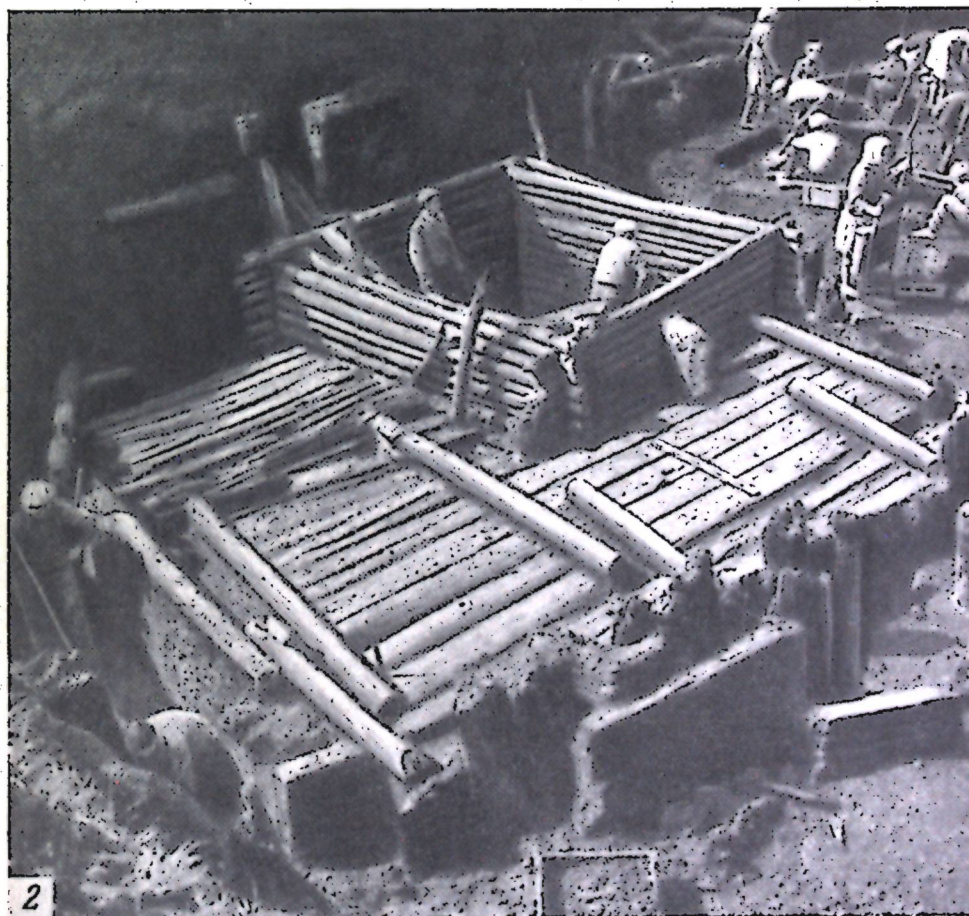
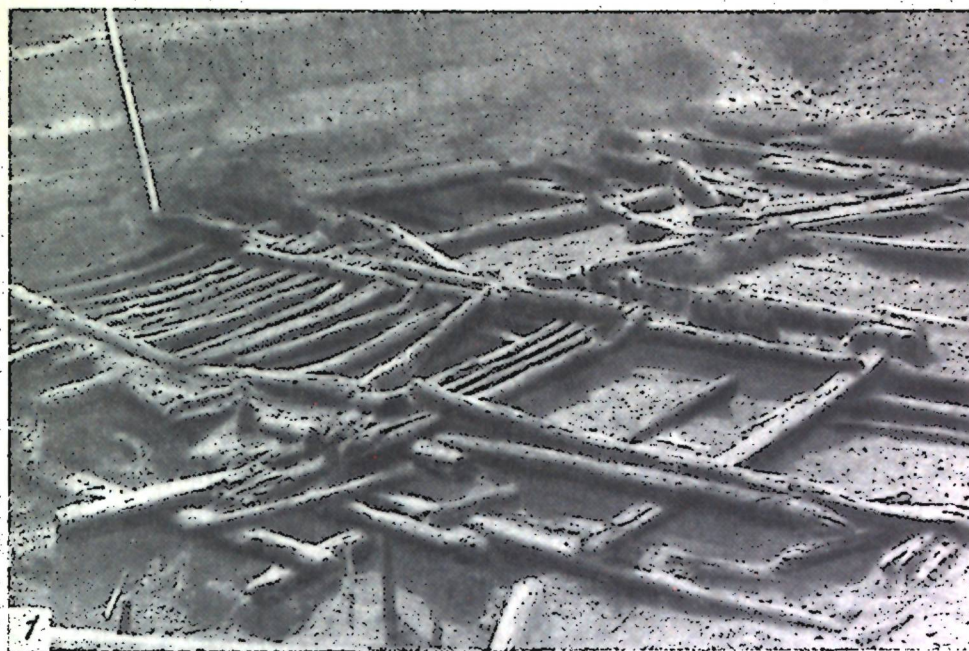

Рис. 4. Деревянные сооружения в северной части мстиславского детинца
1 — мостовая улицы 3 (ярус 3Г); 2 — пласка 1204 г. (50) и прорезавший его погреб 1291 г. (сруб 40)

ками, костяной трапецевидный гребень и ключ от замка типа В (середина XII—XIV в.).

Шестой ярус мостовой улицы сложен в 1261 г. В культурном слое, выросшем со времени предыдущей мостовой, найдены нож с деревянной ручкой (рис. 3, 13), костяной гребень с накладками, дужка замка типа В1 (конец XII—начало XV в.; рис. 3, 4), замок типа В (вторая половина XII—XIV в.), костяная рукоятка ножа с художественной резьбой, железный стиль-писало (рис. 2, 10), характерный для XIII в.²⁶, большое количество кожаной обуви (чаще ажурные туфли, наиболее распространенные в XII в., а в XIII в. уступившие главное место поршням)²⁷.

В юго-западной части раскопа I открыт большой (2,9×2,9 м) погреб, который нарушил все постройки этой части раскопа вплоть до материка. Судя по сохранившимся зарубкам, сруб погребца был сложен на стороне из десяти бревен, скрепленных в обло. Бревна срублены в 1291 г. Если считать, что дневная поверхность погребца соответствует его верхнему венцу, то слой щепы и навоза между ней и настилом 50 (1204 г.) датируется в пределах 1204—1291 гг. Сохранился он плохо, значительная часть его сгорела. С запада к настилу примыкало несколько построек, возведенных в разное время. Находок на этом уровне сравнительно немного. Здесь найден бронзовый крестик (рис. 2, 9)²⁸. Литейные формы для подобных крестов найдены на Райковецком городище и в Киеве²⁹. Кроме того, встречены деревянная поделка, напоминающая шахматную фигурку — пешку (рис. 2, 17), поделка из рога лося, начатая обработкой, а затем выброшенная (рис. 3, 12), что свидетельствует о местном косторезном ремесле.

От четвертого яруса мостовой улицы 3 сохранилось 15 круглых бревен толщиной до 10 см (рис. 4, 1). С запада мостовую четко ограждал бревенчатый частокол, за которым начиналась, по-видимому, усадьба. Датированных находок на этом уровне не встречено. Изобиловали куски кожаной обуви и обрезки кожи. Среди них найдены голенище мужского сапога с расшитым узором возле высокого каблука и шахматная пешка.

Третий — первый ярусы уличной мостовой представлены в основном лагами, что значительно затруднило их расчленение. Западнее улицы, за частоколом из бревен, в пределах раскопов II и III, открыта усадьба с остатками нижнего венца сруба 2 (размеры 4,2×2 м), положенного на глиняную подушку толщиной 30—40 см (подобный прием отмечен и под некоторыми домами XIII в. в Друцке)³⁰. Печь сложена на той же глиняной подушке. Рядом с домом было еще три небольших строения хозяйственного назначения. Въезд в усадьбу с улицы находился, судя по остаткам небольшого замощения, в северной части раскопа II. Восточнее улицы над погребом 40 у южной стенки раскопа I открыт настил переулка. Немного севернее его на специальных стульях из толстых столбов стояла постройка 20 (3,6×3,6 м) с полом из колотых горбылей, датирующаяся, по определению Н. Б. Черных, XIV в. Вход в помещение был с востока, где видны следы досок, положенных у крыльца (не сохранилось).

Находки в слое третьего и второго ярусов многочисленны. Среди них две дужки от замка типа В1 (конец XII—XV в.) и ключ от такого же замка, замок типа Б (XII—XIII вв.)³¹, обломок каменного тельного крестика. Интересны находки двух глиняных предметов с поливой: фигурки уточки с «петлеобразной желтой росписью по черному фону с металлическим блеском» и писанки бурого-зеленого цвета «с желтой небрежной росписью»³². Этот слой предварительно можно датировать первой третью XIV в.

Лаги мостовой первого яруса сохранились очень плохо. Улица 3 в восточной части раскопа II шла в том же направлении. В раскопе I картина переменилась. Всю северную часть его занимали лаги новой мостовой, соединявшейся с улицей 3 в северо-восточной части раскопа II. В северо-восточном углу раскопа I от этой новой мостовой начиналась еще одна

мостовая общим направлением на юго-запад. Между этими тремя мостовыми оставался небольшой треугольник, занятый двумя постройками. От сруба 1Д (размеры 3,1×3,1 м) остался лишь нижний венец. Это хозяйственная постройка со входом с юго-восточной стороны. Сруб 1Ж (размеры 3×3 м) сохранился значительно хуже.

К слою первого яруса принадлежат маленький тельный крестик с ромбическим перекрестием и одиночными шариками по концам (рис. 2, 4). Аналогии ему (правда, с квадратным перекрестием) известны из собрания Б. И. и В. Н. Ханенко. Литейная формочка для подобного креста найдена в пожарище татаро-монгольского нашествия в Серенске³³. Похожие предметы встречены и при раскопках Н. П. Авенариуса в Дрогичине, а также в курганах под Борисовом³⁴ и т. д. В слое первого яруса обнаружены также пирамидальная с круглой шейкой стрела, аналогии которой датируются XIV в.³⁵, ключ от замка типа В1 (XIII—XIV вв.), ключ от замка типа Г «индивидуальной формы», датирующейся концом XIII—первой половиной XV в.³⁶, веслообразный наконечник стрелы (рис. 2, 19).

На уровне четвертого-пятого штыков в северных раскопах деревянных конструкций нет. Здесь найдены ключ от лабиринтообразного замка типа Е (не ранее середины XV в.), ключ от замка типа Д (конец XV—начало XVI в.), рюмкообразный грубый сосудик-вазочка, плоский сосудик-тарелка с небольшими, почти вертикально стоящими краями и срезом снаружи у дна, медный складной крест с расширяющимися концами (типа мальтийского), аналогии которому известны в материалах Князей Горы³⁷, костяная ложка с плоской ручкой, железный нож с костяной рукояткой, небольшой топорик в форме бердыша, крышка от корчаги (рис. 3, 1), горло оригинального кувшина, устье которого представляет род воронки с круглым отверстием диаметром 2 см (рис. 3, 5, 6). Здесь же встречены осколки чугунных ядер.

В слое четвертого штыка найдены также наконечники стрел для арбалета — квадратного сечения с ромбовидной гранью и срезанными углами (XII—XV вв.) и пирамидальный с шейкой (вторая половина XII—XIII в.)³⁸, железная игла с кольцом³⁹, осколок чугунного ядра, чернолощенный кувшин XVII в. (рис. 3, 17). В третьем штыке, кроме двух замков типа Е (рис. 3, 16) и ключа, найдены чашка весов и наконечники стрел.

Таким образом, уровень третьего штыка датируется вещами XV—XVII вв.

В заключение скажем несколько слов о стеклянных браслетах северных раскопов. Более всего их найдено на уровне ярусов с четвертого по седьмой. Так, в раскопе I на глубине 265—285 см их 7, 285—305 см — 15, 305—325 см — 18, 325—345 см — 31, 345—365 см — 33, 365—385 см — 28, 385—405 см — 9, 405—425 см — 10, 425—445 см — 2 и т. д.

В центральных и восточных раскопах находки более разнообразны. Кроме уже опубликованных костяных пластин и энколпионов⁴⁰, можно отметить семь подвесок с крестом (рис. 2, 16), литейную форму (рис. 2, 23), свинцовую plombу (рис. 2, 24), ключ типа Б (рис. 2, 25), части арбалета (рис. 2, 7, 8), сошники и фрагменты плинфы.

Работы в Мстиславле будут продолжены.

¹ Памятники русского права, т. II. М., 1953, с. 44; Шапов Я. Н. Княжеские уставы и церковь в Древней Руси. М., 1972, с. 146.

² Шапов Я. Н. Освящение смоленской церкви Богородицы в 1150 г. — Сб.: Новое в археологии. М., 1972, с. 282.

³ Орловский И. И. Борисоглебский мона-

стырь в Смоленске на Смядани и раскопки его развалин. — Смоленская старина, I, 1. Смоленск, 1909, с. 209.

⁴ ПСРА, II. М., 1962, стлб. 485. На основе этого текста Г. В. Штыхов сделал ошибочные выводы: Мстиславль якобы был осажден Изяславом Давыдовичем и, следовательно, имел укрепле-

ния; князь отказался от осады, примирившись с сыновьями, и т. д. (Очерки по археологии Белоруссии, т. II. Минск, 1972, 127). В летописи сказано, что мирянин Святослав Ольгович и его «брат» Изяслав со своими племянниками, один из которых обидел дядю, отняв города по Десне. Ростислав Смоленский был союзником обидчика, почему переговоры и происходили у Мстислава. Об «осаде» сведений нет.

- 8 ПСРА, XXV. М.—Л., 1949, с. 213.
- 9 Краснянский В. Г. Город Мстиславль. Вильно, 1912.
- 10 Топографические примечания на значнейшие места путешествия ее императорского величества в Белорусские наместничества. СПб., 1780, с. 99; Путешествие ее императорского величества в Полуденный край. СПб., 1787, с. 18.
- 11 Северин В. Продолжение записок путешествия по западным провинциям Российской империи, т. IV. М., 1805.
- 12 Буларин Ф. В. Собрание сочинений, т. III. СПб., 1836, с. 425.
- 13 Прахов В. И. Остатки древних укреплений в Мстиславле. — «Могилевские губернские ведомости», 1847, № 8.
- 14 Например, «Род князей Мстиславских» («Могилевские губернские ведомости», 1848, № 47—51).
- 15 Краснянский В. Г. Указ. соч.
- 16 Семеновский А. М. Белорусские древности. СПб., 1890, с. 22.
- 17 Бранденбург Н. Е. Журнал раскопок 1888—1902 гг. СПб., 1908, с. IV.
- 18 Семенов П. П. Россия, т. IX. СПб., 1905; Евсеев Н. Город Мстиславль (Девичья Гора). — «Могилевский вестник», 1910, № 68.
- 19 Алексеев Л. В. Городище Девичья Гора в Мстиславле. — КСИА, 94, 1963, с. 73—79.
- 20 Алексеев Л. В. Мелкое художественное литье из некоторых западнорусских земель (кресты и иконки Белоруссии). — СА, 1974, № 3.
- 21 В раскопках принимали участие археологи Т. М. Смирнова, Э. М. Сергеева, Я. Г. Рнер и лаборанты Г. И. Жунина, Т. И. Венславская, Л. Е. Диденко и др. Финансировал работы Могилевский музей.
- 22 Колчин Б. А. Железообрабатывающее ремесло Новгорода Великого. — МИА, № 65, 1959, с. 78—80, рис. 66, 2.
- 23 Мальм В. А., Фехнер М. В. Привески-бубенчики. — Труды ГИМ, 43, 1967, с. 137.
- 24 Черных Н. Б. Дендрохронология средневековых памятников Восточной Европы. — Сб.: Проблемы абсолютного датирования в археологии. М., 1972, с. 98, 99.

- 22 Колчин Б. А. Железообрабатывающее ремесло... с. 85, рис. 69, 3.
- 23 Успенская А. В. Нагрудные поясные привески. — Труды ГИМ, 43, 1967, с. 125.
- 24 Медведев А. Ф. Ручное метательное оружие. Лук и стрелы. — САИ, Е1-36, 1966, с. 85—89.
- 25 Мальм В. А. Подковообразные и кольцевидные застёжки-фибулы. — Труды ГИМ, 43, 1967, с. 158.
- 26 Медведев А. Ф. Древнерусские писала. — СА, 1960, № 2, с. 74, рис. 3, 11.
- 27 Изюмова С. А. Кожевенное и сапожное ремесло Новгорода Великого. — МИА, № 65, 1959, с. 211—213.
- 28 Сходные кресты см.: Ханенко Б. И. и В. Н. Древности русские. Кресты и образки, т. I. Киев, 1899, табл. I, 30; т. II. Киев, 1900, табл. XVII, 185; Седова М. В. Ювелирные изделия древнего Новгорода. — МИА, № 65, 1959, с. 236, рис. 4, 18.
- 29 Гончаров В. К. Райковское городище. Киев, 1950, табл. XVII, 7; Каргер М. К. Древний Киев, т. I. М.—Л., 1958, табл. XLVI (правая верху).
- 30 Алексеев Л. В. Полоцкая земля. М., 1966, рис. 33 (сруб 32).
- 31 Колчин Б. А. Железообрабатывающее ремесло... рис. 70.
- 32 Макарова Т. И. Поливная посуда. — САИ, Е1-38, 1967, с. 46, 67, табл. XIV, 12, 18.
- 33 Никольская Т. Н. Литейные формочки с надписями из древнерусского города Серенска. — СА, 1974, № 1, с. 239, рис. 2. Данная формочка подобно другой — с надписью «Макосимо», найденной там же, имеет надпись «МАСН» (ма[к]си[мъ]).
- 34 Авсариус Н. П. Дрогичин Надбужский и его древности. — МАР, № 4, 1890, табл. II, 13; Лянданскі А. Н. Археологічні доследи у Барысаве. — Працы археологічнай камісії, II. Менск, 1930, с. 260, табл. I, 17.
- 35 Медведев А. Ф. Ручное метательное оружие... табл. 28, 6, с. 82.
- 36 Колчин Б. А. Железообрабатывающее ремесло... рис. 69, 5.
- 37 Ханенко Б. И. и В. Н. Древности русские... табл. VI, 73.
- 38 Медведев А. Ф. Ручное метательное оружие... табл. 28, 6; 31, 29.
- 39 Голубева Л. А. Назначение железных игл с кольцами. — СА, 1971, № 4, с. 121.
- 40 Алексеев Л. В. Художественные изделия косторезов из древних городов Белоруссии. — СА, 1962, № 4, с. 197—204; Он же. Мелкое художественное литье...

М. К. КАРГЕР

К ИСТОРИИ ГАЛИЦКОГО ЗОДЧЕСТВА XII—XIII ВВ.

1

Все известные донныне памятники галицкого зодчества XII—XIII вв., за исключением церкви Пантелеймона возле Галича, сохранившейся целиком, хотя и с заново перестроенной верхней частью, дошли до нас в виде руин, обнаруженных в разное время археологическими раскопками. Первые археологические открытия памятников галицкого белокаменного зодчества были осуществлены раскопками Л. Лаврецкого при участии проф. И. Шараневича в 1882—1884 гг. В эти годы были обнаружены фундаменты церкви на холме «Карпиця», которые И. Шараневич позже определил как церковь Спаса — дворцовый храм Володимирика Ростиславича¹.

Вскоре Л. Лаврецкий раскопал фундаменты, расположенные в урочище «Карпів Гай», названные профессором Львовской политехнической школы И. Захаревичем «Полигоном».

Третьим выдающимся открытием Л. Лаврецкого и И. Шараневича были фундаменты большой церкви возле леса «Дубрава». Принимая во внимание большие размеры руин, И. Шараневич считал их условно (пока не будут обнаружены фундаменты большего рельефа) остатками галицкого собора Богородицы. Позже И. Пеленский на том основании, что часть леса называлась «Кирилловка», считал эти развалины церковью Кирилла и Мефодия².

На протяжении 1884 г. Л. Лаврецкий под наблюдением И. Шараневича раскопал фундаменты еще трех небольших церквей Галича. Один из них открыт «на Цвинтарисках», вблизи от дороги из Залукви до Четверок. И. Шараневич принимал этот фундамент сначала за остатки церкви Благовещения, а позже — доминиканского костела св. Анны. Как показал И. Пеленский, оба эти предположения лишены оснований. Вторая постройка, обнаруженная в 1884 г. Л. Лаврецким, была древней церковью пророка Ильи в «Прокалиевом саду». Осенью 1884 г. Л. Лаврецкий раскопал возле Подгородья на берегу р. Луква фундамент церкви Благовещения с хорошо сохранившимися остатками древнего пола из желтых майоликовых плиток, рисунок которых издан позже в монографии И. Пеленского. На полу были обнаружены куски растопленной меди.

В завершение плодотворной археологической кампании 1882—1884 гг. осенью 1884 г. Л. Лаврецкий раскрыл фундаменты не вполне ясной по плану церкви в урочище «Воскресенском», вторично раскопанной Я. Пастернаком и М. Драганом.

Наиболее крупным археологическим открытием в области изучения древнего галицкого зодчества были раскопки Я. Пастернака фундаментов Успенского собора в Крылосе, позволившие не только реконструировать облик этого выдающегося памятника, но и безоговорочно решить основные вопросы исторической топографии древнего Галича.

В 1958—1959 гг. экспедиция Черновицкого историко-краеведческого музея под руководством Б. А. Тимошука и Г. Н. Логвина обнаружила и тщательно исследовала фундамент белокаменного храма XII в. в Васи-

леве³. Руководители раскопок считали, что открытый ими храм был одним из древнейших (первая половина XII в.) вариантов галицкой школы зодчества.

Большого внимания заслуживают обнаруженные раскопками под руководством А. А. Ратича в 1962—1972 гг. руины храма и княжеского дворца XII в. в летописном Звенигороде — одном из важнейших городов Галицкой земли⁴.

Трудно переоценить значение археологических раскопок памятников галицкой архитектурной школы, начатых в 80-х годах прошлого века и с успехом продолжающихся поныне, несмотря на то, что качество этих исследований было весьма неравнозначно — от очень тщательных, а порой и подлинно мастерских исследований, обеспечивших историко-архитектурную науку новыми источниками выдающегося значения, до раскопок чисто дилетантского уровня, подчас вызывающих необходимость повторного исследования памятников.

Перед сформированной в 1955 г. Галицко-Волинской археологической экспедицией ленинградского отделения ИИМК АН СССР, работавшей в течение ряда лет под руководством автора совместно с Галицко-Волинской архитектурно-археологической экспедицией ЛГУ, наряду с чисто археологическими проблемами, связанными с изучением жилищ Галича, его ремесла, исторической топографии, стояли и первоочередные задачи изучения древнего зодчества Галича.

При осмотре многочисленных руин древних храмов, исследованных в конце XIX в., наша экспедиция установила, что в результате расхищения тесаного камня и многолетней распашки от большинства из них почти ничего не осталось. Только в урочище «Прокалив сад» к востоку от древнего Галицкого городища (местоположение которого в с. Крылос со времени раскопок руин Успенского собора перестало быть дискуссионным), на горе за Мозолевым потоком, уцелели от распашки огражденные земляным валом руины древнего храма Ильи, подвергавшиеся раскопкам в 80-х годах XIX в. Поскольку единственным результатом этих раскопок был схематический план, не все детали которого понятны, мы сочли необходимым провести новые, более тщательные исследования. Это было тем более необходимо, что в недавнее время В. К. Гончаров высказал сомнение в том, можно ли считать руины в «Прокалиевом саду» церковью. В. К. Гончаров полагает, что в действительности это была круглая башня оборонительного характера, лишь позже превращенная в церковь⁵.

Новые раскопки церкви Ильи, осуществленные Галицко-Волинской архитектурно-археологической экспедицией ИИМК АН СССР и ЛГУ, показали, что постройка достигает в длину (по оси восток—запад) 20,3 м, в ширину — несколько менее 10 м⁶. Основная ее часть представляет ротонду, диаметр которой 9,5 м (внутренний — 5,9 м). С запада к ротонде примыкает прямоугольный притвор, с востока — полуциркулярная апсида. Все эти части вопреки мнению В. К. Гончарова, безусловно, одновременны.

2

Руины белокаменной постройки возле с. Побережье, неподалеку от районного городка Жовтень (ранее Езуполь), привлекли внимание львовского исследователя М. Драгана еще в 30-х годах. На поле «Мурованка» местные жители указали ему на сильно разрушенные остатки постройки «княжеского времени», с обилием резных камней романского стиля.

В 1935 г. руины подверг предварительному археологическому обследованию Я. Пастернак, признав их остатками большой белокаменной ротонды, по-видимому, XIII в. Я. Пастернак утверждал, что руины на «Мурованке» являлись остатком Борисоглебского монастыря, выстроенного Даниилом Галицким. Разрушили его турки или татары, а из разобранных стен монастырской церкви местный помещик выстроил в Езуполе стояла

для скота, корчму в соседнем селе и церковь в с. Бранивци возле с. Побережья, уничтоженную разливом Днестра⁷.

Так как территория «Мурованки» принадлежала трем собственникам, а разрешение на раскопки было получено только от одного из них, раскопки Я. Пастернака были проведены лишь в средней части руин, оставив нераскрытой большую восточную и меньшую западную их части. Подводя итог своим незавершенным раскопкам, Я. Пастернак полагал, что осталась невыясненной форма восточной алтарной части «ротонды», в частности форма и количество апсид. Он полагал, однако, ввиду большей величины Борисоглебской «ротонды», что она могла иметь три апсиды и план ее в целом напоминал форму значительно меньшей ротонды, раскопанной им вместе с М. Драганом с 1941 г. на «Воскресенском» холме в Крылосе.

Я. Пастернак считал вероятным, что «ротонда» в с. Побережье могла иметь «стратегическое назначение». Она могла играть роль оборонного форпоста в долине Днестра, выдвинутого на 11 км в юго-западном направлении от днестровской пристани древнего Галича. Именно этим Пастернак объяснял чрезвычайную толщину фундаментов, удобную для оборонительных целей круглую форму здания и расположение его на высоте 60 м от уровня Днестра.

Характеризуя кладку «ротонды», Я. Пастернак утверждал, что фундамент этого интереснейшего памятника был сложен из крупных тесаных блоков известняка на очень прочном известковом растворе, обильно перемешанном с крупной галькой. Фундамент был выломан владельцами «Мурованки» на разную глубину (до 1,5 м). Недостаток времени для раскопок не позволил дойти до подошвы фундамента, но исследователь предполагал, что она должна находиться на глубине не менее 2 м под каменным полом, сложенным в древности из крупных плит.

Над остатками фундамента были обнаружены большие куски поврежденных огнем свинцовых пластин с кровли ротонды и несколько архитектурных белокаменных фрагментов. Среди них исследователь обращал особое внимание на кусок граненого столбика, тесаный блок арочки над порталом, граненый камень с круглой ямкой, в которой вращался подпятник двери, камень, где сходились завершения над двойным окном, и несколько фрагментов архитектурной резьбы в романском стиле.

Под верхним слоем щебня были найдены в двух местах части первоначального пола, выложенного каменными плитами (70×70 см). Они находились на слое желтой и черной глины толщиной до 20 см, под которой лежал слой из белокаменных отесок.

Частичные раскопки 1935 г. оставались незавершенными много лет. В общих обзорах истории украинского искусства даже наиболее квалифицированные историки архитектуры продолжали именовать руины, частично открытые в с. Побережье, «большой ротондой»⁸. Диаметр ротонды определяли по-разному: Я. Пастернак — 15 м, Ю. С. Асеев — 20 м (и в том, и в другом случае неточно).

Широкие разведки на территории древнего Галича и примыкающих к нему поселений позволили нам ознакомиться еще в 1955 г. с руинами в с. Побережье. Частично раскопанные в 30-х годах руины «ротонды» оказались в значительно худшем состоянии. Большая часть кладки из квадратного белого камня была выломана. Оставались *in situ* лишь отдельные камни. Вся площадь «Мурованки» была покрыта обломками квадров белого камня, кусками известкового раствора, очень немногочисленными обломками резных камней. Очевидно, разрушение памятника после частичных раскопок 30-х годов интенсивно продолжалось при поисках строительных материалов для хозяйственных целей. Было также совершенно очевидно, что, если планомерные раскопки «Мурованки» не будут осуществлены как можно скорее, памятник древнего галицкого зодчества навсегда погибнет для историко-архитектурной науки.

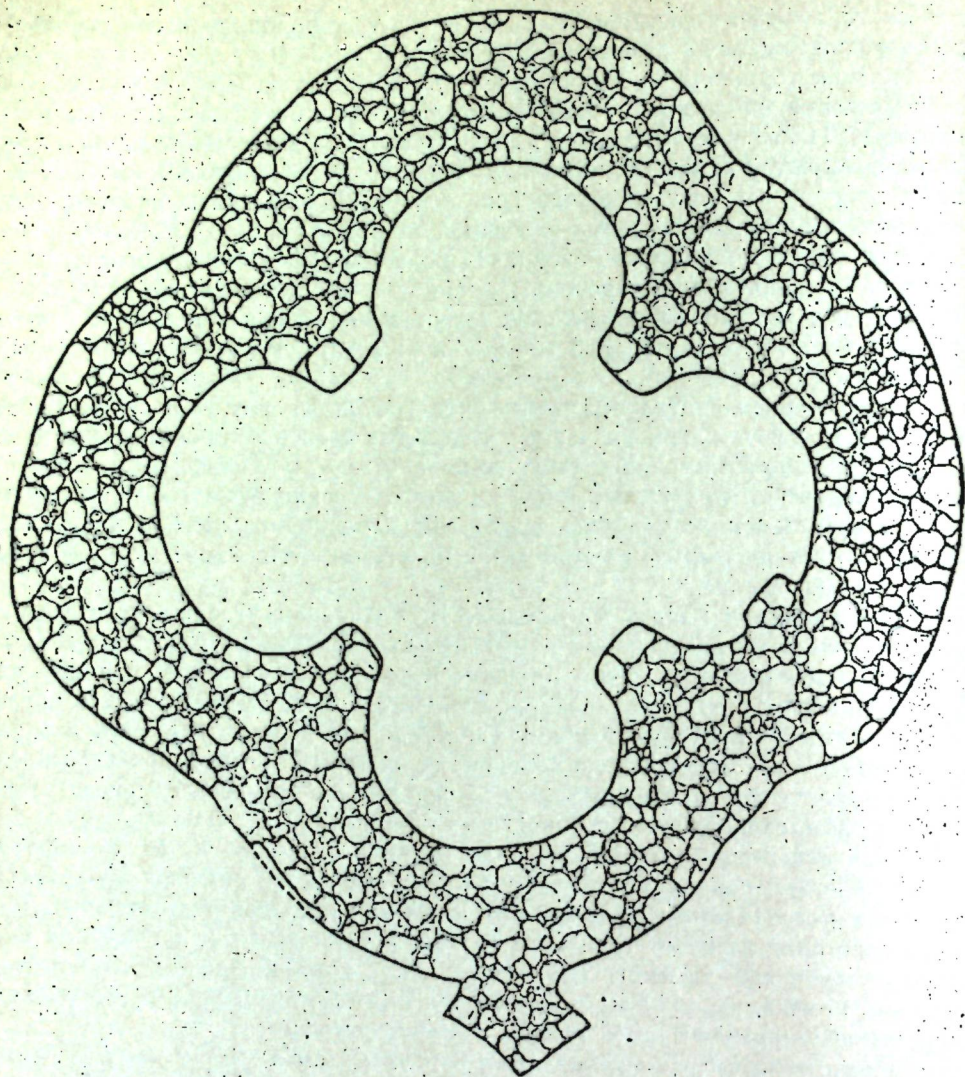

Рис. 1. План храма в Побережье

Завершив исследования на территории Галича и его окрестностей, мы возвратились в с. Побережье только (к сожалению!) в 1959 г. Нельзя было усомниться в том, что в 1955—1959 гг. разрушение памятника энергично продолжалось не только при расхищении строительных материалов для хозяйственных целей, но и при каких-то «археологических раскопках», автор которых пытался весьма неквалифицированно и безуспешно уточнить отдельные элементы плана «ротонды». По рассказам местных жителей об этих «раскопках» удалось установить имя архитектора, занимавшегося этими любительскими поисками и не позаботившегося даже засыпать свои кладондательские ямы на «Мурованке». Следы Открытого листа на раскопки в с. Побережье и какого-либо отчета об этих работах в архиве Института археологии обнаружить не удалось.

Раскопками 1959 г. раскрыт полностью фундамент храма в с. Побережье. Он оказался отнюдь не «ротондой», а «квадрифолием» (рис. 1). Кладка из квадров белого камня в верхней части фундамента ко времени наших раскопок была почти полностью выломана. Тесаный камень уцелел местами лишь по границам фундамента. Эти остатки и плотный материковый грунт, к которому примыкали квадры, позволяли очень точно

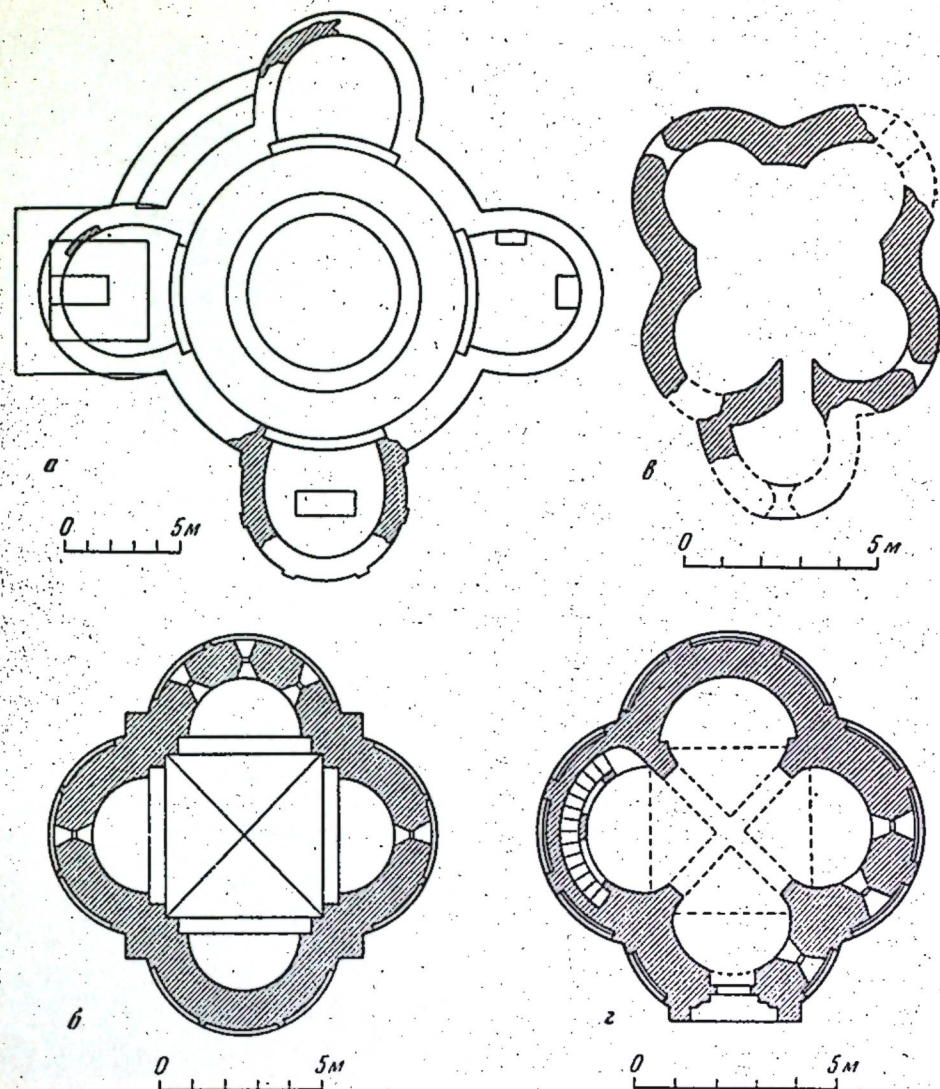

Рис. 2. План храма св. Вита в Пражском граде (а); план церкви св. Яна на Забродни в Праге (б); план церкви Марии в Бавеле (в); план капеллы в Яке (г)

установить сложный рисунок плана. Нижняя часть фундамента на всю его глубину состояла из крупных и более мелких камней-булыжников, скрепленных прочным известковым раствором с примесью угля, типичным для галицкой строительной техники. Как известно, ни в фундаменте, ни в кладке стен в галицком зодчестве не применяется цементадобавка, столь характерная для строительной техники других архитектурных школ древнерусского зодчества домонгольского периода.

Фундамент заложен на глубину до 1,5 м, ширина фундамента достигает 3,5 м. Нужно, разумеется, иметь в виду, что толщина стен, сложенных на этом мощном фундаменте, была значительно меньше. Общий диаметр квадрифолия по наружному контуру достигал 22 м, по внутреннему — 15,5 м.

3

Древнерусское зодчество домонгольской поры не сохранило зданий с планом в виде квадрифолия, но подобные храмы были достаточно широко распространены в романскую эпоху в зодчестве западных соседей Древней Руси (Польша, Чехия, Венгрия).

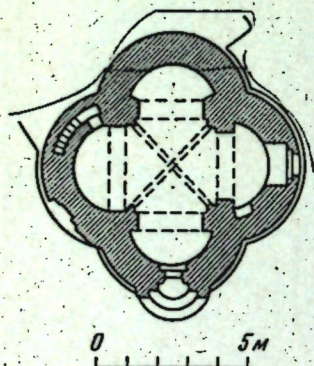
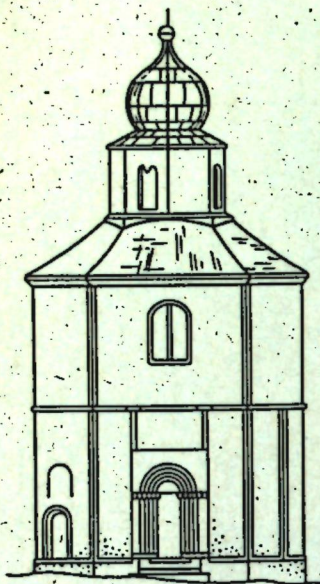

Рис. 3. План и фасад капеллы в Папоче

Рис. 4. Капелла в Яке. Общий вид

Ранее других они появились в Чехии. Одним из древнейших памятников каменного зодчества здесь была ротонда св. Вита в Пражском граде, о плане которой мы знаем по раскопанным фундаментам (рис. 2, а). Она представляла собой круглое в плане помещение диаметром 13 м, к которому с четырех сторон примыкало по апсиде (глубиной 5,53 м). В восточной апсиде находился алтарь, в южной — гробница Вацлава. Остатки фундамента квадрифолия — части южной, западной и северной апсид — были обнаружены раскопками в 1911 и 1928 гг. и дали достоверный материал для реконструкции храма. Храм построил в 926—929 гг. князь Вацлав — один из основателей раннефеодальной Чехии. Это была дворцовая постройка княжеского двора, в которой впоследствии похоронили самого Вацлава, убитого своим братом-соперником и возведенного вскоре в святые. Ротонда стояла на том месте, где в настоящее время находится капелла Вацлава готического собора Вита⁹. Храм является древнейшим из подобных квадрифолиев. В более позднее время, в 20-х годах XII в.,

в Праге была построена церковь Яна на Забродли, сохранившаяся только частично и раскрытая реставрационными работами (рис. 2, б)¹⁰.

Еще к прероманской поре польского зодчества относится церковь Марии в Вавеле, построенная в X в. Она открывает серию церквей XII—XIII вв. с планами тип квадрифолиев в романском зодчестве (рис. 2, в)¹¹.

Характерные памятники подобного рода сохранились в зодчестве романской эпохи в Венгрии. Среди них отметим кладбищенскую капеллу XIII в. в Папоче, имеющую в плане квадрифолий с порталом из красного мрамора в западном полукружии и с алтарями в трех других (рис. 3)¹².

Ближайшую аналогию этому памятнику представляет кладбищенская капелла в Яке (рис. 2, г; 4)¹³.

Перечисленные романские и прероманские памятники Чехии, Польши и особенно Венгрии наглядно свидетельствуют о той архитектурной среде, в которой вырос зодчий квадрифолия в с. Побережье.

¹ Это утверждение И. Шараневич основывал на том, что с места открытых раскопками руины открывался прекрасный вид на село Болшев, куда выехал от Володимирка на почлег упомянутый в летописном рассказе (Ипатьевская летопись) боярин Петр Бориславич. Позже И. Пеленский выражал сомнение по вопросу об этой атрибуции руин, указав на то, что в Галиче одновременно были две церкви Спаса (Pelencki I. Halicz w dziejach sztuki średniowiecznej na podstawie badań archeologicznych i źródeł archiwalnych. Kraków, 1914).

² Pelencki I. Указ. соч., с. 76.

³ Логвин Г. Н., Тимошук Б. А. Белокаменный храм XII века в Василеве. — Памятники культуры, 3. М., 1961, с. 37—50.

⁴ Ратич О. О. Летописный Звенигород. — Археология. Київ, 1973, № 12, с. 88—89.

⁵ Гончаров В. К. Отчет о раскопках в Галиче в 1951 г. Архив ИА АН УССР.

⁶ Каргер М. К. Основные итоги раскопок древнего Галича в 1955 г. — КСИА, 81, 1960, с. 70—71.

⁷ Львовский музей. Рукопись № 27611.

⁸ См., например: Нариси історії архітектури Української РСР (дожовтневий період). Київ, 1957, с. 59.

⁹ Mencl N. Praha přerománská a románská. — In: Praha románská. Praha, 1948, с. 46—48, рис. 2; Маца И. А. Архитектура Чехословакии. М., 1959, с. 16—17.

¹⁰ Praha románská, с. 112, рис. 47—48.

¹¹ Zaki A. Początki Krakowa. Kraków, 1965, с. 68—69; Swiechowski. Bodownictwo romańskie w Polsce. — Katalog zabytków. Wrocław—Warszawa—Kraków, 1963, с. 395—396 и рис. 299—301.

¹² Всеобщая история архитектуры, т. 4. М.—Л., 1966, с. 538.

¹³ Tibor G. Magyarország románkori emlékei. Budapest, 1938, с. 32, табл. LXXV.

О. Н. МЕЛЬНИКОВСКАЯ

ОБСЛЕДОВАНИЕ ДРЕВНЕГО РАДОМЛЯ

На р. Проня — правом притоке Сожа — в дер. Радомля (Чаусский район Могилевской области) расположены остатки древнего русского города Радомля. Письменные свидетельства о нем, сохранившиеся в Никоновской и Лебедевской летописях, относятся к довольно позднему времени. Город упоминается трижды — в 1535, 1563 и 1564 гг.¹ Место древнего города обследовалось краеведами и археологами². В районе дер. Радомля у хутора Колясенка находился также большой курганный могильник³.

В 1958 г. Гомельский отряд ИА АН СССР, изучая памятники железного века бассейна Сожа, обследовал и течение Прони. Обнаружено большое количество древнерусских курганных групп и осмотрен комплекс древних поселений у дер. Радомля. Он состоит из двух городищ и открытого поселения около них (рис. 1). Укрепленные поселения занимали два отрога сильно изрезанного здесь коренного берега, разделенного узкой ложбиной. Подножия обоих городищ примыкают к заболоченной пойме.

Одно из городищ (детинец, или замчище) находилось в урочище, сохранившем до сих пор название Замковище, на высоком отроге второй надпойменной террасы. Площадка в форме вытянутого овала размерами 30 × 45 м имеет небольшой наклон к югу. В северной части площадки со стороны плато хорошо заметны следы высокого вала, внутренний склон которого в настоящее время сильно расплылся. На склонах внизу имеется уступ, особенно хорошо сохранившийся с юго-восточной стороны. Это остатки дополнительной линии укреплений. Вся площадь замчища занята современным кладбищем. Культурный слой, имевший толщину 1 м, почти полностью уничтожен. Встречены единичные гончарные черепки.

Северо-западное городище, отделенное от замчища узкой ложбиной, занимало мыс, огражденный от плато двумя валами и рвами. Площадка ромбической формы имеет легкий наклон к пойме. Поверхность городища задернована. В южной части площади произведена шурфовка. Культурный слой мощностью 0,25—0,30 м серого цвета. Подстилает его красная материковая глина. Находок почти нет — в шурфе и небольших обнажениях на валах найдены обломки гончарной посуды и один лепной черепок.

Посад располагался на примыкающем к обоим городищам участке плато. В случае военной опасности население посада могло быстро укрыться за стенами городищ. Сейчас площадь посада занята огородами и усадьбами жителей деревни. Культурный слой сильно гумусирован и содержит значительное количество обломков гончарной посуды, изразцов, кости животных и др. Найдены обломок сосуда из прозрачного светлого стекла (рис. 2, 3), железное орудие в виде ромбического в разрезе стержня с прямо обрезанным концом, часть широколезвийного железного серпа (рис. 2, 6, 8), фрагмент орнаментированного кожного изделия.

Особый интерес представляет керамический комплекс. Вся посуда изготовлена на гончарном круге. По формам, цвету, примесям в глине, характеру обработки поверхности она делится на две группы. Ранняя группа представлена обломками посуды серо-бурого или серо-черного цвета,

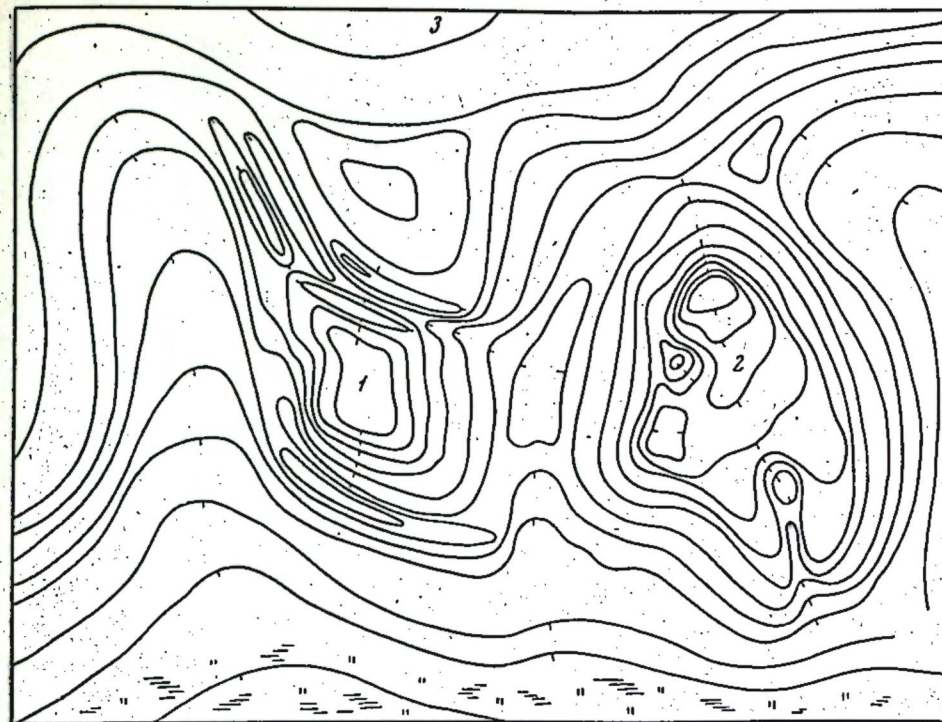

Рис. 1. План комплекса древних поселений в дер. Радомля

1 — северо-западное городище; 2 — юго-восточное городище (замчище); 3 — посад

в глине — примесь крупнозернистого песка или мелкой дресвы. Диаметр сосудов 16—20 см. Большинство обломков не орнаментировано. На орнаментированных фрагментах отмечены волнистая линия (рис. 2, 4, 17), многорядный линейный узор (рис. 2, 15), налепной по плечикам в виде слегка выступающего гребня (рис. 2, 1). Преобладает посуда XIII в. (рис. 2, 4, 11, 13, 15, 17, 18), некоторые сосуды могут быть отнесены к концу XII в. (рис. 2, 1, 5, 7, 9). Стекланный сосуд, от которого сохранилась ручка-ушко, по мнению Т. И. Макаровой, также может быть датирован концом XII в.

Поздняя посуда имеет желто-розовый цвет. Внутренняя поверхность отдельных черепков покрыта цветной поливой (рис. 2, 2). В глине — примесь мелкого песка. Диаметр сосудов от 12 до 22 см. Часть бортиков принадлежит горшкам с суженным устьем (рис. 2, 16), часть — открытым банковидным сосудам (рис. 2, 10, 12). Найдена нижняя часть горшочка с суживающимися кверху стенками (рис. 2, 14). Некоторые сосуды украшены линейным и линейно-волнистым орнаментом. Они датируются XVI—XVII вв., как и обломки изразцов.

Таким образом, при обследовании радомльских поселений обнаружены находки конца XII—XIII в. Пока они встречены в основном на территории посада. Однако немногочисленные гончарные черепки найдены и на городищах. Это бортики горшков темного цвета с характерной для посуды древнерусской группы на посаде примесью мелкой дресвы в глине. Возможно, при исследовании городищ будут получены более веские материалы, которые позволят доказать, что эти укрепления были одновременны раннему слою примыкавшего к ним поселения. Пока можно только предположительно высказать мнение, что летописный Радомль на несколько столетий старше, чем считалось.

С. И. КОЧКУРКИНА

ТИВЕРСК

В 1404 г. смоленский князь Юрий Святославич приехал в Великий Новгород, после того как «град его взят бысть и все его великое княжение, и великаа княгиня отведена в полон в Литву, и князи и бояре, любящие его, выведены быша в полон в Литву, а иные разточени, а иных смертною казнию казниша...», получил в кормление 13 городов, среди которых назван «Тиверский»¹.

Второе и последнее событие, связанное с Тиверском, упоминается в летописях под 1411 г.: «Того же лета приходиша Свеа ратью и взяша Новгородский пригород Корельский»².

По традиции, утвердившейся еще в XIX в., Тиверский городок русских летописей (Тиурилиннасаари — финских исследователей)³ связывается с городищем у дер. Васильево Приозерского района Ленинградской области. Для отождествления летописного города и конкретного памятника были следующие основания. Во-первых, перечень городов в летописи, среди которых упомянут Тиверск⁴, локализует его в районе между Ладогой и Финским заливом, на территории от Орешка до Корелы. Во-вторых, он не мог находиться далеко от новгородско-шведской границы, определенной по Ореховецкому договору: военные укрепления строились в непосредственной близости от границы, ибо в противном случае терялся их оборонительный смысл. Но, с другой стороны, Тиверск должен быть удален от Новгорода: нападение шведов в 1411 г. было неожиданным; новгородцы узнали о нем с запозданием в три дня и вынуждены были встретиться со шведами около Выборга. Местоположение городища Тиурилиннасаари на р. Вуокса, неподалеку от пограничного погоста Яскы, отданного шведам «по любви»⁵, отвечает всем перечисленным требованиям.

Когда-то городище располагалось у порогов Тиури, на острове, омываемом двумя бурлящими потоками Вуоксы, но еще в прошлом столетии в результате строительства дороги и понижения уровня воды в реке высохшая восточная протока, засыпанная землей, соединила остров с материком. Через западную протоку перекинут мост, построены усадьбы, нарушившие целостность оборонительных сооружений, отчего на некоторых участках каменные стены отсутствуют, напоминая о себе беспорядочными развалами камней. Протяженность вала в южной части и каменных стен — в северной достигает 300 м при ширине от 1 до 11 м и высоте 0,3—0,7 м (с внутренней стороны). Высота гребня вала от зеркала реки в южной, лучше сохранившейся части достигает 12 м. Площадка городища внутри оборонительных укреплений имеет длину с севера на юг 215 м, а ширину — с запада на восток — от 40 до 52 м. Поверхность ровная, задернованная и кое-где поросла лиственными деревьями.

Исследователям XIX в. (1888—1889 гг.) Т. Швиндту, Я. Аппельгрену и А. Хакману городище досталось в лучшей сохранности (рис. 1). В южной стене прослеживался аккуратно выложенный из камней четырехугольный проем размерами 3 × 2 м при высоте 1 м (на плане обозначен буквой а). Исследователи расценили его как сторожевую будку или склад.

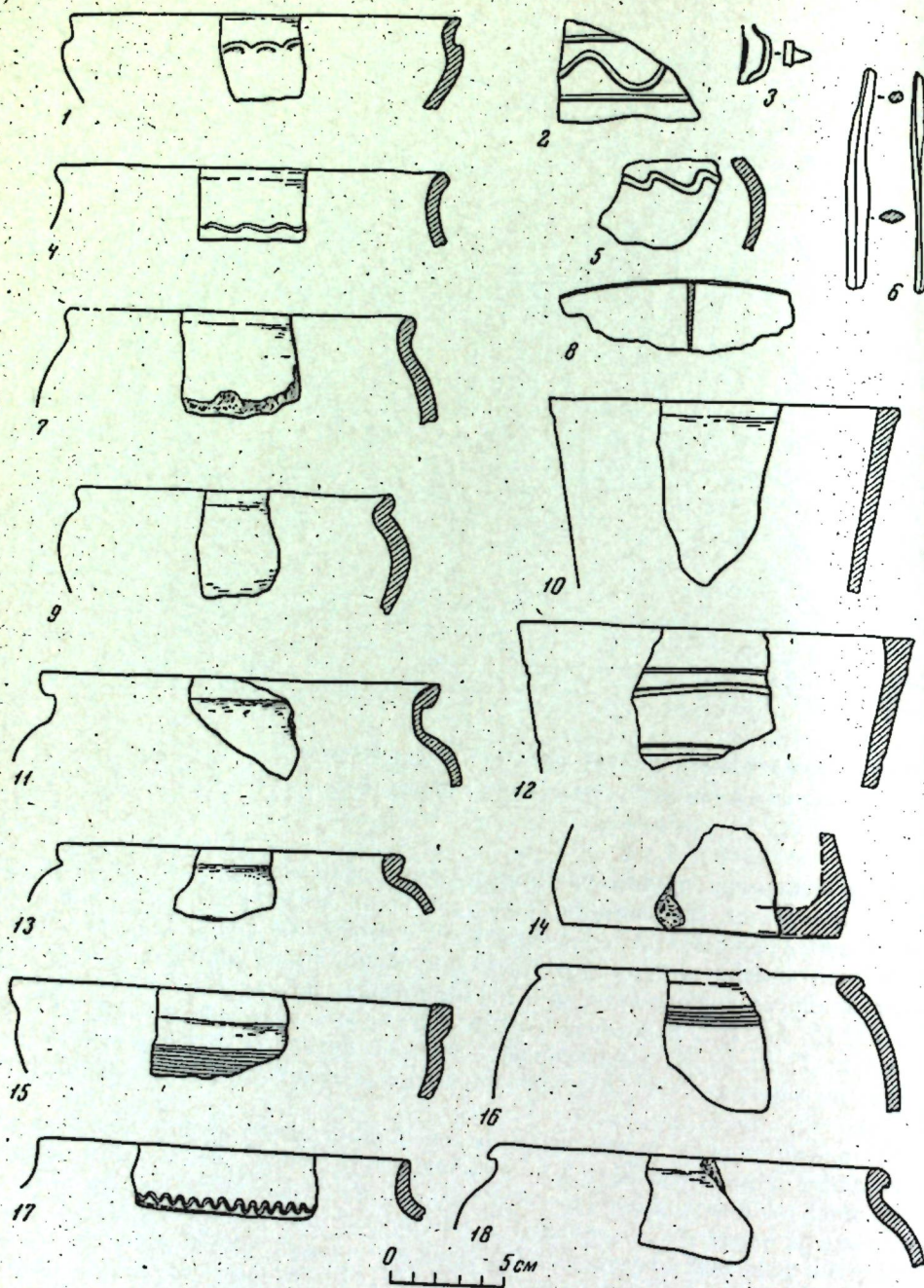

Рис. 2. Находки с территории посада

¹ ПСРЛ, т. XIII, вып. 1. М., 1965, с. 99; т. XIII, вып. 2. М., 1965, с. 377, 385; т. XXIX. М., 1965, с. 329; Акты археографической комиссии, т. IV, с. 129.

² Романов Е. П. Заметка о дополнительных археологических местонахождениях. — Труды Виленского отделения Московского предварительного комитета по устройству в Вильне IX археологического съезда, 1893, с. 45; Сербай И. А. Археологічніе абсьледваньня у вадазборах рэк Проні—Ух-

лясьці ў былі Магілеўшчыне. — Працы сэкцыі археалёгіі, т. III. Менск, 1932, с. 240—241; Ляўданскі А. Кароткае паведамленьне аб дасьледах культур эпохі жалеза у БССР у 1930—1931 гг. — Там же, с. 232; Древности железного века в междуречье Десны и Днепра. — САИ, Д1-12, 1962, с. 15, 19, 22; Штыхов Г. В. Археологическая карта БССР, вып. 2. Минск, 1971, с. 234.

³ Сербай И. А. Указ. соч., с. 240—241.

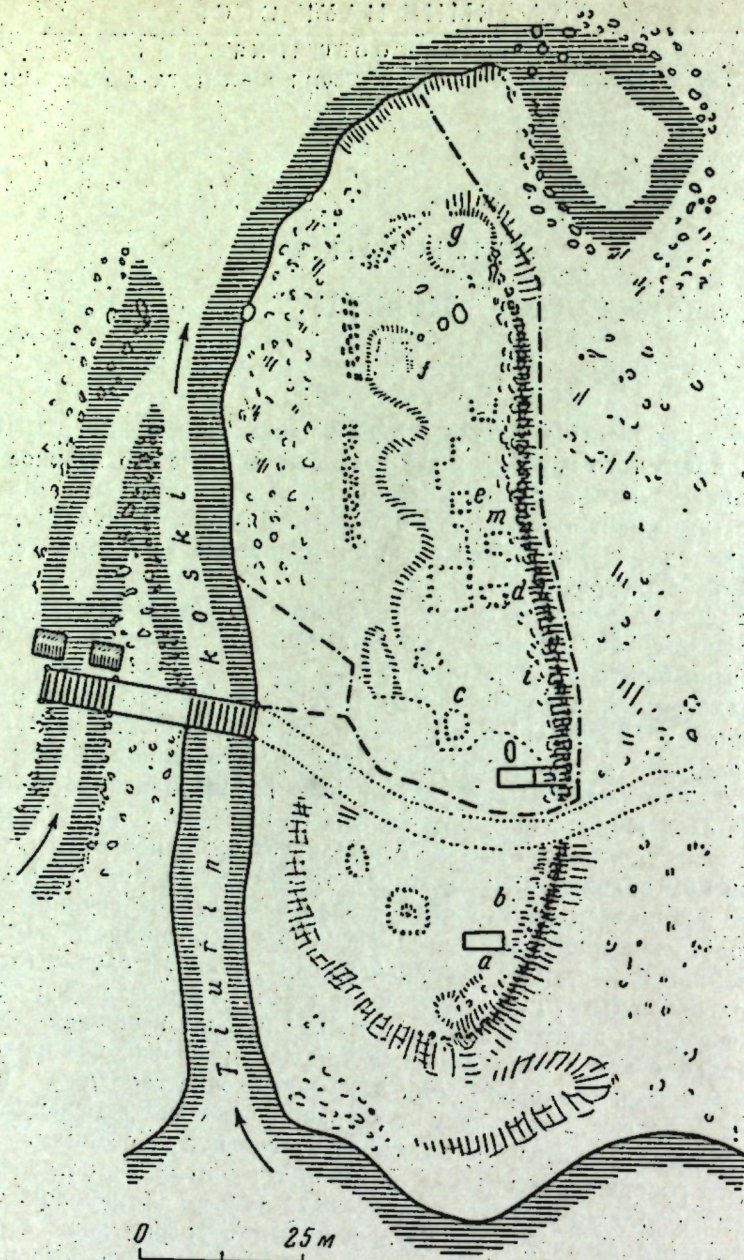

Рис. 1. План Тиверска (по Я. Аппельгрёну и Т. Швиндту)

Местные жители возражали Я. Аппельгрёну: такой проем, утверждали они, мог быть сооружен в XIX в. во время расчистки порога для порохового погреба. Видимо, они были правы — ни один из исследователей не сообщает ни о культурном слое, ни о находках на этом участке. В северной части отмечено два проема (т), рядом друг с другом — по-видимому остатки жилищ, судя по развалам побывавших в огне камней, золе, углям, фрагментам керамики, шлакам и т. д.

Помимо поздних сооружений насчитано 11 четких четырехугольных каменных фундаментов, от которых на поверхности сохранилась одна, две, а иногда, хотя и редко, все четыре стороны. Я. Аппельгрён исследовал «жилища» д и е, в которых ничего не обнаружил. Около больших угловых камней фундамента ф (его размеры 22 × 15 м) находилась черная

земля, перемешанная с золой и фрагментами керамики. У западного края жилища располагался четырехугольный очаг размерами 2 × 1,8 м. В развалинах фундамента г в центре между камнями на глубине 1 м была земля с углями, кальцинированные кости, обломки керамики, нож, часть овальной фибулы с плетеным орнаментом, точильные бруски, обожженная глина, шлаки и т. д. В раскопах б и о Т. Швиндт нашел керамику, железные шлаки, точильные бруски, медные и железные пластинки, кости животных.

В 1890 г. при сооружении погреба под большим плоским камнем обнаружены серебряные вещи в черной, перемешанной с углем земле: застёжка для волос из серебряной проволоки, цепь, 11 филигранных бусин, круглая подвеска с филигранью, две восточные монеты с ушками (894—902, 976 гг.), круглая, несколько испорченная фибула, два серебряных слитка и три отпиленных от них кусочка, глиняное пряслице и «две косточки, одна кальцинированная»⁶.

В 1891 г. А. Хакман и Т. Швиндт раскопали небольшой участок с западной стороны погреба, частично захватив вал. В черной, углистой земле, по их словам, было много кальцинированных костей как около вала, так и под самим валом. Следовательно, рассуждали они, здесь были погребения до сооружения вала (и до возникновения Тиверска). Но при вскрытии соседних участков эти выводы не подтвердились: найдены болт самострела, фрагменты литого бронзового браслета, наконечника копья, ножа, точильные бруски, железные шлаки, обожженная глина и фрагменты гончарных сосудов, кости лошади, свиньи, т. е. вещи, не похожие по составу и назначению на предметы из погребальных комплексов. И датируются они, включая и вещи из клада, тем же временем, что и само городище, поэтому предположение о могильнике догородищенского времени вызывает большие сомнения.

В течение двух полевых сезонов (1971—1972 гг.) на городище вскрыто 1030 кв. м (рис. 2), из них 834 кв. м приходится на южную часть горо-

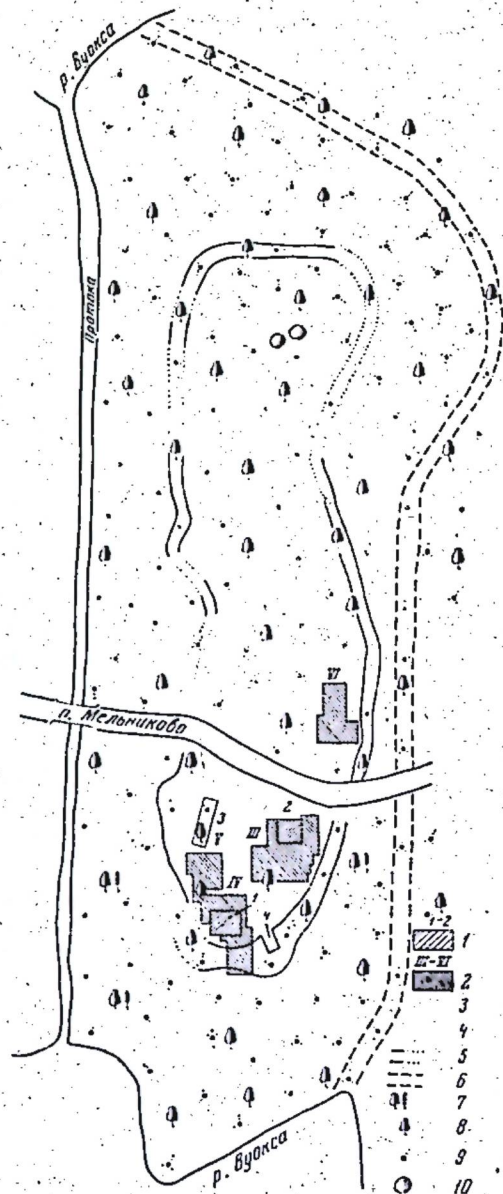

Рис. 2. Современный план городища Тиверск

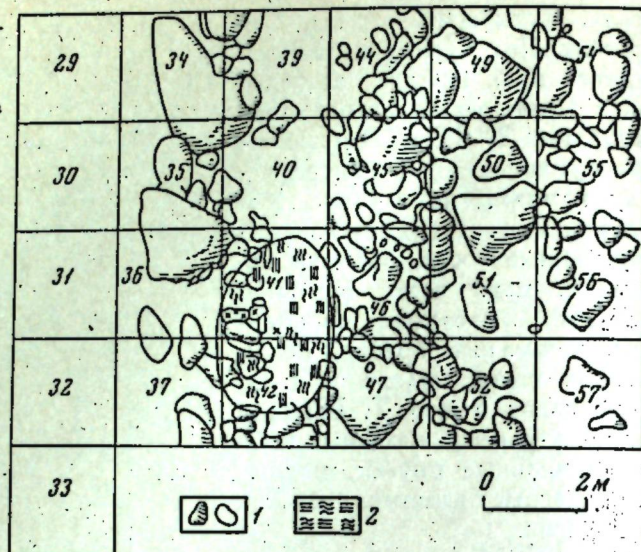
1 — раскопы 1971 г.;	6 — сухое русло реки;
2 — раскопы 1972 г.;	7 — смешанный лес;
3 — фундамент дома;	8 — березняк;
4 — погреб;	9 — кустарник;
5 — каменный вал;	10 — луги

земля, перемешанная с золой и фрагментами керамики. У западного края жилища располагался четырехугольный очаг размерами 2 × 1,8 м. В развалинах фундамента г в центре между камнями на глубине 1 м была земля с углями, кальцинированные кости, обломки керамики, нож, часть овальной фибулы с плетеным орнаментом, точильные бруски, обожженная глина, шлаки и т. д. В раскопах б и о Т. Швиндт нашел керамику, железные шлаки, точильные бруски, медные и железные пластинки, кости животных.

В течение двух полевых сезонов (1971—1972 гг.) на городище вскрыто 1030 кв. м (рис. 2), из них 834 кв. м приходится на южную часть горо-

Рис. 3. Планиграфия разреза вала

1 — каменная кладка;
2 — зоольно-углистая прослойка

дища и вал (раскопы I—V) ⁷. На нескрытых участках в этой части поселения культурный слой тонкий — до 5—7 см, а кое-где он практически отсутствует. Наиболее мощные культурные напластования — черный пылевидный песок со значительным вкраплением углей — прослеживаются на примыкающих к восточному валу участках, где они достигают 68 см, в то время как к западу выклиниваются.

Разрез вала в самой высокой части выявил его несложную конструкцию (рис. 3). Он сооружен из больших валунов, для прочности по кромке вала привалены большие валуны, иногда поставленные вертикально. На плане (кв. 35—36) отчетливо видно, как огромный камень подпирали более мелкими, закрепляя и предохраняя его от сползания. На близлежащих к валу квадратах собрано много кусков обожженной глины (кв. 33 содержал 100 кусков), использовавшейся, по всей вероятности, для укрепления вала. Середина между крайними валунами заполнялась камнями, культурным слоем и материковой землей, причем делалось это неоднократно. В насыпи встречены фрагменты керамики, пряслице, наконечники стрел, идентичные вещам из слоя городища.

Под валом, на глубине 1,4 м от вершины, на материке обнаружено зоольно-углистое пятно, занимающее пространство 3,2 × 2 м (рис. 2). В нем найдены семь ладейных заклепок, располагавшихся в направлении север — юг, два обломка гончарной керамики, кость животного (вероятно, коровы). В центре пятна в сильно спекшемся слое были берцовая кость (?), обрубленная с одной стороны и подтесанная с другой, кусочки коры и кальцинированные кости. Все это было окружено мелкими камнями наподобие небольшого очага. Пятно образовалось до сооружения вала.

Оборонительные укрепления Тиверска не имели рва, так как в нем не было нужды: вода подходила к самым стенам городища (почва у подножия вала состоит из речного песка и гальки).

Поверхность городища в XIX в. использовалась под сенокос, поэтому все камни, что выступали на поверхности, убраны. В результате в южной части не обнаружено ни одного хорошо сохранившегося фундамента. Но они несомненно были, о чем можно судить по остаткам строго горизонтальных каменных вымосток.

Хорошо сохранившийся фундамент открыт в северной части городища на квадратах 1—3, 5—12, 15 (рис. 4). Он ориентирован с северо-запада на юго-восток, длина стен A_1B_1 — 6 м; B_1D_1 — 4,88 м; D_1C_1 — 6,6 м; C_1A_1 — 5,2 м. Особенно высока стена A_1B_1 . В пределах фундамента и

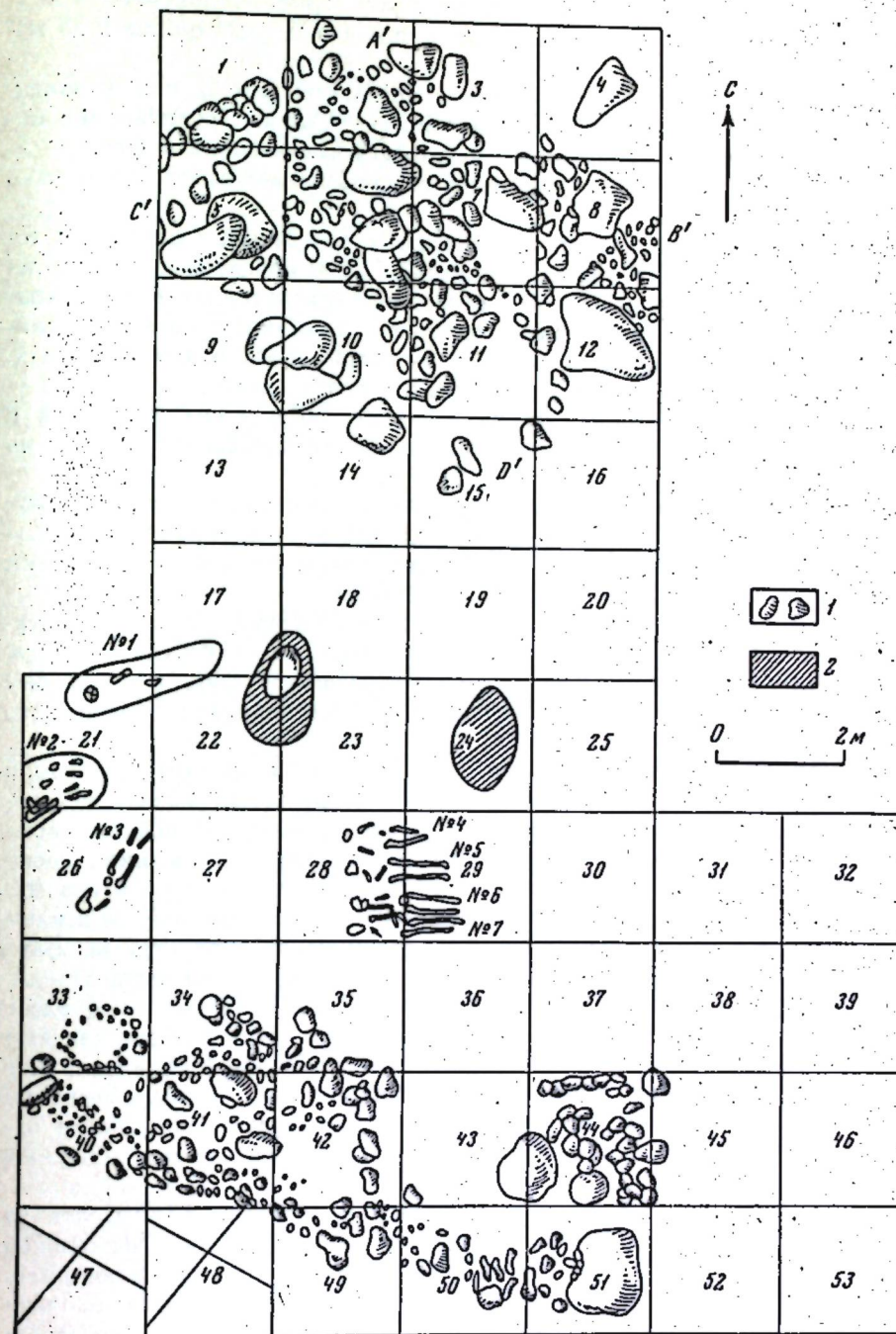

Рис. 4. Фундамент жилища и погребения (раскоп VI)

1 — каменная кладка; 2 — западание культурного слоя

с внешней стороны найдены бытовые предметы — ножи, оселки, кресало, резец по дереву, а в северо-западном углу жилища (кв. 5) — два горшка.

В этом же раскопе обнаружены погребения. В квадрате 27 сразу же под дерном найдены человеческий череп, слегка засыпанный камнями, и остатки костяка, обращенного головой на северо-восток. Умерший положен на спину. При нем найдено бронзовое трубчатое изделие с остатками шерстяного шнура внутри, использовавшееся для украшения концов пояса.

Скелет 1, лежавший головой на запад с некоторым отклонением к югу, находился в могильной яме (длина 2,08 м, ширина 0,6 м, глубина 0,38 м). Вещей нет.

Скелеты 2а и 2б также находились в могильной яме. Длина выявленной ее части 1,28 м, ширина — 2 м, глубина — 0,52 м. Ориентировка погребенных, по-видимому, западная с некоторым отклонением к югу.

Скелет 3 длиной 1,48 м, обращенный головой на юго-запад, обнаружен на глубине 0,25 м.

Погребенные 4, 5, 6, 7 занимали квадраты 28—29. Они положены головами точно на запад. У скелета 4 длиной 1,24 м прослежена только левая рука, череп раздавлен. С левой стороны груди находились ромбовидный наконечник стрелы и фрагмент гончарной керамики. У скелета 5 длиной 1,6 м череп повернут в сторону расположенного рядом скелета 4. У скелета 6 длиной 1,84 м череп обращен в сторону скелета 5, у черепа — венчик гончарного сосуда. У скелета 7 длиной 1,8 м в области груди и в тазобедренном суставе застряли наконечники стрел. Скелеты лежали на глубине 0,37 м от поверхности.

За два полевых сезона собраны фрагменты гончарных сосудов, ножи, замки, ключи, кресала, пряслица, сковородники и т. д.; орудия труда — долота, стамески, сверла, точильные бруски, резцы по дереву; предметы вооружения — наконечники стрел и боевые топоры.

Предметы из цветных металлов хотя и немногочисленны, но достаточно разнообразны: овальные фибулы, орнаментированная рукоять ножа, копоушки с орнаментом так называемого карельского типа и некоторые другие ювелирные изделия, характерные для могильников Карельского перешейка.

Различия в инвентаре раскопок III, IV, V (южная часть), с одной стороны, и раскопа VI — с другой, наводят на мысль, что жители по-разному использовали южную и северную части городища. В южной части оборонительным укреплением служил вал с каменным основанием, засыпанный землей, а в северной — каменная стена. В южной части встречено около 40 наконечников стрел и два боевых топора, а в северной за исключением стрел в погребениях найден лишь один наконечник стрелы. Зато здесь много следов хозяйственной деятельности, особенно железоделательного производства (равно как и в раскопах XIX в.). Кроме того, здесь были могилы, вскрытые в раскопе VI. Различия между двумя частями Тиверска объясняются топографическими особенностями. Неприятель мог появиться перед южными укреплениями, так как порожиные рукава по ту и другую сторону Тиверска непроходимы. С северной оконечности открывался свободный путь к отступлению под защиту более надежных укреплений Корелы.

Не останавливаясь на подробном анализе материала, скажем, что за немногим исключением инвентарь Тиверска укладывается в небольшой промежуток времени — конец XIII в. и в основном XIV в.⁸ Например, такая же серебряная застежка для волос, как из кладки Тиверска, найдена в одном из погребений могильника Патъя (Саккола-Громово) со шведской монетой 1220—1250 гг.⁹ Две фибулы с ракообразным орнаментом (рис. 5, 1; тип Н по классификации Ю. Айлио¹⁰) напоминают найденные в женском погребении могильника Каускила (Финляндия, район Лаппенранты), где в соседнем мужском погребении обнаружены брактеаты XIV в.¹¹ Подражательный экземпляр из Новгорода обнаружен в слое середины XIII в.¹²

Серебряная подковообразная фибула, называемая в научной литературе карельской (в Тиверске найдена игла со щитком — рис. 5, 2), обнаружена в уже упомянутом погребении с монетой могильника Патъя. Характерные для древностей Карельского перешейка трубчатые пронизки. Ф-образной формы с привесками (рис. 5, 3) найдены в Новгороде в слоях конца XIV в.¹³ Орнаментированные бронзовые рукояти ножей (рис. 5, 4) встре-

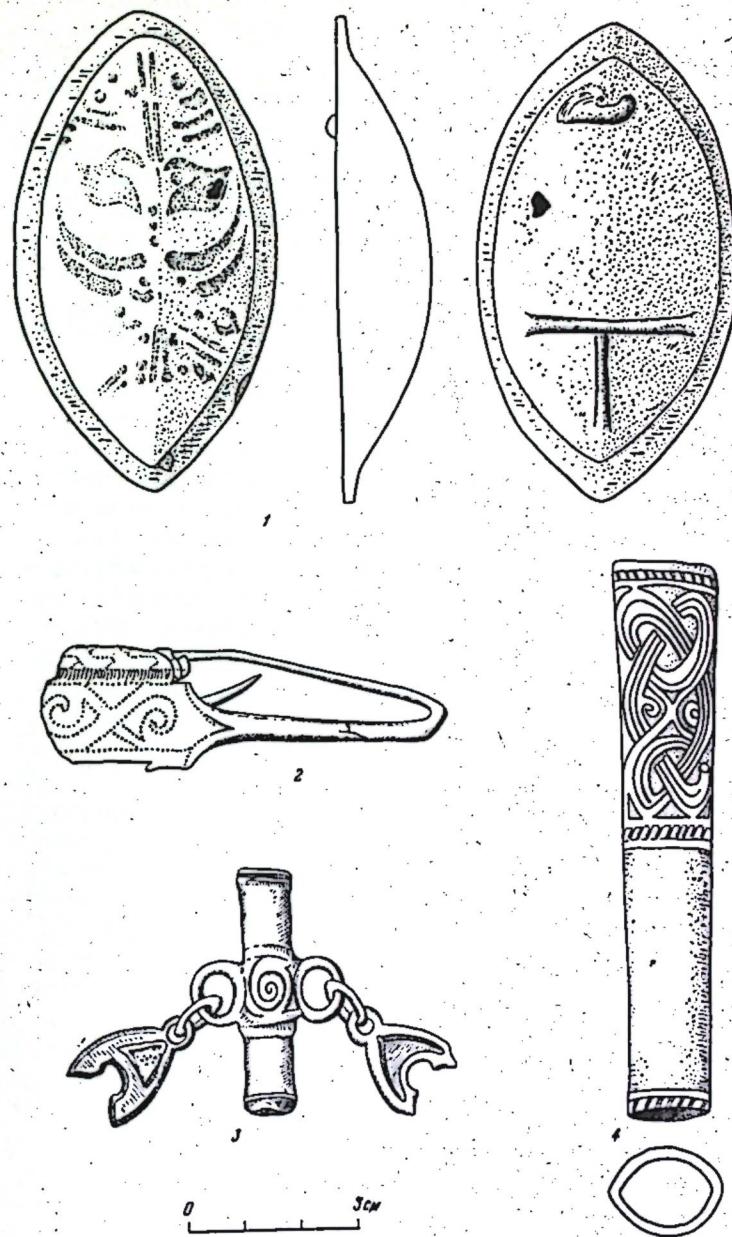

Рис. 5. Предметы украшения (Тиверск)

1 — овально-выпуклая фибула с ракообразным орнаментом; 2 — игла со щитком; 3 — Ф-образная пронизка; 4 — орнаментированная рукоять ножа

чены в могильнике Каускила, в Новгороде в слоях XIII в.¹⁴ и в таких поздних древнерусских городах, как Корела, Орешек, Копорье. Они датируются на этом основании не только XIII—XIV вв., но и более поздним временем.

Используя сведения письменных источников, можно уточнить рамки существования Тиверского городка. Прекращение жизни на городище, видимо, связано с событиями 1411 г. Четвертый пункт Ореховецкого мирного договора 1323 г. запрещал шведам и новгородцам строительство крепостей по обе стороны границы. Следовательно, Тиверск возник до 1323 г.¹⁵ С другой стороны, сооружение вблизи границы крепости как дополнительной преграды на пути к племенному центру Кореле было, ве-

роятно, ответной акцией на возросшую активность шведов, выразившуюся, в частности, в строительстве в 1293 г. Выборга. Таким образом, возникновение тиверских укреплений относится к периоду между 1293 и 1323 гг.

Кем был построен Тиверск, — вопрос сложный и далекий от окончательного решения, но все же существуют некоторые доказательства принадлежности Тиверска летописной кореле. Карельский перешеек, по единодушному мнению историков, лингвистов, фольклористов, был районом, где размещался племенной очаг летописной корелы. Топонимические данные подтверждают это суждение. Пять родов «карельских детей» имеющих «отчины и дедины» на Белом море и Кольском полуострове — Рокульцы, Вальдольцы, Тиврульцы и т. д., — были выходцами с Карельского перешейка¹⁶. Вероятно, и Тиверский городок получил название по имени одного из карельских родов — Тиврульцев.

Сходство Тиверска с остальными поселениями, приписываемыми летописной кореле, заметно в следующем: выбор места для поселения (остров, который по своему природному окружению приобретает оборонительные свойства); использование камня для сооружения укреплений и фундаментов жилищ; наконец название. Этимология слова Тиури выводится из лопарского *tiŋŋe* > *tiuri*. Интересно, что у калининских карел — выходцев с северо-западных берегов Ладожского озера — встречается слово *tiuru* > *kiuru*. Связи Тиверска с грунтовыми кексольскими могильниками устанавливаются по некоторым украшениям, керамике.

Последний довод в пользу определения Тиверска как городища летописной корелы дают летописи: не случайно в некоторых сводах городок Тиверский называется Корельским.

¹ ПСРА, т. XI. М., 1965, с. 190. Об этом событии имеются записи в других летописных сводах.

² ПСРА, т. XI, с. 218. Некоторые летописные своды говорят о взятии шведами новгородского пригорода Тиверского.

³ Тиурилиннасаари — крепость Тиури на острове.

⁴ Новгородская Первая летопись старшего и младшего изводов. М.—Л., 1950, с. 477.

⁵ Appelgren J. Suomen muinaislinnat. — SMYA, XII, 1895, с. 102.

⁶ Schwindt T. Tietoja karjalan rautakaudesta. — SMYA, XIII, 1896, с. 88, 89.

⁷ В 1971 г. А. Н. Кирпичников заложил на городище несколько разведочных шурфов.

⁸ Материал Тиверска во многом идентичен погребальному инвентарю Карельского перешейка, датирующемуся в финской литературе периодом крестовых походов 1100—1300 гг. (Schwindt T. Указ. соч., с. 194; Nordman C. A. Karjalan järnåldsstudier. — SMYA, XXXIV, 3, 1924, с. 141—181; Kivikoski E. Suomen historia. I. Suomen Esihistoria. Porvoo—Helsinki, 1961, с. 262—269).

В последние годы пополнилась истиннонаучная база, и пришло время пересмотреть разрабатанную в 20-е годы К. А. Нордманом класси-

фикацию и датировку материала. Эта задача выходит за рамки статьи, поэтому мы ограничимся анализом тех тиверских вещей, что были найдены в датированных комплексах.

⁹ Kivikoski E. Liciä karjalan ristiretkikauden ajamääräyksen. — Kalevalasuoran vuosikirja, 22. Porvoo—Helsinki, 1942, с. 79—87.

¹⁰ Ailio J. Karjalaiset soikeat kupurasoljet. — SMYA, XXXII, 3, 1922, с. 70—71.

¹¹ Salo U. Lappeen Kauskilan varhaiskeski-aikainen kalmisto. — SM, LXIV, 1957, с. 35—53.

¹² Раскопки 1957 г., ярус 12—13, пласт 21, квадрат 1394. Пользуясь случаем выразить глубокую признательность коллективу Новгородской экспедиции за предоставленную возможность ознакомиться с описями предметов новгородских коллекций.

¹³ Раскопки 1958 г., пласт 6, квадрат 1706.

¹⁴ Неревский раскоп 1959 г., ярус 12, пласт 16, квадрат 1809.

¹⁵ Эту же мысль еще в XIX в. высказал Я. Appelgren (Appelgren J. Указ. соч., с. 102).

¹⁶ Попов А. И. Из топонимики Карелии. — В кн.: Природные ресурсы, история и культура Карело-Финской ССР, вып. 1. Петрозаводск, 1949, с. 100—106.

А. А. ЮШКО

ИСТОРИЧЕСКАЯ ГЕОГРАФИЯ МОСКОВСКОЙ ЗЕМЛИ

(из предыстории с. Битяговского)

На территории Подмосковья имеется много сел, древность которых засвидетельствована письменными источниками. Нередко данные источников удается расширить благодаря археологическим исследованиям.

Археологически засвидетельствованы многие пункты, названные в духовной грамоте Калиты (около 1339 г.). Так, селища и курганы обнаружены вблизи существующих ныне сел, известных с XIV в., — Константиновского на Рожая, притоке Пахры; Астафьевского на Десне; Максимовского на Истре и др.¹ Эти села, известные из духовной Калиты, были великокняжескими владениями, но территорию их земель освоили значительно раньше — в XII в., в период вятичской колонизации Подмосковья.

С. Б. Веселовскому удалось выявить родовые гнезда многих древнейших боярских родов². Так, один из древнейших родов XIV в. — род Акатьевичей — имел владения по Ликове, притоке Десны. На Ликове и сейчас есть село Акатово (больше известно под названием Бараново-Акатово), а также ряд сел, принадлежавших потомкам Акатия (Валуево, Мешково). Все эти пункты «в XIV в. составляли одно владение по обеим берегам р. Ликова, образуя участок земли в длину более семи верст, площадью не менее 2500 десятин»³. Земли эти были очень удобны для земледелия, река Ликова была полноводной (по актовым источникам, еще в XVII в. против Акатова и Валуева стояли мельницы)⁴, поэтому неудивительно, что ее берега заселили еще с XII в. Обследованиями Подольского отряда Московской экспедиции в 1971 г. на территории бывших владений Акатьевичей учтены четыре курганные группы XII—XIII вв. (77 насыпей) и шесть селищ (рис. 1).

Таким образом, земли эти были освоены и возделывались задолго до появления здесь первых землевладельцев-феодалов. История этих мест служит прекрасной иллюстрацией к процессам, происходившим на Руси: «Подъем производительных сил на Руси в XIV—XV веках...», который выразился в распадке и заселении трудовым русским крестьянством заливных и целинных земель, привел прежде всего к тому, что земля (окультуриваемая и заселенная) становилась все в большей мере объектом притязаний со стороны феодалов разных групп, предметом борьбы и захватов»⁵.

Второй древнейший московский род — род Квашниных — имел большие земельные владения по Востокне. Этот район также плотно насыщен археологическими памятниками периода, предшествующего появлению здесь первых представителей рода Квашниных.

С родом Бяконта — черниговского боярина, «отъехавшего» к московскому князю Даниилу Александровичу «всем родом» в последние годы XIII в., — связано несколько селений, расположенных к югу от Москвы⁶. Среди них село Плещеево на Пахре, принадлежавшее второму сыну Федора Бяконта — Александру Плещею (старший его сын — митрополит Алексей — был первым русским на митрополичьем столе). Оказывается, что

Рис. 1. Владения Акатьевичей на р. Ликова

1 — граница вотчины Акатьевичей (по С. Б. Веселовскому); 2 — курганная группа; 3 — селище

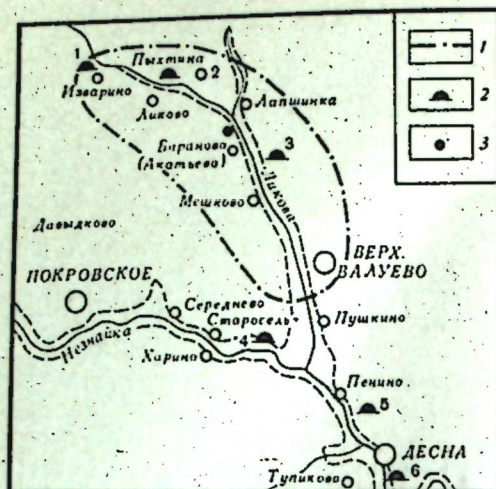
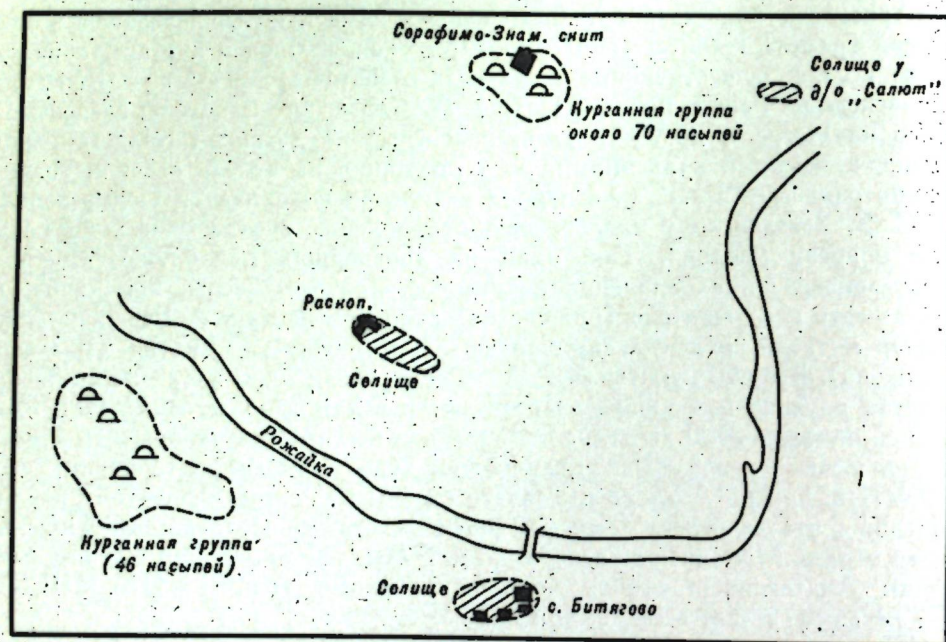

Рис. 2. Схема расположения археологических памятников в районе с. Битягово

и эти земли были обжиты задолго до того, как стали владениями Александра Федоровича Плещея. Раскопанная вблизи с. Плещеево, напротив с. Стрелково, курганная группа содержала комплекс XII—XIII вв.⁷

Село Битяговское фигурирует среди прочих волостей и сел, которые «дал есмь сыну своему Андрею» князь Иван Данилович Калита⁸. Фамилия первого известного владельца села (Иван Битяг — третья четверть XV в.) была заимствована от его названия⁹. Современное село Битягово с сохранившейся церковью XVII в. стоит на левом берегу Рожан (рис. 2). У северного конца села открыта курганная группа — 46 насыпей. На противоположном берегу, вблизи Серафимо-Знаменского скита (конец XIX в.), имеется еще одна курганная группа — около 70 насыпей.

В Подмоскovie найдется немного мест, где сосредоточены такие обширные курганные могильники. Им должны были соответствовать и большие поселения. Действительно, вблизи этих курганных групп оказалось три поселения, в культурном слое которых есть материал XII—XVI вв.

На месте Битягова, на возвышенной береговой террасе, вблизи церкви встречена керамика курганного облика. Керамический материал, даже це-

лые сосуды, обнаружены почти повсюду в прибрежной части современного села. Раскопки Р. Л. Розенфельдта отмеченной выше курганной группы дали интересный материал XII—XIII вв. В погребениях найдены стеклянные браслеты, редкие в курганных инвентарях¹⁰.

Поселение, соответствующее, по-видимому, курганной группе у Серафимо-Знаменского скита, расположено на противоположном берегу Рожан, на довольно низкой надпойменной террасе, на расстоянии 140 м от берега реки. К сожалению, оно в значительной мере испорчено двумя глубокими траншеями, проложенными при современном строительстве. Частичные раскопки этого поселения Подольским отрядом Московской экспедиции в 1968 г.¹¹ показали, что оно распространялось узкой полосой в 30 м на протяжении 100 м вдоль берега реки. Вскрыто 300 кв. м культурного слоя, мощность которого не превышала 0,20—0,25 м. От жилых сооружений, видимо наземных срубов, остались лишь подпольные ямы с находящимися на уровне древнего пола развалами печей-каменок.

Вещевой комплекс укладывается в хронологические рамки XII—XIV вв. (рис. 3). Он доказывает синхронность поселения и расположенных поблизости курганов. Поселок принадлежал, видимо, вятичам. Об этом говорят находки обломков семилопастных височных колец (рис. 3, 7, 8) и сердоликовых бипирамидальных бусин (рис. 3, 1).

Датирующими вещами являются наконечники железных стрел (рис. 3, 11—13), а также костяной двусторонний гребень трапецевидной формы. Такие гребни использовали на Руси с XII до конца XIV в.¹² Интересна зерновая серебряная серьга (рис. 3, 9). Глиняная посуда, обнаруженная на поселении, сделана исключительно на гончарном круге. Находки красноглиняных фрагментов определяют позднюю дату поселения.

В курганном могильнике у Серафимо-Знаменского скита мы совместно с Т. М. Равдиной раскопали восемь насыпей. Открыто десять погребений, из которых пять — мужские, четыре — женские и одно — детское.

Преобладают труположения на небольшой подсыпке. Встречены также погребения в могильных ямах глубиной до 0,6 м (курганы 1 и 7). В одном кургане захоронение совершено на горизонте. Погребения в ямах моложе погребений на горизонте. Так, в кургане 7, где глубина могильной ямы достигала 0,6 м, при женском костяке найдены бронзовый витой (2×4) браслет и широкосрединный пластинчатый перстень.

Умершие обращены головами на запад или северо-запад. Обычно они вытянуты на спине. Положение рук различно: вытянуты вдоль туловища; слегка согнуты в локте, так, что кисти находятся в области таза; одна рука согнута, а другая — вытянута.

В кургане 3 ребенок в возрасте до года похоронен в маленьком (0,47×0,35 м) гробовище. Стенками этого гробовища служили стоящие на ребре прибитые коваными гвоздями досочки толщиной 1,5 см. В высоту стенки сохранились лишь на 2 см. Следы гробовища в погребениях взрослых удалось заметить в трех курганах. В одном случае (курган 1) зафиксирована выдолбленная колода. Она имеет толстую (до 0,22 м) боковые стенки. В двух случаях (курганы 5—18) остатки гробовища имели вид узкой (около 4 см) полосы древесного тлена. В кургане 5 размеры гробовища 2×0,60—0,65 м. По конструкции оно напоминало гробовище детского погребения в кургане 3.

Вещевой комплекс курганов типично вятичский: семилопастные височные кольца сравнительно поздних типов (рис. 4, 1—3), сердоликовые бипирамидальные бусины (рис. 4, 4), двузигзаговые решетчатые и иные перстни (рис. 4, 5—8). Представляют интерес фрагменты кожного кошелька, найденного при мужском погребении кургана 5. Вблизи него обнаружены два кремневых орудия — ножевидная пластина и скребок (рис. 4, 19), железный стержень с подвижным кольцом и лировидная пряжка. Коллекция пряжек насчитывает пять экземпляров, из которых четыре лировидные (рис. 4, 10, 11) и одна — звездчатая (рис. 4, 12).

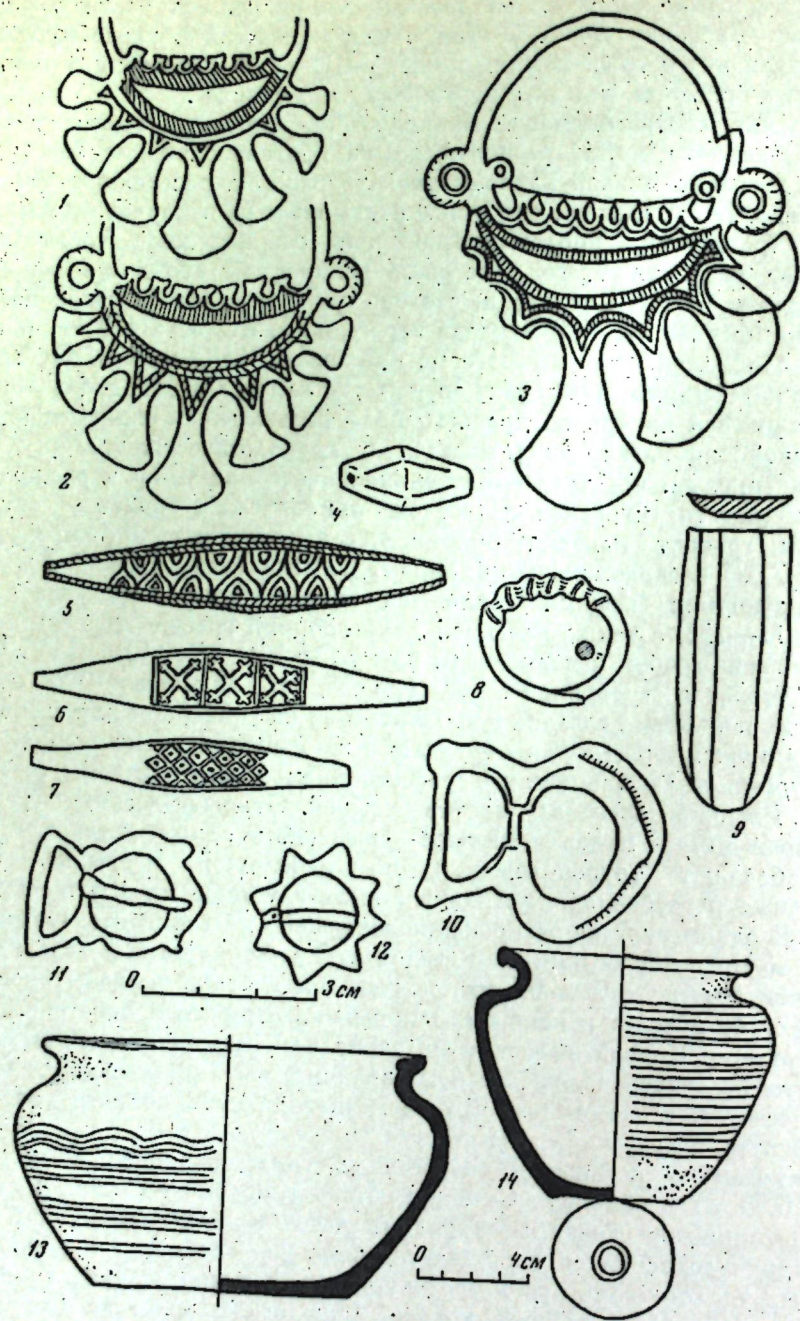

Рис. 3. Курганы у Серафимо-Знаменского скита. Вещи из раскопок
1, 8, 12 — курган 3, погребение 2; 2, 3 — курган 18; 4, 5—7 — курган 56; 9, 11 — курган 5; 10, 13 —
курган 2; 14 — курган 4

Частично было исследовано поселение, расположенное выше по течению Рожан, в урочище, называемом «Княжий луг». Заложенный там шурф (16 кв. м) вскрыл остатки кладбища XV—XVI вв. с каменными плитами. Но в слое повсюду обнаружена керамика, синхронная курганной. Видимо, более древнее поселение было здесь нарушено кладбищем.

¹ Архив ИА, Р-1, д. 3707 и 3707а.
² Веселовский С. Б. Исследования по исто-

рии класса служилых землевладельцев.
М., 1969.

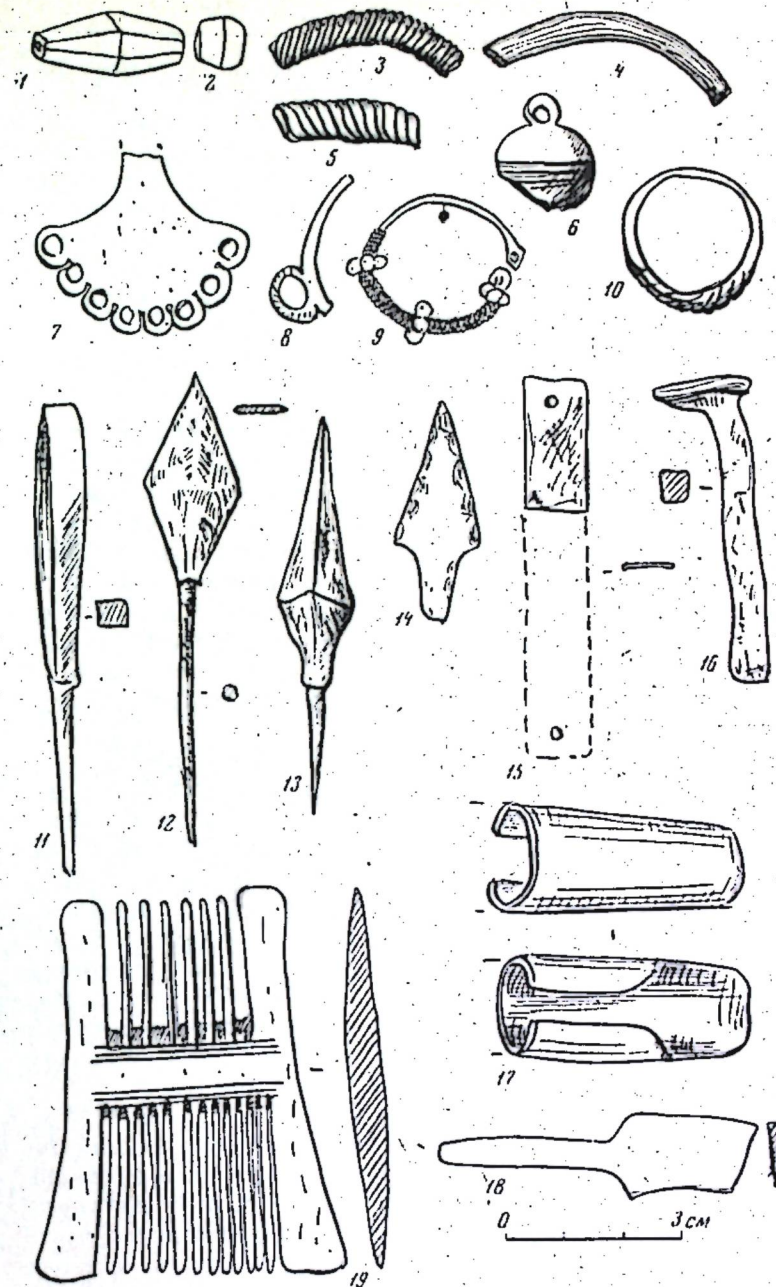

Рис. 4. Селище Серафимо-Знаменский скит. Вещи из раскопок

1—2 — бусы; 3—5 — обломки стеклянных браслетов; 6 — бубенчик со щелевидной прорезью; 7, 8 — детали семилопастных височных колец; 9 — серьга типа зернено-филигранных; 10 — рубчатый перстень; 11—13 — железные наконечники стрел; 14 — наконечник кремневой стрелы; 15 — обломок пластины чешуйчатого доспеха; 16 — гвоздь; 17 — втульчатая рукоять ножа; 18 — обломок ножа; 19 — скребок

³ Там же, с. 232.

⁴ Архив АН СССР, ф. 620 (С. Б. Веселовского), т. 1, л. 142.

⁵ Черепнин Л. В. Образование русского централизованного государства в XIV—XV веках. М., 1960, с. 179.

⁶ Веселовский С., Снегирев В., Коробков Н. Подмосковье. М., 1955, с. 380.

⁷ Юшко А. А. Покровские и Стрелковские курганы. — СА, 1972, № 1.

⁸ Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV—XVI вв. М., 1950, с. 7.

⁹ Архив АН СССР, ф. 620, д. 63, л. 43.
¹⁰ См.: АО 1968 г. М., 1969, с. 7; АО 1970 г. М., 1971, с. 73.

¹¹ Архив ИА, Р-1, д. 3707.

¹² Колчин Б. А. Ремесло. — В кн.: Очерки русской культуры XIII—XIV веков, ч. I. М., 1972, с. 213.

Е. Н. НОСОВ

ПОСЕЛЕНИЕ У ВОЛХОВСКИХ ПОРОГОВ

Вопросы древней истории Старой Ладogi до сих пор принадлежат к числу слабо разработанных проблем славянской археологии. Наибольшие трудности в их решении, на наш взгляд, заключаются в том, что Старая Ладога со своей богатой культурой нижних горизонтов остается единственным ярким центром на фоне широкой округи, где поселения конца I тысячелетия н. э. с аналогичными материалами почти неизвестны. Можно назвать лишь несколько таких памятников в районе Новгорода¹.

В связи с этим немаловажное значение приобретает археологический комплекс у дер. Новые Дубовики на правом берегу Волхова, в 9 км вверх по течению от Старой Ладogi: городище, примыкавшее к нему селище и группа сопok.

В 1914 г. городище было осмотрено А. А. Спицыным. Оно находилось при впадении ручья Мельник в Волхов и было «обращено стрелкой вниз по течению реки». Уже тогда городище было сильно разрушено карьером для добычи плитняка. По словам А. А. Спицына, от него сохранилась лишь часть вала и в двух местах были видны остатки рва. «В черноземе, — писал А. А. Спицын, — попадались грубые черепки с примесью дров, кости животных (особенно рыбы) и изредка битые камни». А. А. Спицын отнес это поселение к числу городищ дьякова типа². В кратких сведениях о памятнике, имеющих в ОАК за 1913—1915 гг., добавлено, что А. А. Спицын нашел на городище «черепки с сетчатым орнаментом»³.

В 1924 г. поселение осмотрел А. А. Миллер⁴. Затем, вплоть до начала 50-х годов, никаких сведений о нем не поступало⁵.

В 1950 г. место поселения посетил С. Н. Орлов, а в 1952 г. группой Невской археологической экспедиции (начальник экспедиции Н. Н. Гурин) под руководством Г. П. Гроздилова на нем были заложены четыре разведочные траншеи и проведена зачистка выходов культурного слоя по берегу ручья Мельник. Работами затронута неукрепленная часть поселения — селище. Укрепленная часть (носившая у местного населения название «Городок») к 1952 г. была уже полностью уничтожена карьером⁶.

Культурный слой поселения прослеживался вдоль берега Волхова «не менее чем на 300 м». На основании собранной на поселении керамики Н. Н. Гурин определила время его существования — от VII—VIII до XI—XII вв.⁷ Ни одного фрагмента сетчатой керамики не найдено. Незначительная вскрытая площадь (в 1952 г. поселение было занято усадьбами деревни) не позволила установить планировку и характер отдельных комплексов. Лишь в траншее 4 были обнаружены две ямы — одна из них определена как остатки очага, другая предположительно — как хозяйственная⁸.

В настоящее время деревня, занимавшая площадь селища, перенесена к северу, а участок поселения, вошедший в черту г. Волхов, еще не застроен. В связи с этим летом 1972 г. Староладожским отрядом ЛОИА АН СССР под руководством автора на селище в 130 м к востоку от берега Волхова и в 50 м к югу от ручья Мельник заложен раскоп

площадью 170 кв. м. Для исследования выбран участок, который, по нашим наблюдениям, в наименьшей степени нарушен постройками деревни.

Перемешанный культурный слой поселения достигал мощности 0,2—0,3 м. В нем обнаружены различные предметы — от кремневых скребков и отщепов до осколков современного стекла и фрагментов керамики. После снятия этого слоя на фоне желтоватого материкового суглинка отчетливо выделялись темные пятна нетронутого культурного слоя. При их разборке было выяснено, что нетронутый культурный слой заполняет 13 отдельных комплексов — нижних частей различных построек хозяйственного назначения и ям. Среди построек встречены сравнительно небольшие вытянутые (сооружение 1—2,80×1,40 м; сооружение 8—2,65×1,20 м; сооружение 11—2,30×1,20 м) или несколько более округлые (сооружение 4—2,25×2,65 м; сооружение 5—2,30×2,35 м). Одна постройка (7) довольно значительна (4,90×3,10 м). Все они были углублены в материк на 0,2—0,6 м и, вероятно, имели легкие перекрытия. Некоторые постройки перерезают друг друга, но по материалу заполнения не различаются.

Сооружения, близкие открытым, известны по материалам раскопок «Земляного городища» Старой Ладogi в 1950 и 1959 гг. и отнесены В. И. Равдоникасом и Г. П. Гроздиловым к постройкам хозяйственного назначения. В 1950 г. у одной из таких построек была отмечена нетипичная конструкция, в 1959 г. — следы жердевого перекрытия⁹. Отсутствие на раскопанной площади селища жилых построек, видимо, объясняется тем, что исследованию подвергнут самый окраинный участок поселения, удаленный от его центральной части (городища).

На раскопанном участке в культурном слое найдено около 700 фрагментов лепной посуды и лишь 18 черепков древнерусской гончарной керамики. Такая же картина повторилась и при разборке заполнения сооружений и ям, где встречено более 500 черепков лепной керамики и лишь в верхней части заполнения сооружения 7 найдено 8 фрагментов стенок гончарных сосудов с линейным и волнистым орнаментом. Лепная посуда представлена преимущественно обломками грубых кухонных горшков с примесью в тесте крупных зерен кварца, сильно шероховатой поверхностью и толстым слоем нагара на стенках. Лепили горшки ленточным способом из нескольких кольцевых полос глины. Орнамент отмечен лишь на четырех черепках — отпечатки гребенчатого штампа, нанесенные по плечу сосуда в виде «елочки»; ряд ногтевых вдавлений по тулову; насечки по краю венчика; глиняный валик с насечками.

Наиболее многочисленную группу составляют горшки, которые обычно принято называть керамикой ладожского типа. Их отличительной чертой является отчетливое ребро при переходе от венчика к тулову. Но если у одних горшков оно выражено резко, то у других — более плавное, иногда почти совсем сглаженное (рис. 1, 2—4, 7). Наблюдаются также и некоторые отличия в пропорциях. Вряд ли точная характеристика таких сосудов как биконических, вошедшая в литературу в основном после статьи Я. В. Станкевича о керамике Старой Ладogi¹⁰. Встречены горшки и иной профилировки, без ребра, с коротким венчиком и выпуклыми округлыми плечиками, представленные различными формами (рис. 1, 1, 5). Обнаружены обломки нескольких миниатюрных сосудов (рис. 1, 6).

Наиболее близкие аналогии лепной керамике имеются в слоях горизонта Е «Земляного городища» Старой Ладogi, которые в последнее время датируются VIII—IX вв.¹¹ Такая же посуда найдена на поселениях Георгий и Прость недалеко от Новгорода, возникновение которых С. Н. Орлов и М. М. Аксенов считают возможным отнести к VIII—IX вв.¹², а также на Рюриковом городище¹³.

Среди вещевого материала селища надо отметить обломки тигельков со следами окиси бронзы на стенках, куски бронзовой проволоки и слитки бронзы, свидетельствующие о бронзолитейном производстве. Найдены

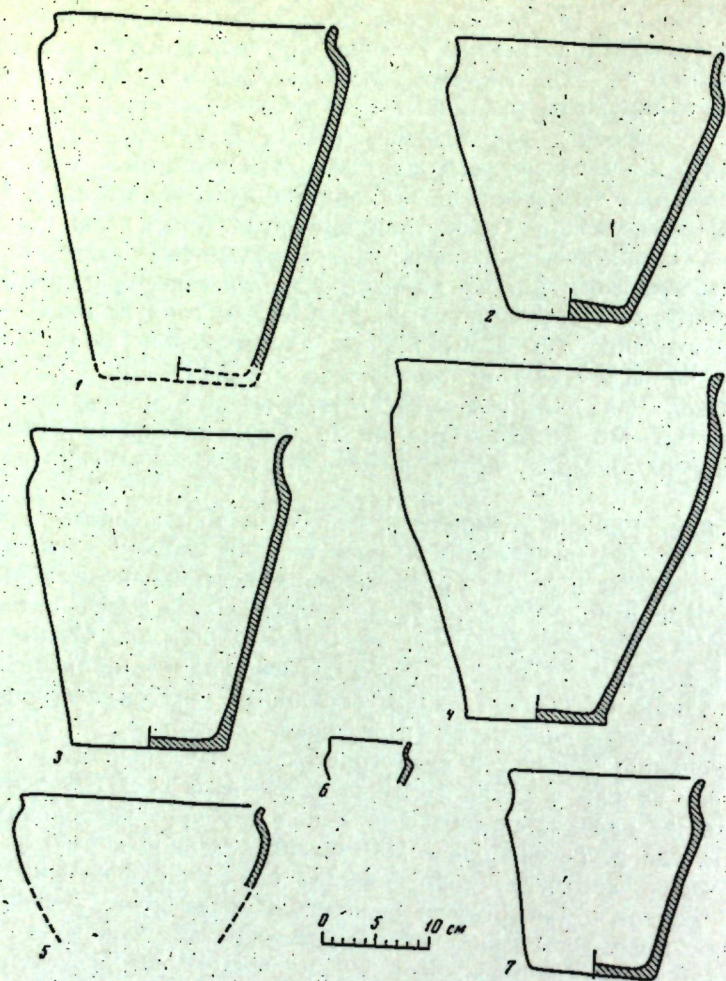

Рис. 1. Керамика с поселения Новые Дубовики

также железные шлаки, ножи, шило, обломки различных орудий, ледоходный шип, листовидный наконечник стрелы, обломок бронзового восьмигранного браслета с нарезкой на гранях, трапециевидная подвеска из бронзы и т. д. (рис. 2, 7—13, 16—22). Встречены изделия из кости: четыре пряслица, просверленный клык-подвеска, наконечник стрелы с отверстием для крепления к древку (тамар) и др. (рис. 2, 1—3, 5, 6, 14). Особое внимание привлекает костяной односторонний гребень с циркульным орнаментом, подобный ранним гребням Старой Ладogi (рис. 2, 15). По форме накладки гребень относится к типу Iv (классификация О. И. Давидан), наиболее вероятная дата которого IX—X вв., но по орнаменту он несколько ближе гребням типа Ia—VIII—IX вв.¹⁴ В 1952 г. на поселении найден обломок еще одного гребня типа Iv¹⁵.

Стеклянные бусы поселения (семь) также аналогичны старолужским¹⁶. Это прежде всего две бусины из светло-голубого прозрачного стекла в форме куба со срезанными углами, с расплывчатыми неясными гранями. В Старой Ладогe найдены лишь четыре такие бусины, и они относятся к самым ранним бусам группы IX. Они встречаются в Бирке — в погребениях с монетами IX в., в Салтовском могильнике и в могильниках Северного Кавказа VIII—IX вв.¹⁷ По мнению З. А. Львовой, наиболее обоснованная дата этих бус — VIII—IX вв. Обнаружена одна трехчастная пронизка, украшенная серебряной фольгой, относящаяся к первой подгруппе группы VIII бус Старой Ладogi. Основная масса этих бус падает

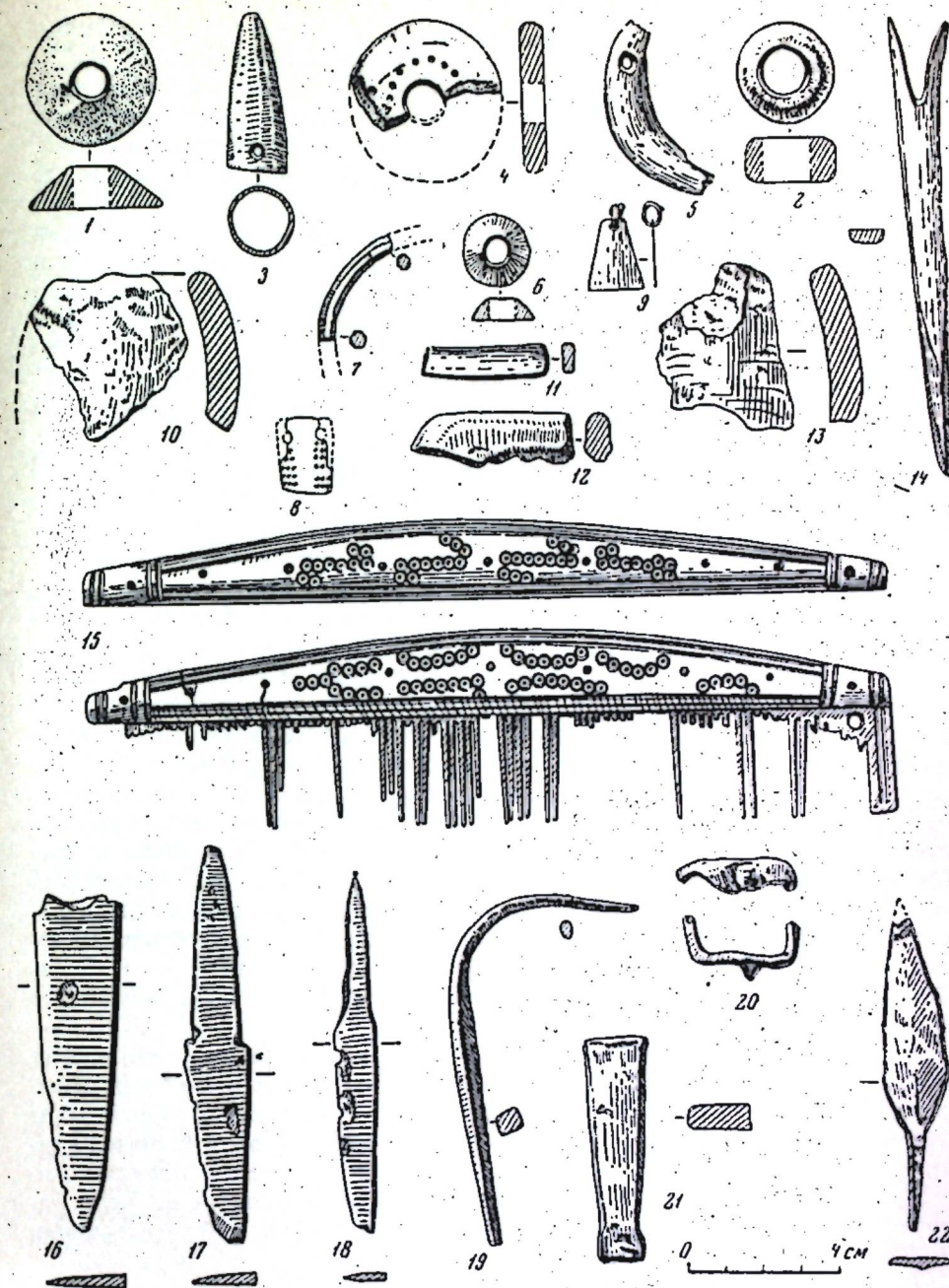

Рис. 2. Находки с поселения Новые Дубовики

1, 2, 4, 6 — пряслица; 3, 22 — наконечники стрел; 5 — клык-подвеска; 7 — браслет; 8 — бляшка; 9 — трапециевидная подвеска; 10, 13 — тиган; 11, 12 — слитки бронзы; 14 — костяное орудие; 15 — гребень; 16—18 — ножи; 19 — шило; 20 — ледоходный шип; 21 — железный предмет (1—3, 5, 6, 11, 15 — кость; 4 — камень; 7—9, 11, 12 — бронза; 10, 13 — глина; 16—22 — железо)

на горизонты K₂ и E₁ и датируется IX в.¹⁸ К группе II относится темно-бурая бусина с васильковыми глазками. Аналогичные бусы есть в Бирке, Дмитровском и Салтовском могильниках, на Правобережном Цимлянском городище. Они относятся к VIII—IX вв.¹⁹ Остальные три бусины с поселения Новые Дубовики, среди которых одна — мозаичная (группа I бус Старой Ладogi), не поддаются точной датировке.

Находки, керамика, а также найденный в культурном слое арабский дирхем, чеканенный в Васите при Мерване II (Омайяды) в 129 г. х. (746—747 гг.)²⁰, позволяють предположить, что поселение возникло еще в IX в. Вопрос о более ранней дате до новых раскопок остается открытым.

Итак, в 9 км от Старой Ладogi в древности существовало значительное поселение, синхронное по времени и тождественное по культуре ее ранним слоям.

Как в окрестностях Ладogi, где расположены величественные группы сопok, синхронные ее нижним горизонтам, у поселения Новые Дубовики есть непосредственно примыкающая к нему с севера группа сопok из семи насыпей²¹. В 0,5 км к югу от него находились две сопки у дер. Старые Дубовики, а на противоположном берегу Волхова и несколько выше по течению — насыпи у дер. Михаил Архангел (Октябрьское) и Горка²².

Отмечая определенную топографическую обособленность памятников в низовьях Волхова²³, необходимо обратить внимание на тот факт, что поселения у дер. Новые Дубовики и указанные группы сопok расположены непосредственно у начала волховских порогов. Это был один из опаснейших участков пути из Ладogi в Новгород. Яркое описание порогов оставил нам проезжавший по Волхову в 1634 г. голштинский посол Адам Олеарий²⁴.

Условия и обстоятельства перехода через пороги подробно описаны в латинской редакции договора 1270 г. Новгорода с ганзейским союзом городов, рассмотренной в исследованиях М. Бережкова и А. И. Никитского. Когги — суда, на которых немцы привозили свои товары в Новгородскую землю, могли пройти невские пороги, но волховские были для них непреодолимы. Именно поэтому немцы были вынуждены перегружать на Неве или в низовьях Волхова товары на новгородские, вероятно плоскодонные, ладьи. Но даже на русских судах путешествие не было безопасным, и поэтому по прибытии к порогам купцам приходилось обращаться к старосте лоцманов, чтобы тот дал распоряжение лоцманам на следующий день утром вести ладью к Новгороду. Но и опытные лоцманы не были застрахованы от неудач при преодолении тянувшихся на протяжении 19 км порогов, о чем свидетельствует четкое разделение ответственности за погибшую на порогах ладью: за саму ладью немецкий гость не отвечает, но лоцман не отвечает за погибший товар²⁵.

Эти трудности при преодолении порогов существовали и в более раннее время. В. А. Брим справедливо предположил, «что вся организация этого перехода идет еще от времен варягов и была унаследована ганзейскими купцами почти без всяких изменений»²⁶. Учитывая приведенные данные, можно полагать, что поселение, аналогичное по культуре Старой Ладogi, расположенное в IX—X вв. у начала волховских порогов, было одним из этапных пунктов на пути в Новгород, местом последней остановки перед трудным рубежом.

¹ Орлов С. Н., Аксенов М. М. Раннеславянские поселения в окрестностях Новгорода. — Новгородский исторический сборник. 10, 1961, с. 161—168; Орлов С. Н. Славянское поселение на берегу р. Прость около Новгорода. — СА, 1972, № 2, с. 127—138.

² Спицын А. А. Поездка 1914 г. на р. Волхов. Архив ЛОИА, ф. 1, д. 292 за 1914 г., л. 16; см. также: Спицын А. А. «Корочки». Архив ЛОИА, ф. 5, д. 384, л. 22.

³ Разведки А. А. Спицына. ОАК за 1913—1915 гг., с. 164—165.

⁴ Сведения о посещении городища А. А. Миллером сохранились в «Ко-

рочках» А. А. Спицына (Архив ЛОИА, ф. 5, д. 376, л. 76—77). К сожалению, архивные дела о поездках А. А. Миллера в низовья Волхова содержат лишь распоряжения и финансовую документацию, а не научные отчеты (Архив ЛОИА, ф. 2, д. 77 за 1922 г., д. 78 за 1923 г., д. 5 за 1924 г., д. 5 за 1933 г.).

⁵ В 1934 г. о городище Новые Дубовики в двух статьях кратко упомянул В. И. Равдоникас (Равдоникас В. И. Памятники эпохи возникновения феодализма в Карелии и Юго-Восточном Приладожье. — ИГАИМК, 94, 1934, с. 37); Он же. О возникновении фео-

дализма в лесной полосе Восточной Европы в свете археологических данных. — ИГАИМК, 103, 1934, с. 105, 123).

⁶ Дневники раскопок Невской археологической экспедиции за 1952 г. Архив ЛОИА, ф. 35, оп. 1, д. 62, 63 (Г. П. Гроздилов), 66 (С. Н. Орлов); Гурина Н. Н. Отчет о работе Невской экспедиции за 1952 г. Архив ИА, Р-1, д. 722.

⁷ Гурина Н. Н. Древняя история северо-запада европейской части СССР. — МИА, № 87, 1961, с. 116—119.

⁸ Гурина Н. Н. Отчет..., л. 70, 71.

⁹ Гроздилов Г. П. Дневник 2 раскопок Староладожской археологической экспедиции в 1950 г. Архив ЛОИА, ф. 35, оп. 1, д. 13 за 1950 г., л. 90—91; Равдоникас В. И. Отчет Староладожской экспедиции за 1959 г. Архив ЛОИА, ф. 35, оп. 1, д. 45 за 1959 г., л. 35, 36, табл. 60, 61.

¹⁰ Станкевич Я. В. Керамика нижнего горизонта Старой Ладogi. — СА, XIV, 1950, с. 191—192.

¹¹ Корзухина Г. Ф. О времени появления укрепленного поселения в Ладoge — СА, 1961, № 3, с. 83; Она же. Этнический состав населения древней Ладogi. — Тезисы докладов второй научной конференции по истории, экономике, языку и литературе скандинавских стран и Финляндии. М., 1965, с. 12—14; Она же. К уточнению датировки древнейших слоев Ладogi. — Тезисы докладов третьей научной конференции по истории, экономике, языку и литературе скандинавских стран и Финляндии. Тарту, 1966, с. 61—63; Она же. О некоторых ошибочных положениях в интерпретации материалов Старой Ладogi. — Скандинавский сборник, XVI, Таллин, 1971, с. 123—131; Давидан О. И. Гребни Старой Ладogi. — АСГЭ, 4, 1962, с. 95 и 103; Львова З. А. Стекланные бусы Старой Ладogi. — АСГЭ, 10, 1968, с. 91.

¹² Орлов С. Н., Аксенов М. М. Указ. соч., с. 166; Орлов С. Н. Указ. соч., с. 137.

¹³ Коллекция керамики из раскопок М. К. Каргера в 1966 и 1970 гг. (хранится в ЛОИА).

¹⁴ Давидан О. И. Гребни Старой Ладogi, с. 95—103; Она же. К вопросу о происхождении и датировке ранних гребенек Старой Ладogi. — АСГЭ, 10, 1968, с. 56—61.

¹⁵ Архив ЛОИА, ф. 35, оп. 1, д. 63 за 1952 г., л. 2 (Г. П. Гроздилов); Давидан О. И. К вопросу о происхождении..., с. 58—60.

¹⁶ Пользуемся случаем поблагодарить З. А. Львову за любезную помощь в определении бус поселения.

¹⁷ Львова З. А. Стекланные бусы Старой Ладogi, с. 90, рис. 4, 45.

¹⁸ Там же, с. 82, 84, рис. 4, 17—21.

¹⁹ Там же, с. 70 и 72.

²⁰ Дирхем определен в Эрмитаже М. Б. Серовой.

²¹ В настоящее время сохранились лишь четыре сопки и то в очень плохом состоянии. В 1929 г. Н. Н. Чернягин зафиксировал пять насыпей (Чернягин Н. Н. Отчет по маршрутной рекогносцировке по реке Волхов в 1929 году. Архив ЛОИА, ф. 2, д. 122 за 1929 г., л. 33—37; Он же. Длинные курганы и сопки. — МИА, № 6, 1941, с. 120, № 351). Столько же сопok названо в сводке В. В. Седова (Седов В. В. Новгородские сопки. — САИ, Е1-8, 1970, с. 44, № 328). Н. И. Репников в 1903 г. отмечал шесть сопok (Репников Н. И. Отчет о поездке на Волхов. Архив ЛОИА, ф. 1, д. 86 за 1903 г., л. 17—21; Поездка Н. И. Репникова в Старую Ладogu. — ЗОРСА, V, 2, 1904, с. 60). На карте Н. Е. Бранденбурга отмечены семь насыпей (Бранденбург Н. Е. Курганы Южного Приладожья. — МАР, № 18, 1895).

²² Чернягин Н. Н. Длинные курганы и сопки, с. 120, № 348—351; Седов В. В. Указ. соч., с. 44, № 325—328.

²³ По каталогу Н. Н. Черягина и В. В. Седова, между сопками в урочище Княжино и у дер. Лопино, тянущимся к Старой Ладoge, на протяжении 9 км вплоть до дер. Новые Дубовики сопok нет. Но к сводкам этих авторов следует добавить две сопки на правом берегу Волхова между деревнями Симанково и Заполек, в 3 км к северу от дер. Новые Дубовики. Эти насыпи показаны на карте Н. Е. Бранденбурга (Бранденбург Н. Е. Указ. соч., карта), в 1903 г. о них писал Н. И. Репников (Архив ЛОИА, ф. 1, д. 86, за 1903 г. и ЗОРСА, V, 2, 1904, с. 60), а в 1929 г. Н. Н. Черягин зафиксировал одну насыпь — сильно разрушенную, но еще достигавшую тогда 3 м высоты (Черягин Н. Н. Отчет по маршрутной рекогносцировке..., л. 32—33).

²⁴ Подъехав к порогам, пишет Адам Олеарий, где «река стрелою мчится вниз с больших камней и между ними», посланники вылезли из ладей и пошли берегом, дожидаясь пока «лодки сотнею людей перетаскивались на канатах». У одной из ладей канат оборвался, и она чуть было не разбилась на камнях, где несколько ранее погибло судно вместе с епископом (Олеарий Адам. Описание путешествия в Московию и через Московию в Персию и обратно. Перев. Л. М. Ловягина. СПб., 1906, с. 20, 21).

²⁵ Бережков М. О торговле Руси с Ганзой до конца XV века. СПб., 1879, с. 152—153; Никитский А. И. История экономического быта Великого Новгорода. М., 1893, с. 144—145.

²⁶ Брим В. А. Путь из варяг в греки. — Известия АН СССР, VII серия, отделение общественных наук, 1931, № 2, с. 22. См. также: Бернштейн-Коган С. В. Путь из варяг в греки. — Вопросы географии, XX, 1950, с. 260.

И. В. ДУБОВ

НОВЫЕ РАСКОПКИ
ТИМЕРЕВСКОГО МОГИЛЬНИКА

На юго-западной окраине современного Ярославля, в 12 км от места впадения Которосли в Волгу находится хорошо известный в литературе Тимеревский курганный могильник¹. Он расположен на верхней террасе правого берега р. Сечка, притока Которосли.

А. И. Кельсиев полагал, что могильник состоит из 200 насыпей². Гораздо больше курганов насчитывали И. А. Тихомиров (более 1 тыс.) и И. С. Абрамов (более полутора тыс.)³. Я. В. Станкевич отметила, что некрополь занимает площадь 4 га, но количество курганов не указала⁴. По данным топографической съемки, проведенной экспедицией ГИМ в 1959 г., могильник состоит из 432 насыпей⁵.

Сейчас трудно установить первоначальное число курганов, но можно думать, что какая-то часть насыпей уничтожена распашкой.

После того как в 1961 г. закончила свои работы экспедиция под руководством М. В. Фехнер, раскопав 282 насыпи, археологическое изучение Тимеревского некрополя считалось полностью завершенным⁶. На территории могильника, правда, остались курганы со следами кладонскательских ям, шурфов и старых несовершенных раскопок. Они и составляют большую часть тех 74 погребальных сооружений, которые отмечают как раскопанные, хотя по ним нет данных⁷. Детальная сводка всех раскопанных в Тимереве курганов дана в публикации итогов раскопок ГИМ⁸.

В 1973 г. Ярославская экспедиция ЛГУ совместно с Ярославским областным отделением Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры и Ярославским государственным педагогическим институтом им. К. Д. Ушинского, стремясь установить возможность и перспективность полевых исследований испорченных насыпей Тимеревского могильника, раскопала курган 95 (по плану М. В. Фехнер), расположенный на южной окраине могильника. Эта насыпь носила следы кладонскательских раскопок — в центре кургана была яма размером 0,6×0,8 м и глубиной 0,4 м. Насыпь из суглинка имела обычную полусферическую форму. Диаметр север—юг 8 м, запад—восток 10 м, высота 1 м, ровик отсутствовал (рис. 1). В верхней части насыпи на одном уровне находились два впускных погребения с костяками, обращенными головами на запад (рис. 1, 1). Оба погребения значительно повреждены кладонскателями.

Погребение 1 (сохранились только фрагменты черепа и несколько костей) располагалось в северо-западном секторе. Похоронен ребенок 2,5—3 лет⁹. Здесь найдены два железных ножа и железный серпообразный предмет с петлей на конце.

Погребение 2 сохранилось гораздо лучше: здесь почти полностью уцелел костяк женщины приблизительно 25 лет. Найден богатый набор погребального инвентаря: бусины круглая из горного хрусталя и призматическая сердоликовая (рис. 2, 31, 32), биконическое пряслице из розового овручского шифера (рис. 2, 34), два височных серебряных кольца с завитками на конце и фрагментом напускной серебряной бусины (рис. 2, 27,

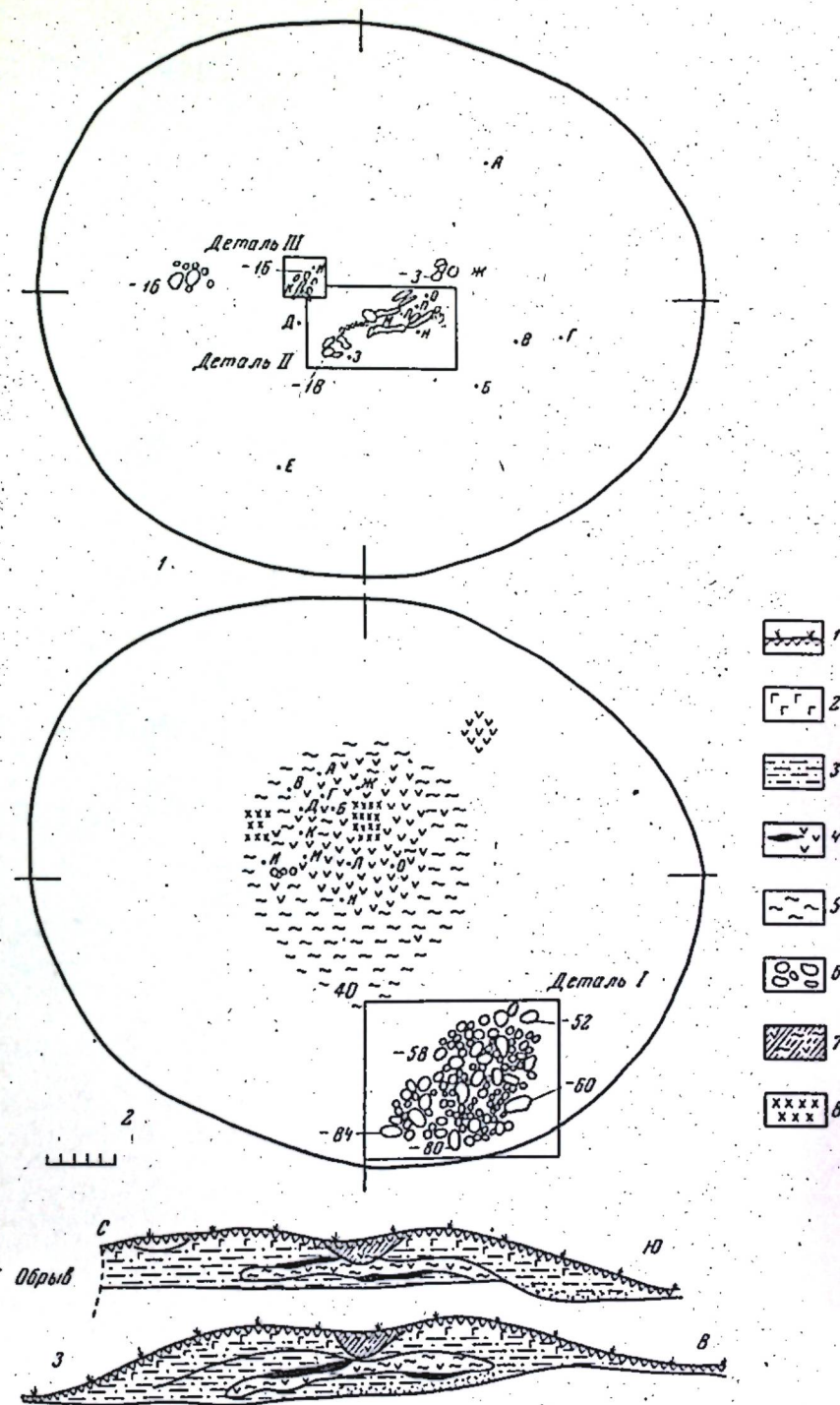

Рис. 1. Тимеревский курганный могильник. Курган 95

1 — горизонт А (уровень впускных труположений): А, Б — оселки, В — бусина горного хрусталя, Г — бусина сердоликовая, Д — железный гвоздь, Е, И — железные ножи, Ж — развал сосуда, З, М — височные кольца, К — железная подделка, Л — шиферное пряслице, Н — гребень, О — поясное кольцо, П — сочные кольца, 2 — горизонт Б (уровень трупосожения): А, Б — кусочки бронзы, В, Г — серебряные бусы, Д, Е — скопление опавшей бронзы, Ж, З — кальцинированные кости и вещи (гребень, бусы, вставки от перстня и т. д.), И — железо, К — скопление бронзы, Л — бусы, М — развал камней, Н — подвеска из клыка медведя, О — бронза, 3 — профили: 1 — дерн, 2 — гумус, 3 — суглинок, 4 — угли, 5 — зола, 6 — камни, 7 — заполнение ямы, 8 — кальцинированные кости

овальную фибулу и т. д. (рис. 2, 21—24). Эту фибулу можно сравнить с экземплярами, выделенными Я. Петерсеном в типы 27, 30 и 31²⁰. Застежка этого типа найдена на территории СССР только в курганном могильнике у дер. Костино (курган 95-II) в Юго-Восточном Приладожье²¹. Ярославский экземпляр характеризуется широким гладким бортиком, ограниченным гладким двойным кантом. Он имеет одну орнаментированную скорлупу. Орнамент линейный — двойные или тройные линии.

На кострище обнаружены также три арабские монеты второй половины VIII в.²² Вполне допустимо, что они попали в погребение в IX в., возможно в его первой половине.

Таким образом, раскопанный курган — самый ранний из всех твердо датированных погребальных комплексов Ярославских могильников: он относится, по-видимому, к первой половине IX в. Стало ясно, что возможности Тимеревского могильника до конца не исчерпаны и могут появиться новые данные, корректирующие устоявшиеся представления об этом важнейшем для славяно-русской и финно-угорской археологии некрополе.

- ¹ Сабанцев Н. П. Описание курганов Мологского уезда. — Труды Ярославского губернского статистического комитета, IV, 1868, с. 93; Тихомиров И. А. Кто насыпал Ярославские курганы, ч. I. — Труды II областного историко-археологического съезда, Тверь, 1903, с. 87—248; ч. II. — Труды III областного историко-археологического съезда, Владимир, 1909, с. 1—98; Станкевич Я. В. К вопросу об этническом составе населения Ярославского Поволжья в IX—X ст. — МИА, № 6, 1941, с. 56—88; Фехнер М. В. Тимеревский могильник. — Ярославское Поволжье X—XI вв. М., 1963, с. 5—19.
- ² Кельсиев А. И. Отчет по раскопкам в Ярославской и Тверской губерниях, произведенным в 1878 году. — Антропологическая выставка 1879 года, т. II. М., 1878—1879, с. 307.
- ³ Архив ЛОИА, ф. 1, д. 82/1900, л. 14; д. 71/1908, л. 6.
- ⁴ Архив ЛОИА, ф. 35, д. 59/1938, л. 22; Станкевич Я. В. К вопросу об этническом составе... с. 60.
- ⁵ Фехнер М. В. Тимеревский могильник, с. 6.
- ⁶ Там же, с. 7.
- ⁷ Там же, с. 6.
- ⁸ Ярославское Поволжье X—XI вв.
- ⁹ Антропологические определения выполнены ассистентом кафедры антропологии и этнографии исторического факультета АГУ Н. Н. Цветковой.
- ¹⁰ Определения костных остатков животных выполнены на кафедре зоологии Биолого-Почвенного факультета АГУ.
- ¹¹ Kivikoski E. Kvarnbacken. Helsinki, 1963, с. 9—62; Nerman B. Die Verbindungen zwischen Scandianawien und dem Ostbaltikum in der Bronzezeit und ältesten Eisenzeit. — Acta archaeologica, IV, 1933, с. 241—245. Подробную библиографию см. в статье Б. Нермана.
- ¹² Arbman H. Schweden und das karolingische Reich. Stockholm, 1937, с. 89, табл. 64; Kivikoski E. Указ. соч., с. 54, табл. 18, 19, 51; Rydh H. Förhistoriska

undersökningen på Adelsö. Stockholm, 1936, с. 17, табл. 59, 60; Arbman H. Birka, 1. Stockholm, 1943, табл. 114, 1, 7, 12; Skovmand. De danske skattefund fra vikingetiden og den Aldste middelalder. — Aarbøger for nordisk Oldkyldighed og historie. København, 1942, с. 25.

- ¹³ Ажурные серебряные проныжки из рубчатой проволоки есть в Гнездовском кладе 1868 г.; одна встречена в культурном слое Белоозера. Они типологически отличаются от биконических бус и, вероятно, изготовлялись в более позднее время. См.: Гущин А. С. Памятники художественного ремесла древней Руси X—XIII вв. М., 1936, с. 56, табл. 3; Голубева Л. А. Вещи и славяне на Белом озере. М., 1973, с. 68.
- ¹⁴ Корзухина Г. Ф. Курган в урочище Плакун близ Ладоги. — КСИА, 125, 1971, с. 63.
- ¹⁵ Там же, стр. 63. Выражаю признательность Г. Ф. Корзухиной за указание на аналогичные украшения из клада в Дании.
- ¹⁶ Львова Э. А. Стекланные бусы Старой Ладоги. — АСГЭ, 10, 1968, с. 76—79.
- ¹⁷ Фехнер М. В. Деревня Северо-Западной и Северо-Восточной Руси X—XIII вв. по археологическим данным. — Труды ГИМ, 43, 1967, с. 280.
- ¹⁸ Arbman H. Birka, табл. 161—166.
- ¹⁹ Определение О. И. Давидан.
- ²⁰ Petersen J. Vikingetidens Smykker. Stavanger, 1928, с. 26, 27, 29—31.
- ²¹ Бранденбург Н. Е. Курганы Южного Приладожья. — МАР, № 18, 1895, с. 122; Делюхина В. С. Древнейшие скандинавские вещи на территории Руси [Рукопись, хранится на кафедре археологии Исторического факультета МГУ]; Она же. Фибулы скандинавского типа. — Труды ГИМ, 43, 1967, с. 195.
- ²² Определение И. Г. Добровольского; 1) дирхем. Халиф Ал-Мансур, город Ал-Мухаммадия, 769 г.; 2) дирхем. Омейяды, VIII в. (вероятно, середина); 3) полурахма. Аббасидские наместники Табаристана. Анонимный чекан, 780—788 гг.

В. В. СЕДОВ

МАЛЬСКИЙ КУРГАННО-ЖАЛЬНИЧНЫЙ МОГИЛЬНИК БЛИЗ ИЗБОРСКА

В окрестностях Изборска — одного из древнейших русских городов — имелось много курганных и жальничных могильников. К настоящему времени значительная часть их разрушена в результате различных сельскохозяйственных или строительных работ, а некоторые подверглись любительским раскопкам. Научным археологическим исследованиям удалось подвергнуть только очень немногие могильники. Среди них Мальский могильник представляет наибольший интерес.

Могильник расположен в 4 км к северу от с. Старый Изборск, где находится так называемое Труворово городище — детинец летописного Изборска. Ближайшая к могильнику деревня — Малы — отстоит от него на 0,5 км к востоку. Могильник был основан в верховьях ныне пересохшего ручья, впадавшего в Мальское озеро. В конце XIX в. он занимал площадь 500×170 м и состоял из многочисленных курганных насыпей и жальничных могил.

Первые раскопки Мальского могильника относятся к концу прошлого столетия. В 1898—1899 гг. член Псковского археологического общества А. А. Забаровский раскопал здесь 15 курганных и жальничных могил, в которых открыты остатки труположений с немногими вещами XI—XII вв. (одно-двухбусинные височные кольца, витой браслет, толстопроволочный перстень, железные ножи, кресало, гвозди). В одном случае зафиксировано сидячее захоронение, в другом — частичное сожжение (череп умершего оказался «обугленным») ¹.

В 1912 г. раскопки могильника по поручению Московского археологического общества производил И. К. Линдеман. Отчетной информации об этих работах не сохранилось. В ГИМ имеются вещи из этих раскопок — перстнеобразные височные кольца, монетовидные привески с изображениями святых, подковообразная застежка, пластинчатый браслет, пряжка, поясные кольца, железные ножи и оселок ². Тогда же И. К. Линдеман нашел меч с бронзовым трехчастным навершием, относящийся к XII в. ³ Иногда эту находку связывают с Мальским могильником ⁴. Однако меч был обнаружен, по-видимому, на Словенском поле в Изборске.

В 20-е годы исследованием Мальского могильника занимался Тартуский университет. В 1921 г. два кургана были раскопаны под руководством А. М. Тальгрена, еще один курган и жальничное захоронение исследованы Ш. Лиенау-Линно ⁵. В 1924 г. исследования были продолжены Б. Нерманом. Он раскопал 13 курганных и жальничных могил ⁶.

В 1953 г. пять жальничных и курганных погребений оставались нераскопанными всего десять курганов и две жальничные могилы. Их раскопки в 1972 и 1973 гг. завершили исследования этого памятника.

Всего, таким образом, раскопано свыше 50 курганов и жальничных. Первоначально же могильник состоял из сотен погребений. В 1921 г.

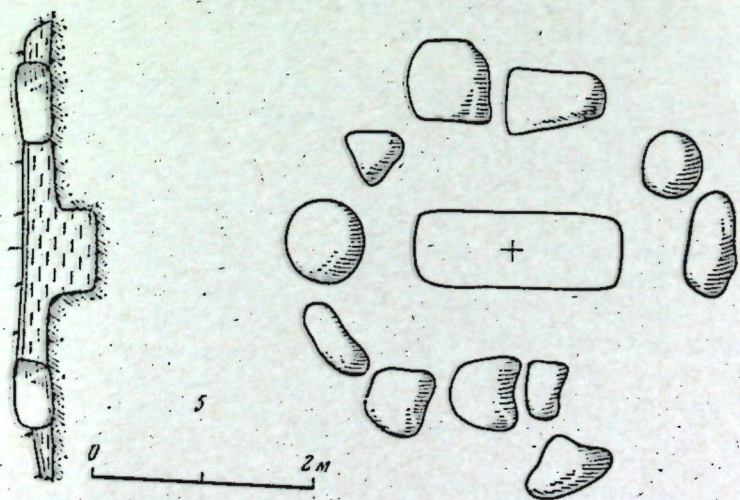
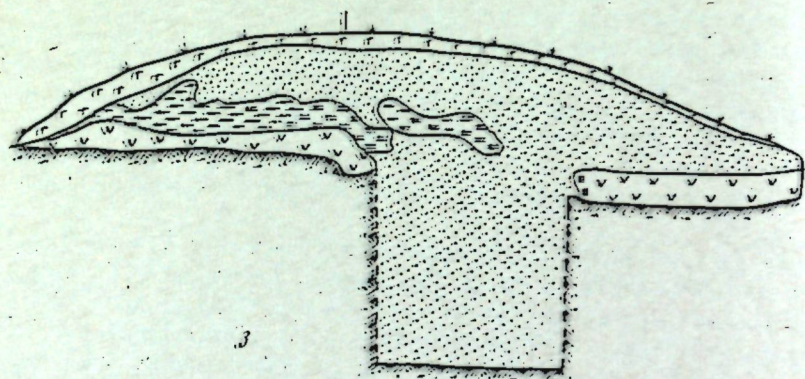
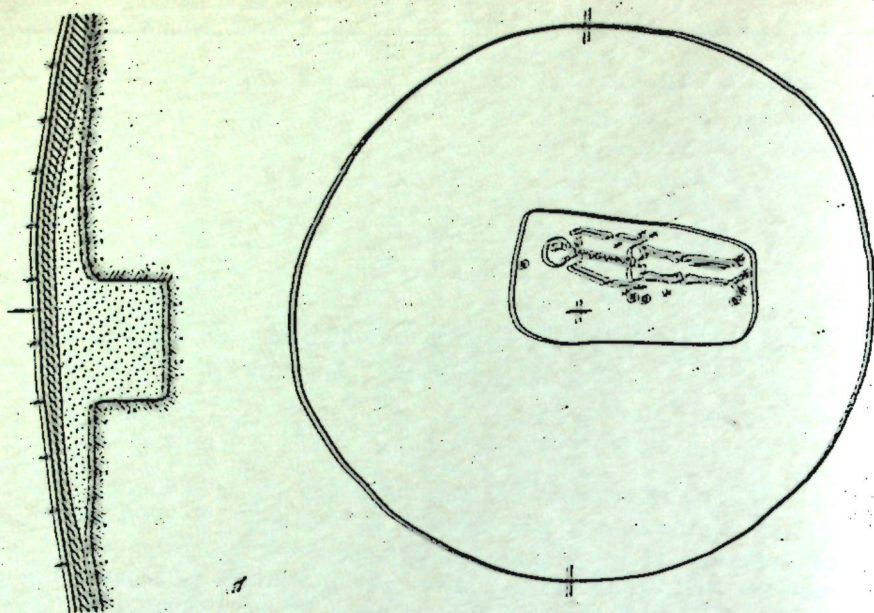
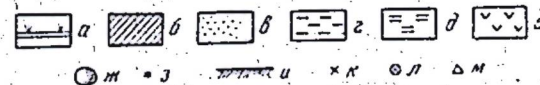
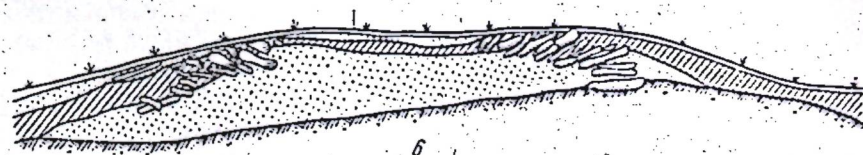
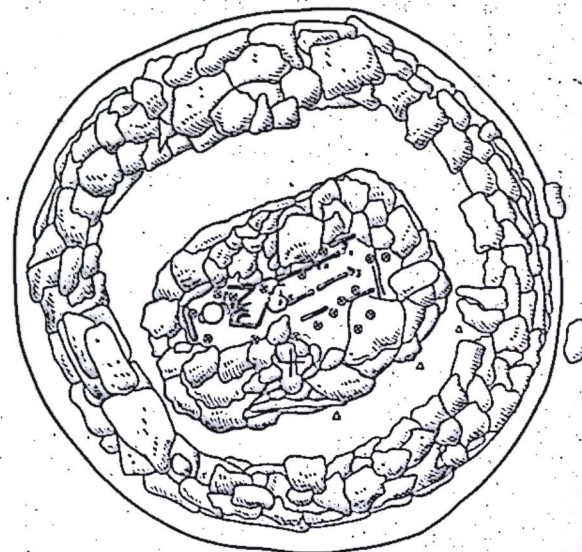
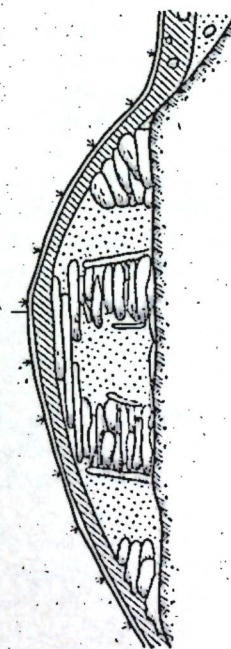
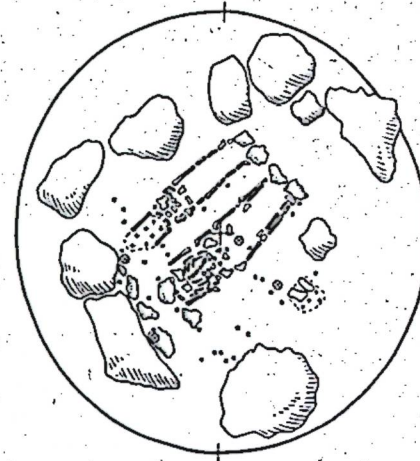

Рис. 1. Планы и разрезы курганов

1 — курган 9; 2 — курган 4; 3 — курган 1; 4 — курган 3; 5 — захоронение 1; 6 — курган 6

а — дерновый слой; б — серый слой; в — песок; г — глина; д — обожженная глина; е — вола; ж — камень;

з — кальцинированные кости; и — материк; к — вещевые находки; л — железные гвозди; м — обломки глинной посуды

А. М. Тальгрэн насчитал здесь около 200 курганных насыпей и жалыничных могил.

Погребальные сооружения Мальского могильника по конструктивным особенностям дифференцируются на три группы — курганные насыпи, сложенные из песка; курганы с каменными конструкциями; жалыничные захоронения.

Песчаные насыпи составляли основную часть курганов и занимали срединную часть могильника. Из раскопанных в 1972 и 1973 гг. к ним принадлежали курганы 1, 9 и 10.

Курган 1 имел высоту 1,2 м и диаметр основания 12 м. Насыпь сложена из светло-желтого песка с включениями глины, в отдельных местах обожженной. На материке по всему основанию кургана прослежена зольная прослойка толщиной от 15 до 30 см (рис. 1, 3).

Могильная яма размерами 2,4×1,8 м прорезала зольную прослойку и углублялась в материк на 1,5—1,7 м. На дне около южной стенки расчищены остатки скелета. Умерший был погребен на спине головой к западу.

Около шейных позвонков найдена биллоновая подковообразная застежка. Сечение ее ромбическое, концы уплощенные, спирально завернутые (рис. 2, 2). Аналогичные застежки нередко встречаются в древнерусских курганах Северо-Запада, а также среди древностей Скандинавии, Финляндии и Прибалтики. В русских материалах они датируются XI—XII вв.⁸ В зависимости от характера дуги эти застежки делятся на два варианта. Мальская находка имеет дугу одинаковой толщины на всем ее протяжении и принадлежит к первому варианту, относящемуся к X—XI вв.⁹

В области левого плеча обнаружены остатки кожаной сумки, в которой находились бронзовые поясные принадлежности и серебряный пластинчатый широкосрединный перстень с завязанными концами. Поясной набор составляли пряжка, кольцо, наконечники и бляшки с рельефным узором — 16 ромбических и 3 миндалевидные (рис. 2, 1). По характеру орнамента бляшки могут быть отнесены к вещам восточного происхождения. Подобные ромбовидные бляшки имеются в коллекции вещей из курганных раскопок Л. К. Ивановского на Ижорском плато¹⁰.

На левой ключице погребенного лежал железный нож, а около правого плеча был поставлен глиняный гончарный сосуд. Все его тулово покрыто линейным орнаментом, а на плечике — пояс, образованный косыми насечками (рис. 2, 8).

В верхней части насыпи открыта неглубокая яма, обозначенная сверху камнями. В ее заполнении найдена монета герцога Баварии Генриха II (985—995 гг.), чеканенная в Регенсбурге (рис. 2, 5; определена В. М. Потины).

Курган 9 имел высоту 0,4 м и диаметры основания 5 и 5,2 м (рис. 1, 1). Насыпь сложена из желтого песка. Размеры могильной ямы, вырытой в материке, 2,1×1 м, глубина 0,7 м. На дне ее открыт скелет мужчины в возрасте около 30 лет. Умерший погребен на спине, головой к западу. Прослежены остатки деревянного гроба и найдены железные гвозди от него.

При скелете обнаружены бронзовая лировидная пряжка с остатками кожаного пояса, железный нож со следами деревянной рукоятки (около кисти левой руки) и железный черешковый листовидный наконечник стрелы (близ правого бедра).

Курган 10 имел высоту 0,8 м и диаметры основания 3,7 и 3,9 м. Насыпь состояла из желтого песка, а внизу — из красноватого крупнозернистого. В верхней части кургана обнаружен глиняный горшок, стоящий дном вниз. Тулово его было украшено линейно-волнистым орнаментом (рис. 2, 7).

Могильная яма размерами 2×0,8 м углублена в материк на 0,2 м. На дне ее открыт скелет женщины. Умершая погребена на спине, головой

к юго-западу — западу и обставлена досками. Правая нога полусогнута. В области правой ключицы найдено пять синих стеклянных бус. Две из них были зонными, две — ребристыми и одна — тройная пронизка.

Синие зонные бусы широко распространены на территории древней Руси, в частности в новгородских курганах и в Новгороде¹¹. Бусы из кургана 10 принадлежат ко второму варианту синих зонных бус (по классификации Ю. А. Шаповой) и, следовательно, датируются XII—XIII вв. Ребристые бусы из синего стекла также широко известны и в курганных и в городских материалах Северной Руси¹². Их датируют XI—XIII вв. Синяя многочастная пронизка по сравнению с другими бусами из мальского кургана 10 более ранняя. В новгородских материалах подобные бусы датируются X—XI вв.¹³ Такой дате не противоречат и находки этих бусин в древнерусских курганах¹⁴.

Таким образом, время захоронения в кургане 10 определяется концом XI — началом XII в.

Песчаными курганами были и две насыпи, раскопанные А. М. Тальгреном, насыпи 7, 9, 12 и 13, исследованные Б. Нерманом, и, по всей вероятности, насыпь 3, раскопанная Г. П. Гроздиловым. Все они заключали захоронения по обряду ингумации, помещенные в грунтовых ямах глубиной от 0,2 до 1,2 м. Ориентировка умерших западная. Курган 2, исследованный А. М. Тальгреном, был обложен в основании кольцом из валунов. При сооружении других насыпей камень не применялся.

В погребениях этих курганов найдены перстнеобразные височные кольца с завитком на одном из концов, стеклянные бусы, в том числе позолоченные цилиндрической и бочонкообразной форм, лунница, бронзовые подковообразные застежки со спирально завернутыми концами, ложновитой браслет с завязанными концами, широкосрединный завязанный и проволоочный перстни, железные ножи и горшки. Из кургана 12 (раскопки Б. Нермана) происходят еще калачевидное кресало и втульчатое копье с пером ромбической формы. Подобные вещи известны по материалам из Владимирских курганов, Старой Рязани и среди муро-мордовских древностей и датируются IX—XI вв.¹⁵

Для хронологии Мальских песчаных курганов большое значение имеют находки монет. В кургане 2 (раскопки А. М. Тальгрена) обнаружены две серебряные монеты: одна германского императора Оттона III и Адельгейды (990—1000 гг.), другая — англосаксонская Этельреда II (979—1016 гг.). Монета Оттона III и Адельгейды вместе с арабским дирхемом последней четверти X в. найдена также в погребении кургана 12 (раскопки Б. Нермана).

На основе вещевых и монетных находок рассматриваемую группу Мальских курганов нужно датировать XI—XII вв.

В срединной части могильника в 1973 г. раскопаны также песчаные курганы (2, 5, 6 и 7), склоны которых были выложены камнями и плитами.

Курган 2 имел высоту 0,9 м и диаметры оснований 7 и 8,4 м. Сооружен из желтого и красноватого песка, склоны выложены рваными камнями и плитами различных размеров, уплощенная вершина свободна от камней. В основании насыпи залегала серая прослойка толщиной 10—25 см, содержащая много золы и угольки. Могильная яма размерами 3,2×1,5 м прорезала эту прослойку и углублялась в материк на 0,7 м.

На дне ямы открыт скелет мужчины, погребенного на спине, головой к западу. При нем найдены калачевидное кресало (левое бедро) и железный нож (правая рука).

Курганы 5, 6 и 7 имели аналогичное строение. В курганах 5 (на материке) и 6 (в грунтовой яме) открыты остатки потревоженных безынвентарных захоронений, а в могильной яме кургана 7 следов захоронения не оказалось.

Более сложное строение имели курганы 3 и 8, исследованные в 1973 г.

Курган 3 имел высоту 1,15 м и диаметр основания 5,2 м (рис. 1, 4). Насыпь была задернована и по внешнему облику не выделялась среди прочих. После снятия дерна оказалось, что края были сложены из плоских камней и плит. Плиты выложены насухо в четыре-пять ярусов. Ширина кольцеобразной кладки от 0,5 до 0,9 м, высота 0,4—0,6 м. Внутренняя сторона кладки почти отвесна, внешняя наклонна под углом 45—60°. Внешний диаметр ее 4,5—5 м.

Внутри кладки насыпь сложена из желтого песка. В центре на материке из камня устроен ящик-саркофаг размерами 2,8 × 1,9 м и высотой 0,9 м. Он ориентирован по оси юго-запад—запад—северо-восток—восток. Стенки саркофага сделаны из плитняковых камней, положенных в семь-девять ярусов. Ширина их 0,5—0,7 м. Дно и покрытие саркофага устроено из более крупных плит рваных очертаний. Размеры внутренней части погребального ящика 1,8 × 0,7 м, высота 0,7 м (рис. 3, 1).

На дне ящика расчищен скелет. Умерший погребен на спине головой к юго-западу—западу, по-видимому, в гробу (вокруг скелета обнаружено 17 железных гвоздей). Череп на лбу пробит чеканом.

Около левой плечевой кости найден железный нож, на шейных позвонках — стеклянная позолоченная биконическая бусина. Вторая такая же бусина лежала около бедренной кости правой ноги. Она, как и перечисленные ниже находки, и мелкие кости скелета, перемещена кротами и землеройками. Около костей ног погребенного найдены серебряные височное колечко с тремя ажурными бусами, височное колечко с зерненой бусиной и самаркандский дирхем, чеканенный, по определению Г. А. Федорова-Давыдова, в 818/819 г. при халифе Мамуне (рис. 2, 3, 4, 6).

Стеклянные позолоченные бусы по многим курганным материалам датируются периодом от конца X до начала XII в.¹⁶ Аналогичные бусинные височные кольца встречаются на памятниках, датируемых X—XII вв.¹⁷ Следовательно, рассматриваемый мальский курган нужно отнести скорее всего к XI столетию. Монетная находка не противоречит этой дате — случаи длительного употребления монет не раз отмечались исследователями.

Курган 8 имел аналогичное строение (рис. 3, 2). В его саркофаге, сложенном также из плитнякового камня, открыто безынвентарное захоронение. Кольцевая обкладка в этом кургане имела с юго-восточной стороны пристройку — наклонный вход, использовавшийся, нужно полагать, в момент погребения.

С северо-западной стороны к кургану примыкало воронкообразное углубление — ровик (размерами 2 × 0,9 м), на дне которого раскопками открыты остатки ритуального костра, зажженного, видимо, при погребении умершего.

Курганы с трупоположениями в каменных ящиках встречены также при раскопках А. А. Заборовского, Ш. Аленау-Линно и Г. П. Гроздилова. Обычно погребальные ящики сооружали на материке, но в курганах 3 и 5, исследованных Г. П. Гроздиловым, они были опущены в неглубокие ямы. Вещевой материал в таких погребениях или отсутствует или состоит из немногих предметов древнерусских типов. В кургане 3 Г. П. Гроздилов нашел две стеклянные бусины и железные гвозди, в кургане 5 — бронзовое лировидную пряжку и поясное кольцо, железные калачевидное кресало и гвозди. Кресало имеет с внутренней стороны язычок и, следовательно, принадлежит к раннему варианту, датируемому по новгородским материалам X—XI вв.¹⁸

Большинство курганов с захоронениями в каменных ящиках расположено в западной части могильника. Здесь же в 1973 г. исследован курган 4, имевший своеобразное устройство (рис. 1, 2).

Он сооружен из серой супеси, высота насыпи 0,4 м, диаметр основания 4 м. Курган был обставлен крупными валунами. В основании насыпи расчищены два одновременных захоронения. Умершие были положены го-

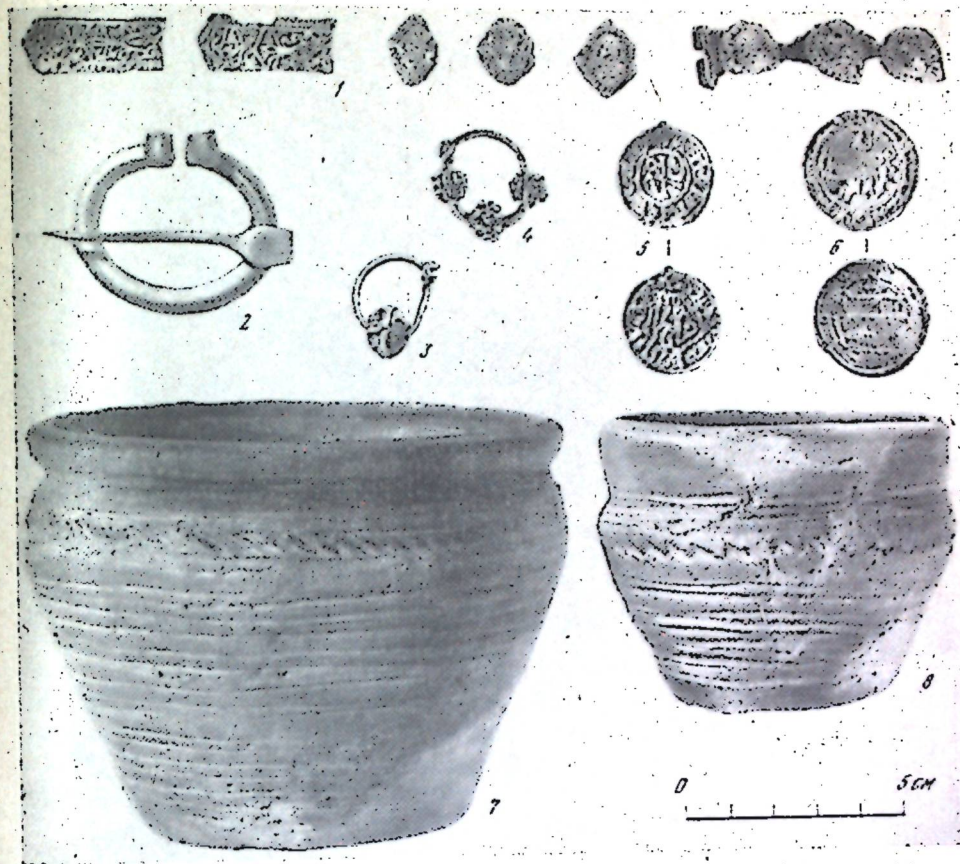

Рис. 2. Вещевые находки

1, 2, 5, 8 — из кургана 1; 3, 4, 6 — из кургана 3; 7 — из кургана 10

ловами на северо-запад на вымостку из каменных плит, а со стороны головы и ног обставлены небольшими камнями.

Верхняя часть одного из захороненных оказалась сожженной. Вместо черепа, плечевых и шейных костей обнаружено скопление кальцинированных косточек. Остальные кости скелета лежали в анатомическом порядке. Слева у пояса найден железный нож. Очевидно, кремация верхней части покойника была совершена на стороне, после чего его поместили в курган. Небольшая кучка кальцинированных костей обнаружена еще в восточной части курганного основания. Второе трупоположение не носило следов кремации. При скелете найден только железный гвоздь.

Восточную часть Мальского могильника составляли жальничные могилы. На поверхности все они имели кольцо диаметром от 2,3 до 4,6 м, сложенное из валунов (рис. 1, 5). Могилы располагались плотно друг с другом. Общее число их превышало 100.

Трупоположения в жальниках находились в грунтовых ямах глубиной от 0,2 до 0,95 м. В заполнениях ям иногда встречались обломки глиняной посуды. Ориентировка погребенных западная. При некоторых скелетах обнаружены железные гвозди.

В большинстве жальничных захоронения безынвентарные. Украшения встречены только в трех могилах. В жальнике 5, исследованном Б. Нерманом, найдены бронзовое височное колечко с двумя зернеными бусинами, серебряная лунница, три бусины (цилиндрическая из светло-зеленого стекла, шарообразные — стеклянная позолоченная и янтарная) и железный нож. В жальнике 4, раскопанном тем же исследователем, обнаружен брон-

Рис. 3. Внутрикурганные каменные конструкции
1 — курган 3; 2 — курган 8

зовый витой перстень. В жальнике 2 (раскопки Г. П. Гроздилова) найдены две пастовые бусины, щитковый перстень из свинца, розеткообразная бляшка и бронзовый пластинчатый браслет. Эти находки определяют время захоронений в жальниках XI—XIII вв.

Особняком стоит погребение 11, исследованное в 1924 г. Оно было обозначено на поверхности вымосткой (размерами 2,05×1,2 м) из шести крупных плит. Под ней на глубине 1 м открыт скелет, обращенный головой на юго-запад—запад. Погребение безынвентарное.

Разнообразное строение погребальных сооружений Мальского могильника свидетельствует о сложном многоплеменном составе населения Изборска и его окрестностей в X—XII вв. Песчаные курганы, нужно полагать, принадлежали местным кривичам. Кривичи псковские, в отличие от смоленско-полоцких, не имели этноопределяющих височных украшений. Их курганы характеризуются подошвенной угольно-зольной прослойкой. Такая зафиксирована, правда, только в кургане 1, исследованном в 1972 г.

Жальники Мальского могильника бесспорно нельзя рассматривать как результат эволюции местных курганов. Последние в значительной степени

одновременны жальникам и не имели в основании кольцевой обкладки из валунов. Жальничные могилы, как показали еще А. А. Спицын и Н. И. Репников, являются погребальными памятниками новгородских словен¹⁹.

Курганы с каменными ящиками Мальского могильника не имеют аналогий среди восточнославянских погребальных памятников. Труположения в сложенных из плитняка ящиках встречаются в каменных могильниках материковой Эстонии, относящихся к началу II тысячелетия н. э. Мальские ящичные захоронения, по-видимому, генетически связаны с ними. Сложенная из плитняковых камней обкладка этих курганов также восходит к эстским каменным могильникам I и начала II тысячелетия н. э. Нужно полагать, что мальские курганы с каменными конструкциями оставлены местным прибалтийскофинским населением — предками сету. Славянские вещевой материал и ориентировка погребенных в них говорят о воздействии на это население древнерусской культуры.

- ¹ «Псковские губернские ведомости», 1899, № 27; 1900, № 1 и 3; Окулич-Казарин Н. Ф. Материалы для археологической карты Псковской губернии. — Труды Псковского археологического общества, 10, 1914, с. 241, 242.
- ² ГИМ, археологический отдел, № 41/12а.
- ³ Крейтон В. Н. Археологические разведки и раскопки в Псковской губ. в течение лета 1912 г. — Труды Псковского археологического общества, 9, 1913, с. 2, 3; Tallgren A. M. Zur Archäologie Estis, II. Dorpat, 1925, с. 121, табл. XI.
- ⁴ Кирпичников А. Н. Древнерусское оружие. Мечи и сабли IX—XIII вв. — САИ, Е1-36, 1966, с. 54, табл. XXIV, 1.
- ⁵ Tallgren A. M. Archäologische Forschungen in Eesti im Jahr 1921. — Sitzungsberichte der Gelehrten Estnischen Gesellschaft, 1921. Dorpat, 1922, с. 67, 68; Он же. Zur Archäologie Estis, II, с. 53—55.
- ⁶ Nerman B. Archäologische Untersuchungen bei Izborsk. — Sitzungsberichte der Gelehrten Estnischen Gesellschaft, 1924. Dorpat, 1926, с. 44—74.
- ⁷ Гроздилов Г. П. Археологические памятники Старого Изборска. — АСГЭ, 7, 1965, с. 74—77.
- ⁸ Спицын А. А. Гдовские курганы в раскопках В. Н. Глазова. — МАР, № 29, 1903, с. 29, табл. XXII, 3.
- ⁹ Мальм В. А. Подковообразные и кольцевидные застежки-фибулы. — Труды ГИМ, 43, 1967, с. 156.

- ¹⁰ Спицын А. А. Курганы С.-Петербургской губернии в раскопках Л. К. Ивановского. — МАР, № 20, 1896, табл. XVI, 1, 4.
- ¹¹ Шапова Ю. Л. Стекланные бусы древнего Новгорода. — МИА, № 55, 1956, с. 166, 167.
- ¹² Спицын А. А. Гдовские курганы. ... с. 22, табл. XXII, 62, 67; Шапова Ю. Л. Стекланные бусы древнего Новгорода, с. 175.
- ¹³ Шапова Ю. Л. Стекланные бусы древнего Новгорода, с. 173—175.
- ¹⁴ Спицын А. А. Гдовские курганы. ... с. 22; Фехнер М. В. К вопросу об экономических связях древнерусской деревни. — Труды ГИМ, 33, 1959, с. 168—172.
- ¹⁵ Кирпичников А. Н. Древнерусское оружие. Копья, сулицы, боевые топоры, булавы, кистени IX—XIII вв. — САИ, Е1-36, 1966, с. 12. В сводке копий этого типа (с. 70—73) мальская находка отсутствует.
- ¹⁶ Фехнер М. В. К вопросу об экономических связях. ... с. 156—168 и приложение 3.
- ¹⁷ Левашова В. П. Височные кольца. — Труды ГИМ, 43, 1967, приложение 1.
- ¹⁸ Колчин Б. А. Железообрабатывающее ремесло Новгорода Великого. — МИА, № 65, 1959, с. 99, 100.
- ¹⁹ Спицын А. А. Сопки и жальники. — ЗРАО, XI, 1-2, 1899, с. 142—155; Репников Н. И. Жальники Новгородской земли. — Известия ГАИМК, IX, 5, 1931.

В. А. НАЗАРЕНКО

РАСКОПКИ КУРГАНОВ НА ТИХВИНКЕ

Осенью 1972 г. Приладожским курганным отрядом ЛОИА проведены разведки и раскопки курганов по берегам рек Сясь и Тихвинка. На участке протяженностью свыше 150 км зафиксированы остатки 35 курганных групп. С сожалением приходится отметить постоянное разрушение курганов в обследованном районе. На берегах Сяси, особенно в среднем ее течении, между деревнями Чимирино и Городище, погребальные насыпи уничтожены почти полностью.

Между тем бассейн Сяси и Тихвинки — место стыка ареалов культуры приладожских курганов и сопок. В результате раскопок Д. Европеуса, Н. И. Репникова, А. И. Колмогорова, В. И. Равдоникаса, а в последние годы И. П. Крупейченко собран значительный, хотя и весьма неравноценный в научном отношении, археологический материал¹. Имеющиеся данные позволяют предположить связь этих памятников². Однако разрушение курганов делает реальной опасность их исчезновения. Это, а равным образом и вполне понятное стремление выяснить строение и ритуал погребальных сооружений, побудило нас произвести раскопки нескольких курганов.

На правом берегу Тихвинки, недалеко от места ее впадения в Сясь, наше внимание привлекли насыпи, находящиеся на опушке леса, к югу от дер. Овино. Выбранная курганная группа по расположению и построению, по форме и размерам составляющих ее курганов может быть признана наиболее характерной для обследованного района. Она расположена на небольшом всхолмлении и состоит из 13 тесно стоящих полусферических насыпей. Размеры курганов характеризует высота, несколько большая по сравнению с диаметром основания, чем обычно для более северных районов Приладожья. Другой особенностью курганов у дер. Овино следует признать глубокие рвы вокруг основания насыпей. Правда, этот элемент архитектуры погребального сооружения, возможно, не имеет самостоятельного значения и теснейшим образом связан с принципом построения курганной группы, т. е. ее скученностью. В заключение общей характеристики курганов у дер. Овино следует отметить, что все они имеют более или менее выраженные следы грабительских раскопок.

В 1972 г. исследованы самая маленькая насыпь группы (курган 6) и насыпь средних размеров (курган 12).

Курган 6 имел в диаметре 8 м, в высоту 1,2 м (рис. 1). Основание насыпи зафиксировано на глубине 1 м. В северо-восточной части на поверхности кургана — следы старой заплывшей ямы. Насыпь содержала остатки кремации мужчины и женщины, произведенной в стороне от места захоронения. В 1,5 м к юго-востоку—востоку от центра — слой сожженных костей, с южной стороны которых лежал железный втульчатый топор (рис. 2, 2). Сожженные кости как бы покрывали склон некоей первоначальной насыпи, так как ближний к центру кургана край погребения имел отметку — 0,4 м, а дальний — 0,6 м. Среди костей найдена когтевая фаланга медведя. Северный край захоронения срезан ямой, в заполнении

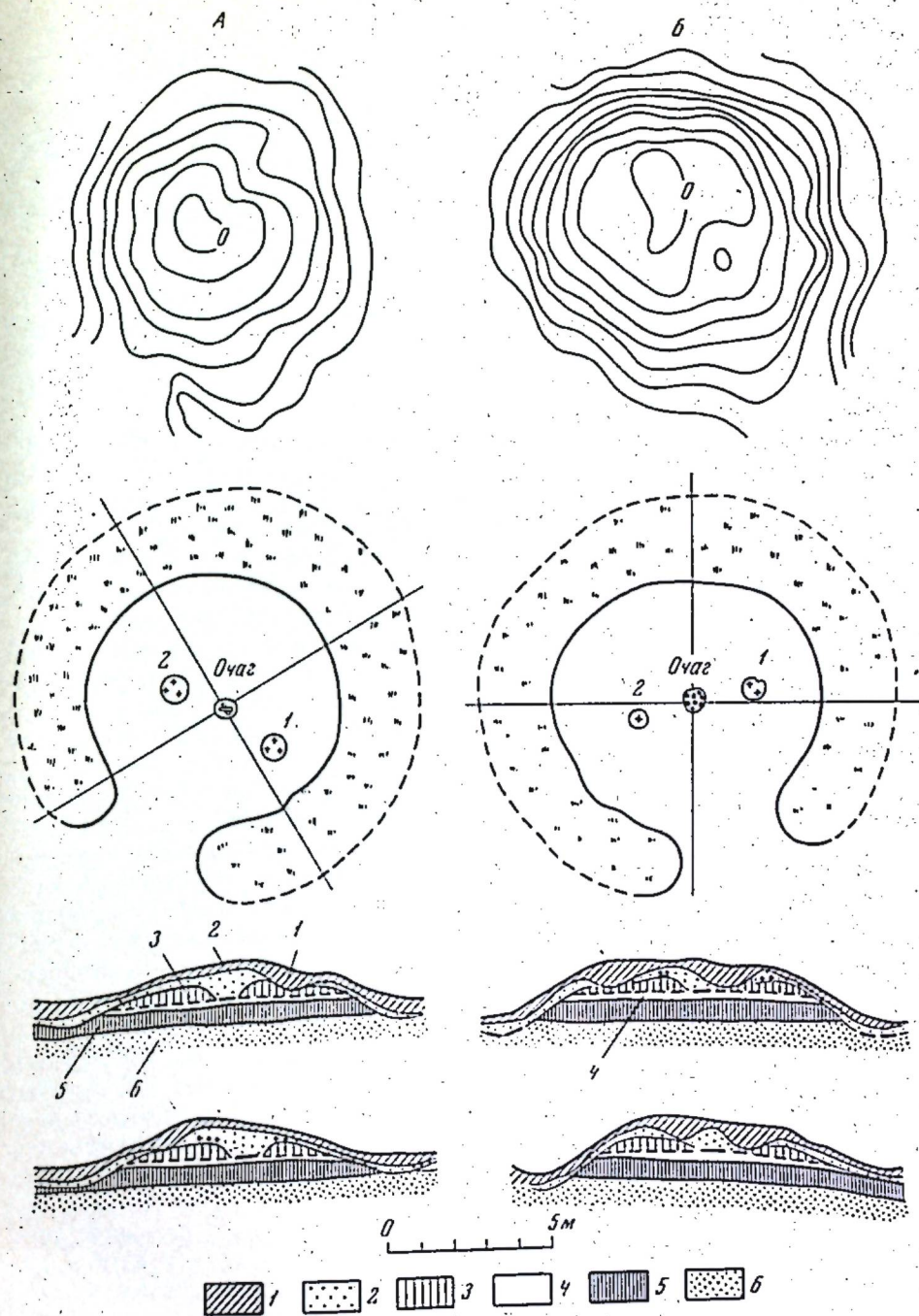

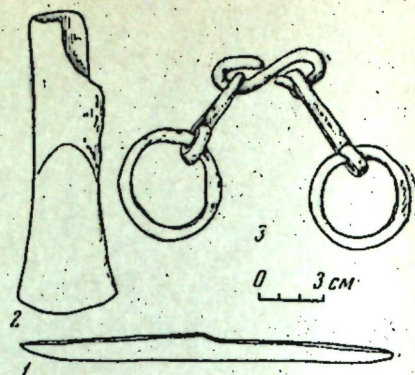
Рис. 1. Планы и разрезы курганов 6 (А) и 12 (Б) у дер. Овино

1 — дерн, гумусированный песок; 2 — серо-желтый песок; 3 — желтовато-красный песок с включениями подвала; 4 — беловатый слой подвала; 5 — желтовато-красный материковый песок; 6 — серо-желтый материковый песок

которой обнаружены кальцинированные кости и железный нож с длинным черенком (рис. 2, 1). В 1,5 м к северо-западу—западу от центра на глубине 0,4 м — другой слой сожженных костей, среди которых обломок бронзовой спиральки и несколько очень мелких синих и желтых бус.

В центре на основании насыпи обнаружены очаг из углей и двух лежащих крест-накрест обгорелых плах. Почва под очагом прокалена. Основанием кургану служил довольно мощный (до 0,15—0,20 м) беловатый слой,

Рис. 2. Вещи из курганов у дер. Овино
1 — нож (курган 6, погребение 1); 2 — птульчатый топор (курган 6, погребение 1); 3 — удила (курган 12, погребение 1)

отсутствующий за пределами насыпи, — подзол местных почв. На нем местами встречены пятна мелких угольков. Беловатый слой подзола подстилал материковый плотный песок желтовато-красного цвета. Мощность его достигала 0,5 м. Ниже зафиксирован серо-желтый песок.

Основание насыпи окружал ров шириной более 2 м и глубиной до 0,7 м. На дне рва отмечены небольшие скопления мелких угольков. С южной стороны кургана ров имел перемышку, сохранившую, как и основание насыпи, слой подзола. Курган насыпан из песка. В нижних его частях преобладал желтовато-красный песок со значительными вкраплениями беловатой подзолистой почвы. Выше уровня погребений в центре кургана под очагом насыпь состояла из чистого серо-желтого песка, лишенного включений подзола.

Курган 12 имел в диаметре 10 м, в высоту 1,8 м (рис. 1). Основание насыпи зафиксировано на глубине 0,95 м. В юго-восточной и западной частях курганной насыпи — следы заплывших ям. Курган содержал два погребения: мужчины с конем и женщины. Сожжения произведены на стороне. В 1,8 м к востоку от центра на глубине 0,5 м — остатки большого слоя сожженных костей человека и лошади. Среди костей найдены железные трехчленные удила (рис. 2, 3). Южная половина захоронения срезана ямой. В 1,7 м к западу от центра — остатки полностью разрушенного женского захоронения.

В заполнении ямы среди перемешанных с песком насыпи сожженных костей собраны бусы: пастовые желтые и белые глазчатые; стеклянные синие крупные округлые и ребристые; сердоликовые цилиндрическая и призматическая восьмигранная; две желтые небольшие бусины-«лимонки»; синяя тройная стеклянная пронизка; несколько кусков сплавившихся бус. Здесь же было плечико лепного сосуда.

В центре основания насыпи обнаружен очаг из углей на подсыпке гравия со следами прокаленной почвы под ним. Насыпь, как и в кургане 6, подстилал слой подзола, на котором местами отмечены пятна мелких угольков. Основание кургана окружал ров шириной до 2,5 м и глубиной до 1 м. С южной стороны насыпи ров имел перемышку шириной около 3 м. На дне рва — пятна мелких угольков и золы.

Обнаруженный в захоронениях погребальный инвентарь позволяет датировать раскопанные курганы второй половиной X столетия³.

Анализ стратиграфии насыпей, а также ряд наблюдений, сделанных в процессе раскопок, позволяют предпринять попытку реконструкции ритуала (рис. 3).

Место, выбранное для захоронения, очищали огнем от мелкой растительности. О выжигании основания будущей погребальной насыпи свидетельствуют пятна мелких угольков на беловатом слое подзола. В центре подготовленной подобным образом площадки устраивали небольшой очаг-костер, выстилал место для него в некоторых случаях гравием. Следующим:

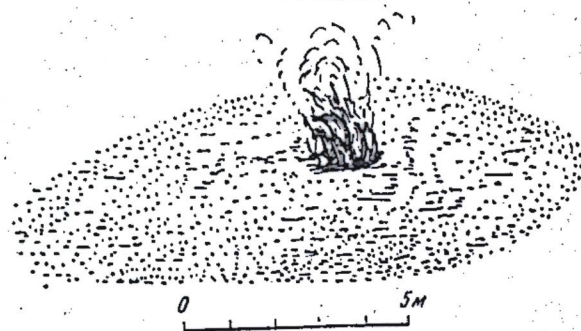
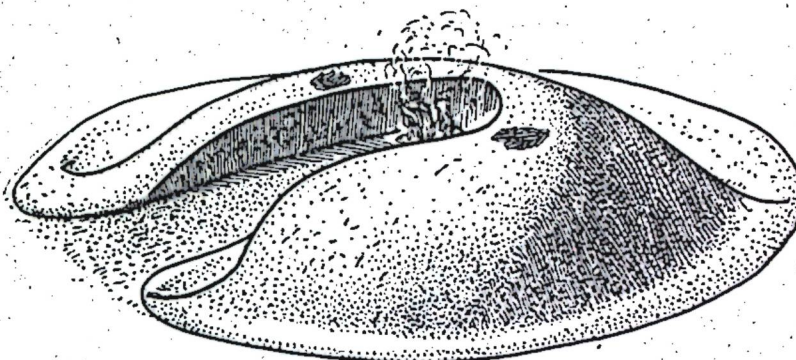
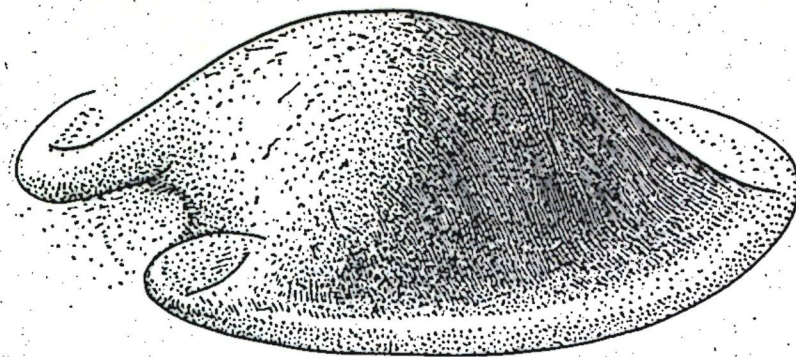

Рис. 3. Реконструкция погребального ритуала у дер. Овино

этапом было возведение первоначальной насыпи, на поверхности которой к востоку от очага помещали остатки кремации мужчины, а к западу — женщины. Сожжение производили в стороне от места сооружения кургана. В процессе возведения первоначальной насыпи слой подзола вокруг ее основания был уничтожен и оказался в нижних частях кургана вперемешку с желтовато-красным песком.

Высота первоначальной насыпи достигала 0,4—0,5 м. Границы ее очерчиваются включениями подзолистой почвы, а высота определяется уровнем залегания погребений. При сооружении насыпи вплоть до момента совершения захоронения в центре ее основания продолжал, по-видимому, гореть костер. Этим может быть объяснено то, что насыпь над очагом, так же как и в верхних частях над погребениями, состояла из чистого, лишенного вкраплений подзола, желто-серого песка. Об этом же свидетельствует и находка в кургане 6 нескольких кальцинированных косточек из мужского погребения, лежащих чуть выше и восточнее очага, как бы на склоне первоначальной насыпи, обращенном к центру кургана.

Сопоставление местонахождения очага и размещения захоронений с направлением перемышки рва, окружавшего курган, позволяет предположить не совсем обычную, подковообразную форму первоначальной насыпи. По

перемычке к центру кургана имелся проход, использовавшийся для поддержания огня и для размещения остатков сожжения. После совершения захоронения курган возводили до высоты, близкой к зафиксированной нами перед раскопками. Никаких данных, позволяющих предположить разновременность открытых погребений, не выявлено. Присутствие пятен мелких угольков на дне рва — возможно, следы разжигания огня вокруг кургана после его окончательного сооружения, однако ясно выраженной прокаленности почвы под углями нет.

Погребальный обряд, изученный в результате раскопок курганов у дер. Овино, характеризуется сочетанием следующих признаков: очаг в центре основания кургана, кремация умерших в стороне от места сооружения погребальной насыпи, помещение остатков сожжения в насыпи на одном уровне, расположение мужских захоронений к востоку, а женских — к западу от очага. Среди приладожских курганов можно выделить группу насыпей, обряд которых представляет собой устойчивое сочетание тех же элементов. По-видимому, погребальный ритуал этой группы курганов должен быть близок реконструированному нами.

¹ Salonen H. Gräberfunde aus dem Ladogagebiet — ESA, IV, 1929, с. 240—246; Репникова Н. И. Разведки и раскопки в Тихвинском и Шлиссельбургском у. — ЗОРСА, XI, 1915, с. 35—40; Колмогоров А. И. Тихвинские курганы. — Труды XV археологического съезда, т. I. М., 1914, с. 411—434; Raudonikas W. I. Die Normannen der Wikingerzeit und das Ladogagebiet. Stockholm, 1930, с. 43—59; Равдоникас В. И. Памятники эпохи возникновения феодализма в Карелии и Юго-Восточном При-

ладжье. — Известия ГАИМК, 94, 1934.

² Равдоникас В. И. Раскопки в Приладожье в 1930 г. и некоторые выводы из них. — Сообщения ГАИМК, 3, 1931, с. 2—4.

³ Кирпичников А. Н. Снаряжение всадника и верхового коня на Руси IX—XIII вв. — САИ, Е1-36, 1973, с. 17; Львова Э. А. Стекланные бусы Старой Ладogi. — АСГЭ, 10, 1968, с. 72—73, 77—79, 82, 87.

Г. В. ХАРИТОНОВ

ДУДЕНЕВСКИЙ КУРГАННЫЙ МОГИЛЬНИК

Дуденевский могильник принадлежит к числу наиболее изученных археологических памятников Тверского Поволжья. Он находится в 0,3 км к юго-западу от дер. Дуденево, на ровной боровой террасе левого берега Волги, на мысе, образованном этим берегом и поймой р. Тьма, впадающей в Волгу.

В могильнике насчитывается сейчас 77 насыпей (рис. 1), почти все они разрушены кладонскательскими ямами и траншеями, некоторые подмыты при разливах Волги. Неповрежденными остались только 15 насыпей.

Исследования Дуденевого могильника начались более 100 лет тому назад, еще до создания Тверской ученой архивной комиссии. В 1870 г. местный священник Исполотовский писал Тверскому губернскому статистическому комитету о том, что в устье р. Тьма находится 145 сопок, причем на одной из них — сопке «Николка», — сохранившейся в неизменном виде до нашего времени, «собирается окрестная молодежь в день Всех Святых на народное игрище, погребать Ярилу, хотя кто такой Ярила, никто из крестьян не знал»¹. В. А. Плетнев в неопубликованном труде о Дуденевских курганах сообщает, что в 1890 г. насчитывалось 150 насыпей. Он говорит, что «крестьяне называют эти насыпи „сопками“, но знают и слово „курган“»².

Систематические исследования могильника начались в 1885 г., когда пять курганов были раскопаны В. Я. Щербаковым. Краткие сведения об этих раскопках сохранились в книге В. А. Плетнева³. В 1890 г. два кургана были раскопаны сотрудником Тверского музея Убожковым, несколько позже две насыпи раскопал сам В. А. Плетнев⁴. Через несколько лет неизвестным лицом был раскопан еще один курган, а в 1899 г. В. И. Колосов исследовал шесть насыпей⁵.

В 1902 г. А. А. Спицын произвел первые крупные раскопки могильника, вскрыв 13 насыпей⁶. В том же году четыре кургана исследовал С. Ф. Платонов⁷. В 1903 г. участники II Тверского археологического съезда под руководством В. И. Колосова и Ю. Г. Гендуне раскопали семь курганов Дуденевого могильника и опубликовали отчет об этом⁸. Чуть позже два кургана были раскопаны В. И. Колосовым для великого князя Константина⁹. В 1907 г. один дуденевский курган был исследован Е. В. Крыловым¹⁰, в 1908 г. четыре насыпи — Тверской ученой архивной комиссией¹¹. После этого в раскопках наступает перерыв до 20-х годов, когда несколько курганов в Дуденево были раскопаны И. А. Виноградовым¹². В 1939 г. три кургана исследованы А. Н. Вершинским, все они были почти полностью разрушены¹³. В 1968 г. два кургана раскопаны Верхневолжской экспедицией Института археологии¹⁴, а в 1972 г. могильник обследован автором, причем впервые был снят его план (рис. 1)¹⁵.

За все годы исследования Дуденевских курганов раскопано свыше 50 насыпей, установить точное местонахождение которых сейчас невозможно. Материалы раскопок позволяют судить о характере погребального

Дуденевская курганная группа

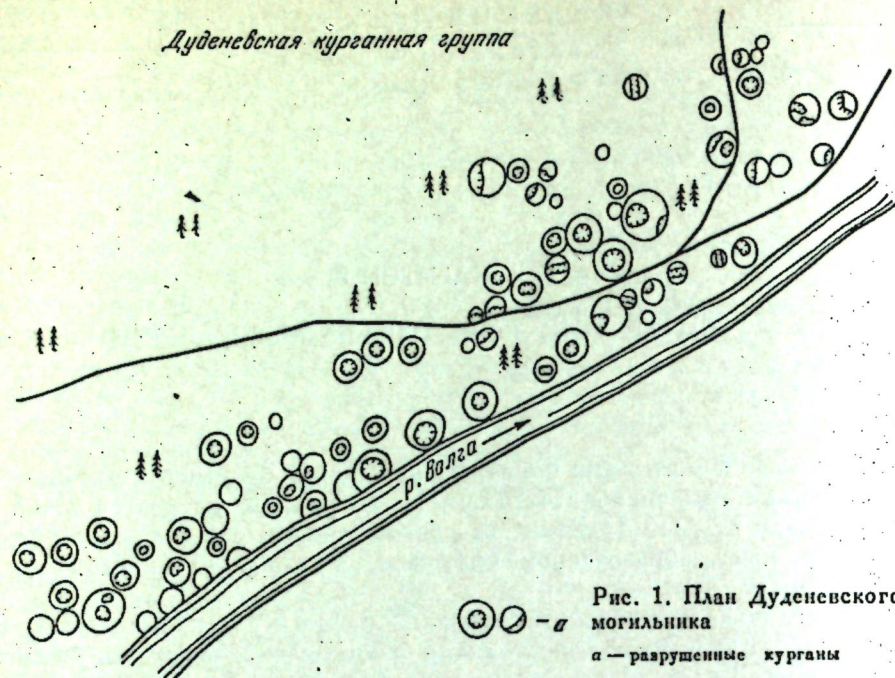

Рис. 1. План Дуденевского могильника
а — разрушенные курганы

обряда, о датировке и этнической принадлежности, а также о социальном лице погребенных.

Погребальный обряд могильника однороден. Курганы мало отличаются друг от друга по форме насыпи и по размерам. Высота их колеблется от 0,5 до 2 м, диаметры основания — от 4 до 14—15 м. Большинство курганов окружено ровиками. Кольцеобразной обкладки из валунов в основании насыпей почти нет. Форма курганов полусферическая, склоны крутые, вершина слегка уплощена, но четко выраженной площадки сверху нет.

Для подавляющего большинства курганов (63%) характерен обряд труположения на материке. В кургане 7 из раскопок А. А. Спицына открыто, по-видимому, тройное труположение. Центральный костяк на материке не сохранился, найдены только вещи. В полах кургана обнаружены два детских труположения выше материка, на разных уровнях, без вещей, за исключением горшочков в ногах¹⁶. Парных погребений найдено четыре (10,4%), причем в одном случае (курган 2 из раскопок В. А. Плетнева) оба захоронения находились в насыпи на глубине 1 м от вершины¹⁷. В 1903 г. В. И. Колосовым и Ю. Г. Гендуе открыто парное безынвентарное погребение (курган 7) на материке — мужчины и женщины¹⁸. В погребении 1 из кургана 2, раскопанного В. А. Плетневым, найден женский костяк, лежавший на правом боку¹⁹. Во всех остальных захоронениях — и парных, и одиночных — погребенные лежали в вытянутой позе, с протянутыми вдоль туловища руками. Трупосождения не встречены ни разу.

Ориентировка погребенных довольно устойчива. Свыше 50% — головой на запад, 10,5% — на северо-запад, 2,6% — на юго-запад, 5,2% — на север (в нескольких случаях ориентировка костяков неизвестна).

В трех курганах скелеты находятся на зольно-угольных прослойках, расположенных на материке. В одном кургане погребение на материке было перекрыто зольно-угольной прослойкой толщиной 2—3 см²⁰.

Материалы Дуденевских курганов упоминаются в литературе. Т. Н. Никольская, выделив в Верхнем Поволжье «три исторически сложившихся района, обладающих определенными характерными особенностями материальной культуры», отнесла этот могильник ко второму району, на территории которого особенно сильным, по ее мнению, было кривичское влияние²¹. Л. А. Голубева, основываясь на раскопках

А. А. Спицына, видит в погребальном инвентаре Дуденевского могильника следы весского этноса (нагрудные цепочки с подвесками-амулетами, железные иглы с кольцами, копоушки)²². О находках дирхемов и западноевропейских монет кратко упоминает в одной из работ В. М. Потин²³.

Однако полное исследование погребальных инвентарей Дуденевских курганов до сих пор не производилось.

Вещевой материал Дуденевских курганов многообразен. Он представлен ювелирными украшениями, ножами, глиняными сосудами и т. п.

Височных колец найдено больше 45. Количество височных колец в одном погребении колеблется от двух до шести, причем разные типы встречены в одном комплексе. Наиболее часты браслетообразные кольца большого диаметра с заходящими концами (14); браслетообразные кольца большого диаметра с одним завязанным кольцом (11); перстнеобразные кольца (14), одно — с завязанными концами (курган 9 из раскопок А. А. Спицына).

Отдельную группу составляют височные кольца с трапециевидными подвесками из двух курганов (3 и 11), раскопанных А. А. Спицыным. Височных колец с правильно завязанными расплюснутыми концами найдено четыре. В одном погребении (раскопки 20-х годов) они встречены вместе с двумя брактеатами — подвесками из саманидских дирхемов конца X в.²⁴ Найдено одно трехбусинное височное кольцо в сочетании с перстнеобразным колечком и витой бронзовой двупроволочной шейной гривной с граничными головками (курган 10 из раскопок А. А. Спицына). В том же кургане обнаружены остатки трапециевидных подвесок на колечке вместе с двумя раковинами каури и клыком животного, цепочка с двойными звеньями из скрученных жгутиком проволочек с подвесками в виде ложечки, клыка животного и копоушки. На шее у погребенной в этом кургане женщины были гривны — витая и полая, круглая в сечении, с петлей и крючком на конце, а на левой руке — медный пластинчатый браслет с головками дракона на концах. В ногах открыт развал гончарного сосуда с линейным орнаментом²⁵. Подобный набор вещей известен на территории Тверского Поволжья в курганной группе Хилово б. Старицкого уезда²⁶.

Браслетообразные височные кольца с заходящими концами дважды встречены с брактеатами дирхемов конца X — начала XI в. В погребении кургана 6 из раскопок А. А. Спицына найдены шесть височных браслетообразных колец с одним завязанным концом в сочетании с девятью дирхемами. На левом виске здесь обнаружено четыре подобных кольца, одно перстнеобразное, и 12 бубенчиков, расположенных в виде кольца (вероятно, они также служили подвесками к височным кольцам). В области шеи найдены остатки железной гривны, медный крючок с головой зверя, крупные сердоликовые, хрустальные, золотостеклянные и разноцветные стеклянные бусы, обрывки железной цепочки с косточкой-подвеской. Кроме того, в кургане оказались серебряный широкосрединный перстень и глиняный сосуд с линейно-волнистым орнаментом, стоявший у левой ступни²⁷. Аналогичный крючок со звериной головкой происходит из кургана 10, раскопанного неизвестным лицом, где он находился с тремя браслетами, браслетообразными височными кольцами с заходящими концами (полужгутовой) гривной 9,9 см), железной гривной, двупроволочной витой (полужгутовой) гривной с крючками на концах, круглопроволочным браслетом, двумя широкосрединными перстнями без орнамента с утончающимися концами и маленьким широкогорлым гладкостенным гончарным сосудом (с клеймом), расположенным на ногах погребенного²⁸.

В кургане 2 из раскопок Убожкова два браслетообразных височных кольца большого диаметра с заходящими концами найдены в сочетании с полужгутовой гривной с крючками на концах, единственной в инвентаре Дуденевских курганов янтарной бусиной и несколькими многогранными сердоликовыми бусинами XI — начала XII в. Там же отмечен глиняный сосуд у головы погребенного — единственный случай в Дуденеве²⁹.

В первом погребении кургана 11 (раскопки А. А. Спицына) найдены лировидная пряжка-лунница в сочетании с крупными сердоликовыми и хрустальными бусами, саманидским дирхемом конца X в., служившим подвеской к ожерелью, пятью подвесками из клыков животных и 16 мелкими бубенчиками, нанизанными на тесьму и расположенными у таза. Во втором погребении этого же кургана похоронен без вещей мужчина³⁰.

Сердоликовые бусы найдены в пяти погребениях, причем в трех случаях в сочетании с саманидскими дирхемами.

Богатый ассортимент бус обнаружен в двух ожерельях парного погребения кургана 2 из раскопок В. А. Плетнева 1890 г. В состав ожерелья первого захоронения входили три глазчатые бусины из желтого глухого стекла с синими глазками, окаймленными красными ободками, одна кольцеобразная бусина из зеленоватого стекла и две медные полые бусинки. Во втором погребении найдены стеклянные семигранные бусы, десять крупных золотостеклянных бочонкообразных, разноцветные стеклянные, стеклянная бусина-флакончик, прикрепляемая ремешком к плечу. Здесь же находились четыре саманидских дирхема и плетеная шестипроволочная завязанная гривна³¹.

Западноевропейские монеты найдены только в кургане при раскопках В. И. Колосова в 1903 г. Это были 22 саксонских денария X—XI вв., лежавших в двух стопках у левой руки костяка³². Этот курган — один из самых бедных по инвентарю, и не исключено, что находка монет была задумана В. И. Колосовым как приятный сюрприз великому князю.

На основе рассмотренных вещей материалов Дудневские курганы нужно датировать второй половиной XI—XII в. Кривичская принадлежность погребенных определяется браслетообразными завязанными височными кольцами.

¹ Плетнев В. А. Об остатках древности и старины в Тверской губернии. Тверь, 1903, с. 157.

² ГАКО, ф. 103, оп. 1, д. 221, л. 273 об.

³ Плетнев В. А. Указ. соч., с. 159.

⁴ Там же, с. 159—165; ГАКО, ф. 103, оп. 1, д. 221, л. 274—280 об.

⁵ Тверской музей и его приобретения в 1892 г. Тверь, 1894, с. 14—15.

⁶ Спицын А. А. Раскопки близ дер. Дудневой. — ИАК, 6, 1904, с. 6—11; ОАК за 1902 г., с. 112—113.

⁷ Археологическая хроника. — ИАК, приобщение к вып. 27, 1908, с. 65.

⁸ Труды II Тверского археологического съезда. Тверь, 1906, с. XXXIX—XL; «Московские ведомости», 1903, 19 августа.

⁹ Тверской музей и его приобретения в 1908 и 1909 гг. Тверь, 1911, с. 17.

¹⁰ Архив ЛОИА, д. 1907/101, с. 13.

¹¹ Архив ЛОИА, д. 1908/51, с. 13—17.

¹² ГАКО, ф. 2691, оп. 1, д. 296, л. 8, 10—11.

¹³ ГАКО, ф. 2691, оп. 1, д. 18, л. 1—3.

¹⁴ Архив ИА, Р-1, № 3706, с. 165—166, рис. 226.

¹⁵ Архив ИА, Р-1, № 4898.

¹⁶ Спицын А. А. Указ. соч., с. 8—9.

¹⁷ Плетнев В. А. Указ. соч., с. 164—165.

¹⁸ Труды II Тверского археологического съезда, с. XL.

¹⁹ Плетнев В. А. Указ. соч., с. 164.

²⁰ ГАКО, ф. 2691, оп. 1, д. 8, л. 3.

²¹ Никольская Т. Н. Этнические группы Верхнего Поволжья XI—XIII вв. — КСИИМК, 24, 1949, с. 79; Она же. Хронологическая классификация верхневолжских курганов. — КСИИМК, 30, 1949, с. 31—41.

²² Голубева Л. А. Весь и славяне на Белом озере. М., 1973, с. 37, карта 4.

²³ Потин В. М. Монеты в погребениях древней Руси и их значение для археологии и этнографии. — Труды ГЭ, XII, 1971, приложение, с. 78.

²⁴ Фонды Калининского областного музея (поступления от населения).

²⁵ Спицын А. А. Указ. соч., с. 9, 10, табл. 1—3, 10—12, 16.

²⁶ Гатцук С. А. Отчет о раскопках, произведенных в 1902 г. в Тверской губернии. — ИАК, 6, 1904, с. 36, 37, табл. IV, 4, 5; Тверской музей и его приобретения в 1902, 1903 и 1904 гг. Тверь, 1907, с. 14.

²⁷ Спицын А. А. Указ. соч., с. 8, табл. 1, 9.

²⁸ Тверской музей и его приобретения в 1892 г. Тверь, 1894, с. 14—15.

²⁹ Плетнев В. А. Указ. соч., с. 159, 160.

³⁰ Спицын А. А. Указ. соч., с. 10, табл. 1, 12, 13.

³¹ ГАКО, ф. 103, оп. 1, д. 221, л. 277—280.

³² Тверской музей и его приобретения в 1908 и 1909 гг. с. 17, 18.

ХРОНИКА

М. Д. ПОЛУБОЯРИНОВА

СЕКТОР СЛАВЯНО-РУССКОЙ АРХЕОЛОГИИ

В 1974 Г.

Работа сектора, как теоретическая, так и полевая, продолжалась в нескольких направлениях.

И. П. Русанова (Приднепровская экспедиция) проводила раскопки раннеславянского поселения в Черновицкой области; был зафиксирован слой V в.

В. В. Седов (Изборская экспедиция) продолжал раскопки городища-детинца Изборска. Вскрыто 800 кв. м. Открыты каменная крепостная стена рубежа XI—XII вв., жилые и хозяйственные постройки.

А. В. Никитин (Вологодская экспедиция) изучал славянские курганы X—XI вв. с трупосожжениями. Зафиксировано раннее появление славян в некоторых районах Вологодчины. Раскопки Шогдинского городища уточняют границы расселения носителей позднеславянской культуры. Работы в Каргополе подтвердили мнение о поселемонгольской начальной дате этого города.

Новгородская экспедиция закончила в 1974 г. Кировский раскоп в Славенском конце (ранняя дата XI в.) и Троицкий раскоп в Людином конце (ранняя дата X в.). Найдено 12 грамот. При земляных работах случайно обнаружена самая большая новгородская грамота (около 900 знаков).

Старорусским отрядом Новгородской экспедиции раскопана площадь 400 кв. м, открыта часть древней Борисоглебской улицы с тремя ярусами мостовых, множество деревянных построек, солеварни. Найдено четыре грамоты. В результате работ выяснилось, что начальную дату Руссы можно отнести к первой половине XI в.

М. В. Седова (Суздальская экспедиция) начала работы на посаде и в курганном могильнике Суздаля. В городе вскрыто 150 кв. м, исследована жилая застройка с конца XI в.; при раскопках 15 курганов найдены интересные фрагменты женского костюма.

А. А. Юшко (Звенигородская экспедиция) копала городище «Городок» в Звенигороде: Вскрыто 400 кв. м, обнаружены жилые и производственные комплексы, остатки деревянной оборонительной стены XII в.

В. П. Даркевич (Старорязанская экспедиция) продолжал исследовать городища Старой Рязани. Открыты жилые комплексы XII—XIII вв. и найден новый клад серебряных украшений.

Л. А. Голубева (Белозерская экспедиция) проводила работы по обследованию памятников для «Свода памятников истории и культуры» по Вологодской области. На двух памятниках из 41 обследованного были организованы раскопки.

Р. А. Розенфельдт продолжал разведки по Московской области также для «Свода памятников истории и культуры». Обследовано около 200 археологических объектов. У дер. Федосино раскопано 20 кривичско-вятических курганов.

С. А. Плетнева провела небольшую рекогносцировочную экспедицию в Дагестане.

В 1974 г. были закончены и обсуждены сектором несколько плановых тем:

Л. В. Алексеев доложил большую сводную работу «Западнорусские земли в IX—XIII вв.» — историческое исследование о формировании древнерусских городов и княжеств западных областей, основанное на анализе письменных и археологических источников.

Г. К. Вагнер окончил монографию «Скульптура древней Руси XIV—XV вв.», обобщившую и осмыслившую разрозненный материал по древнерусской послемонгольской скульптуре преимущественно Московского княжества.

В. П. Даркевич представил годовую тему «О некоторых группах европейской торевтики IX—X вв. (к вопросу о восточных влияниях в искусстве Европы)».

И. П. Русанова окончила работу над главами о раннеславянских памятниках типа Корчак, Пеньковка, Лука Райковецкая и о роменской культуре для многотомной «Археологии СССР».

Т. В. Равдина закончила картографирование погребальных инвентарей с летописной территории вятичей для работы, посвященной всестороннему изучению огромного материала, собранного при раскопках курганов вятичей за XIX—XX столетия.

Р. А. Розенфельдт подготовил работу «Археологическая карта Московской области», в которой подытожены результаты многолетних разведочных работ коллектива исследователей.

За 1974 г. проведено 25 заседаний сектора славяно-русской археологии, где были поставлены и обсуждены доклады по законченным и текущим плановым темам (А. В. Куза, Т. В. Николаева, К. А. Смирнов, Г. Ф. Соловьева, С. Е. Михальченко — аспирантка сектора).

Как и в прошлые годы, сектор заслушал и обсудил доклады сотрудников других научных учреждений: А. З. Винников (Воронежский пединститут) «Боршевская керамика Подонья» (рекомендована сектором к защите в качестве кандидатской диссертации); М. Г. Магомедов (Дагестанский филиал АН СССР) «Хазарские памятники Дагестана»; В. Я. Петрухин (кафедра археологии МГУ) «Погребальный обряд русов по описанию Ибн-Фадлана и по данным археологии»; Н. С. Шеляпина (Музей Московского Кремля) «Археологическое изучение Московского Кремля. Древняя топография и стратиграфия» (рекомендована сектором к защите в качестве кандидатской диссертации). Сектор дважды обсудил работу Е. А. Шмидта (Смоленский пединститут) «Днепродвинские племена в I тысячелетии н. э.», представленную как докторская диссертация, и рекомендовал ее к защите с целым рядом замечаний.

За 1974 г. сотрудники нашего сектора принимали участие в научных конференциях.

С. А. Плетнева председательствовала на советско-венгерском симпозиуме «История раннесредневековых народов степной полосы Восточной Европы» в Москве.

И. П. Русанова участвовала в симпозиуме по керамике пражского типа в Польше. И. П. Русанова, В. В. Седов и С. С. Ширинский выступили с докладами в ЧССР на международной конференции «Социально-экономическое развитие славян».

Г. К. Вагнер выступил с докладами по конференции по древнерусскому искусству в Третьяковской галерее и на конференции в Ленинграде по поводу 900-летия Изборника 1073 г. князя Святослава.

Н. Н. Велецкая приняла участие в сессии Института этнографии АН СССР, посвященной итогам полевых исследований 1973 г.

Л. А. Голубева была председателем Секции археологии на XV Всесоюзной конференции по финно-угроведению в Петрозаводске, где и выступала с докладом.

А. А. Юшко сделала доклад в Вологде на симпозиуме по аграрным проблемам Северо-Восточной Руси.

В 1974 г. вышли из печати книги, авторами которых являются сотрудники сектора:

С. А. Плетнева. Половецкие каменные изваяния.

Г. К. Вагнер. Проблема жанров в древнерусском искусстве.

В серии научно-популярных книг вышли книги: Л. В. Алексеев. По Западной Двине и Днепру в Белоруссии; Г. К. Вагнер. Рязанские достопамятности.

За это же время вышло из печати около 40 статей сотрудников сектора в различных изданиях, в том числе в «Кратких сообщениях ИА АН СССР» (139).

За отчетный год трое сотрудников сектора защитили докторские диссертации (Л. А. Голубева, Т. В. Николаева и А. К. Амброз), и двое — кандидатские (А. А. Юшко и М. Д. Полубояринова).

О. В. ОВСЯННИКОВ

ГРУППА СЛАВЯНО-РУССКОЙ АРХЕОЛОГИИ ЛОИА
В 1973 Г.

Сотрудники Группы славяно-русской археологии в 1973 г. продолжали заниматься исследованием двух больших проблем: 1) древнейшая история славян и сложение древнерусской народности и 2) становление и развитие древнерусского города как крепости, торгово-ремесленного и культурного центра древней Руси.

Исследованием первой проблемы занимались П. Н. Третьяков и Е. А. Горюнов. П. Н. Третьяков продолжал работу над «Очерками древней культуры восточных славян». Он сделал доклад «Некоторые данные о семейных и общинных отношениях в восточнославянской среде в I тысячелетии н. э.». Под редакцией П. Н. Третьякова сдан в печать сборник «Раннесредневековые славянские древности» (вышел из печати в 1974 г.). Е. А. Горюнов продолжал работу по теме «Днепровское левобережье в середине и третьей четверти I тысячелетия н. э.» (написаны две главы: «Вопросы хронологии» и «Классификация керамики»).

Комплекс вопросов, связанных с историей и культурой древнерусского города, исследовали М. К. Каргер, П. А. Раппопорт, А. Н. Кирпичников, А. Л. Якобсон, Ф. Д. Гуревич, М. В. Малевская, О. В. Овсянников, К. В. Павлова.

А. Н. Кирпичников завершил монографию «Военное дело Руси эпохи борьбы за независимость XIII—XV вв.». Работа написана как продолжение и завершение предыдущих многолетних исследований автора о древнерусском вооружении и военной практике. А. Н. Кирпичников исследует военные традиции домонгольской Руси и пути развития военного дела в русских землях в 1240—1500 гг. Монография охватывает широкий круг вопросов: исследовано не только само вооружение, но и тактика боя, характер и особенности военного искусства, фортификация, осадная техника, начальный этап огнестрельного оружия.

О. В. Овсянников завершил плановую тему «Мангазея — русский город в Сибири в XVII в.». Рукопись защищена в качестве кандидатской диссертации на ученом совете ЛОИА АН СССР.

Остальные сотрудники Группы продолжали заниматься текущими плановыми темами.

М. К. Каргер работал над темой «Зодчество Полоцка и Полоцкой земли» и прочел два доклада: «К вопросу о реконструкции некоторых вновь открытых памятников полоцкого зодчества» и «Памятники полоцкой строительной техники XII в. вне Полоцкой земли».

П. А. Раппопорт приступил к новой теме — «Памятники архитектуры древнего Смоленска». Работа задумана как монография и осуществлялась совместно с Н. Н. Ворониным.

Ф. Д. Гуревич продолжала исследование темы «Древнерусские города Пономанья и Побужья». А. Л. Якобсон начал работу над темой «Закономерности развития средневековых архитектур Балкан, древней Руси, Закавказья и Ближнего Востока». Исследования М. В. Малевской посвя-

щены «Церковной архитектуре XIV—XVII вв. Новогрудского детинца», К. В. Павловой — «Городищу Осовик».

Аспиранты Группы работали над темами «Финно-угорские элементы в культуре Северной Руси X—XIV вв.» (Е. А. Рябинин), «Старая Ладога и поселения Приильменья конца I тысячелетия н. э.» (Е. Н. Носов).

Сотрудники Группы активно вели полевые работы; Днепровский левобережный отряд (Е. А. Горюнов) работал на Полтавщине; Смоленская архитектурно-археологическая экспедиция (П. А. Раппопорт) — в Смоленске; Новогрудская экспедиция (Ф. Д. Гуревич и М. В. Малевская) изучала культурный слой и культовую архитектуру новогрудского детинца; Осовикский отряд (К. В. Павлова) продолжал раскопки городища Осовик.

Особо отметим, что археологические исследования, развернутые Группой, были во многом подчинены целям изучения городов-крепостей на северо-западе СССР и окружающей их территории. Отряды Староладжской экспедиции (А. Н. Кирпичников, Е. А. Рябинин, Е. Н. Носов, В. П. Петренко) исследовали оборонительные сооружения ладожского кремля, территорию «Земляного городища», ладожского посада, сопку в урочище Плакун. Были продолжены раскопки древней Корелы (А. Н. Кирпичников), Орешка (В. И. Кильдюшевский), завершено исследование крепости XIII в. в Копорье (О. В. Овсянников).

В течение года в работе Группы принимали участие сотрудники других научно-исследовательских учреждений и студенты. Академик Б. А. Рыбаков прочитал доклад «Русские карты XV—XVI вв.»; были заслушаны доклады: В. А. Булкин (ЛГУ) «Погребальный обряд Гнездовского могильника»; С. В. Белецкий (ЛГУ) «О времени появления в Пскове гонимого круга»; Г. Н. Караев «О походах Александра Невского в 1240—1245 гг.»; Т. В. Равдина (ИА) «Археологические замечания к работам В. М. Потина»; М. Ф. Рожко (Львов) «Следы деревянных наскальных сооружений древнерусского города Тустань»; П. П. Толочко (Киев) «Археологические исследования на Подоле»; Н. П. Быстрыков (Кингисепп) «Об изготовлении макета крепости Ям»; В. Г. Миронов (Петрозаводск) «Происхождение городецкой культуры».

9 апреля 1974 г. Группа славяно-русской археологии ЛОИА была реорганизована в Сектор славяно-финской археологии.

ПАМЯТИ А. Л. МОНГАЙТА

20 августа 1974 г. в Москве скончался известный советский археолог Александр Львович Монгайт. Он родился 24 апреля 1915 г. в г. Николаеве на Украине, получил там среднее образование, с 1931 г. преподавал в школах этого города, а затем, переехав в 1935 г. в Москву, — и в различных учебных заведениях (в Промакадемии и техникумах).

С 1935 по 1940 гг. Александр Львович учился на только что возрожденном Историческом факультете МГУ. Уже тогда он начал заниматься научной работой, опубликовал ряд статей в журналах (по истории Французской революции, о русской артиллерии XIV—XVI в.), участвовал в раскопках А. В. Арциховского в Новгороде Великом. В 1941 г. А. Л. Монгайт вступил добровольцем в ополчение, оборонявшее Москву от фашистских захватчиков. После демобилизации по болезни Александр Львович работал директором школы в Алмаатинской области. В 1943 г. он поступил в аспирантуру ИИМК. С тех пор на протяжении 30 с лишним лет научная деятельность А. Л. Монгайта протекала в центральном археологическом учреждении нашей страны.

Защитив кандидатскую диссертацию, в 1946 г. Александр Львович стал старшим научным сотрудником сектора славяно-русской археологии ИИМК — ныне ИА АН СССР. Тесно связан был он и с другими научными учреждениями — Институтом этнографии АН СССР и Институтом истории и теории искусств Академии художеств, где состоял членом ученых советов, со многими музеями, реставрационными мастерскими и т. д.

Первый цикл работ А. Л. Монгайта посвящен славяно-русским древностям. В Новгороде он изучал оборонительные сооружения, вел исследования в Софийском соборе. С первых послевоенных лет и до конца дней Александр Львович руководил Рязанской экспедицией Института археологии, сосредоточившей свои силы на раскопках замечательного памятника — городища Старой Рязани. До войны раскопки как на самом городище, так и в Рязанской земле были случайными и небольшими по масштабу. А. Л. Монгайт создал археологию этого крупного центра древнерусской культуры. Были обнаружены богатые клады ювелирных изделий домонгольской эпохи, остатки трех неизвестных ранее церквей, охарактеризованы топография и укрепления города, жилища рядовых горожан, подняты сложные проблемы взаимоотношения славянских и финских племен в бассейне Оки, намечены этапы истории Рязанского княжества. Эти темы освещены в кандидатской и докторской диссертациях А. Л. Монгайта, в его книгах «Старая Рязань», «Рязанская земля», «Художественные сокровища Старой Рязани» и многих статьях. Других центров древней Руси касаются книга А. Л. Монгайта «Муром», его работы о славянах в Приазовье (в том числе книга «Надпись на камне»), публикация фресок Спасо-Евфросиньевского монастыря в Полоцке. Им издан ценный комментарий к известиям арабского путешественника ал-Гарнати о Руси XII в.

С середины 50-х годов круг интересов Александра Львовича расширился. Появились его книги и статьи, затрагивающие историю археологии, ее методику, важнейшие успехи отдельных ее разделов. Это «Археоло-

А. Л. Монгайт

логия в СССР», «Археология и современность» и две книги, написанные в соавторстве с А. С. Амальриком: «Что такое археология» и «В поисках исчезнувших цивилизаций». Эти книги познакомили с археологией широкие слои наших читателей, популяризировали достижения советской науки за рубежом. Книга «Археология в СССР» переведена в Англии, Италии, Румынии, а нашим издательством «Иностранная литература» — и на другие европейские языки.

Статьи и доклады А. Л. Монгайта о новых методах в археологии способствовали созданию лабораторий естественных методов в Московском и Ленинградском отделениях ИА. Плодотворной была дискуссия по проблемам этнической истории после ряда докладов Александра Львовича. Интересные статьи опубликованы им по археологической картографии, по истории советской археологии. А. Л. Монгайт был одним из авторов университетского учебника «История первобытного общества».

Достоинным завершением этого цикла работ А. Л. Монгайта стала двухтомная «Археология Западной Европы». Эта сводка охватывает древности от начала палеолита до рубежа нашей эры и основана на проработке и критической оценке колоссальной литературы. Равноценного издания нет ни в одной из зарубежных стран.

Всего А. Л. Монгайтом опубликовано 13 книг и свыше 150 статей. Александр Львович был опытным редактором научной литературы. Под его редакцией вышли такие важные обобщающие труды, как «Очерки истории СССР. Первобытнообщинный строй и древнейшие государства на территории СССР», «История искусств народов СССР» (т. I) и др. В 1947—1952 гг. А. Л. Монгайт состоял членом редколлегии «Кратких сообщений» нашего Института, в 1953 г. стал ответственным секретарем сборников «Советская археология», позже членом редколлегии этого издания, а в 1957—1963 гг. входил в состав редколлегии журнала «Советская археология».

Александр Львович был жизнерадостным, общительным, очень доброжелательным человеком. Мог он быть и очень твердым, когда дело касалось принципиальных вопросов, моральных проблем. Неудивительно, что

он пользовался большим уважением и популярностью и среди всех археологов СССР, и среди историков, этнографов, искусствоведов. Память об Александре Львовиче Монгайте — человеке и ученом — останется в нашей среде. Книгам его суждена долгая жизнь.

А. А. Формозов

СПИСОК НАУЧНЫХ ТРУДОВ А. Л. МОНГАЙТА *

1938

Раскопки 1938 г. на Ярославовом дворище в Новгороде. — Историк-марксист, 6, с. 192—195.

1940

Русская артиллерия в XIV—XVI веках. — Вторая научная студенческая конференция МГУ. М., с. 26—27.

Русская артиллерия в XIV—XVI вв. — Военно-исторический журнал, 7, с. 62—76.

1941

Култ Разума и култ Верховного существа. — Антирелигиозник. М., 2, с. 30—37. Составитель: История СССР. Альбом наглядных пособий. М., 34 л. илл. в папке, 60 с.

1946

Исследования древнейшего памятника русской архитектуры. — «Советское искусство», 22 ноября.

Сессия Академии наук СССР. — «Правда», 29 ноября.

1947

Муром. М., 30 с.

Старая Рязань — Вопросы истории, 4, с. 88—98.

Салтыковские курганы. — Материалы и исследования по археологии Москвы, т. 1 (МИА, 7), с. 82—87.

Рязанские гирьки. — КСИИМК, XIV, с. 61—69.

К вопросу о трех центрах древней Руси. — КСИИМК, XVI, с. 103—112.

Старая Рязань (тезисы канд. дисс.) — Там же, с. 182.

Древнерусские деревянные укрепления по раскопкам в Старой Рязани. — КСИИМК, XVII, с. 28—37.

Рязанская скульптура. — КСИИМК, XVIII, с. 61—65.

Об археологических работах в Софийском соборе Новгорода Великого. — КСИИМК, XXI, с. 135—136.

Раскопки в Старой Рязани. — Там же, с. 118—124.

Софийский собор в Новгороде в связи с новейшими исследованиями. — Архитектура СССР, 16, с. 34—39.

Отчет об археологических раскопках у трапезной Симонова монастыря. — Сообщения Ин-та истории и теории архитектуры, 6, с. 33—38.

Археологическое раскопки 1945 года в Софийском соборе в Новгороде. — Сообщения Ин-та истории и теории архитектуры, 7, с. 42—50.

Рязанские гирьки. — Рефераты научно-исследовательских работ за 1945 год. М.—Л., с. 93.

Старая Рязань. — Там же, с. 91.

1948

Археологические раскопки в Новгороде Великом. — Наука и жизнь, 6, с. 33—35.

Древнерусские жилища XI—XIII веков. — СЭ, 4, с. 54—69.

Золотоордынская чаша из Новгорода Великого. — КСИИМК, XIX, с. 70—73.

Московские изразцы (по находкам на строительстве метрополитена I и II очереди). — Сообщения Ин-та истории и теории архитектуры, 9, с. 67—79.

Обзор полевых археологических исследований ИИМК в 1947 г. — ВДИ, 2 (24), с. 151—160.

Обсуждение книги П. Н. Третьякова «Восточнославянские племена» (на заседании ученого совета ИИМК АН СССР 20 мая 1948 г.). — Вопросы истории, 9, с. 137—141.

В Институте истории материальной культуры имени Н. Я. Марра. — Вестник АН СССР, 6, с. 113—114 [без подписи].

* Составлен главным библиографом Отделения ИНИОН при ИА АН СССР Запечкой И. М.

1949

Археологические исследования Старой Рязани в 1948 году. — Известия АН СССР. Серия ист. и филос., 6, № 5, с. 454—463.

Раскопки в Мартырьевской паперти Софийского собора в Новгороде. — КСИИМК, XXIV, с. 92—104.

Каменная стена «окольного города» Новгорода Великого. — КСИИМК, XXVII, с. 123—127.

Krytuka książki P. N. Tretiakowá «Plemiona wschodniosłowiańskie». — Swiatowit, 20, с. 391—401.

Американская археология на службе империализма [рец. на статью: Walter W. Taylor. A Study of Archaeology (в журнале American Anthropologist, 50, 3, 2, 1948)]. — Вопросы истории, 5, с. 97—104.

Новое о древнерусских городах [рец. на кн.: Материалы и исследования по археологии древнерусских городов, т. 1 (МИА, 11). М., 1949, 246 с.]. — Вопросы истории, 11, с. 149—153.

Сессия Отделения истории и философии Академии наук СССР и Пленум ИИМК им. Н. Я. Марра, посвященные итогам полевых археологических исследований за 1948 год. — Вопросы истории, 5, с. 152—154.

Рец.: А. В. Арциховский. Введение в археологию. Изд. 3-е. М., 1947, 218 с. — КСИИМК, XXVIII, с. 123—125 [совместно с Г. Б. Федоровым].

Рец.: История культуры древней Руси, т. I. М., 1948, 484 с. — Вестник АН СССР, 6, с. 142—148.

Рец.: С. В. Киселев. Древняя история Южной Сибири (МИА, 9). М., 1949, 362 с. — Вестник АН СССР, 10, с. 115—119.

Рец.: Б. А. Рыбаков. Ремесло древней Руси. М.—Л., 1948, 791 с. — ВДИ, 4 (30), с. 181—186.

1950

Вопросы истории Великого Новгорода (до включения его в состав Русского централизованного государства). — Вопросы истории, 9, с. 105—119 [совместно с Г. Б. Федоровым].

Обсуждение трудов И. В. Сталина по вопросам марксизма в языкознании в Институте истории материальной культуры АН СССР. — ВДИ, 3 (33), с. 202—207.

Archäologische Forschungen in Staraja Rjasan im Jahre 1948 [Археологические исследования Старой Рязани в 1948 г.]. — Sowjetwissenschaft, gesellschaftswissenschaftliche Abteilung, Berlin, 1, с. 51—65.

Раскопки Старой Рязани. — Огонек, 49, с. 28.

Подвиг советского ученого [О книге Т. С. Пассек «Периодизация трипольских поселений» (М.—Л., 1949)]. — «Литературная газета», 1 апреля.

Рец.: Т. С. Пассек. Периодизация трипольских поселений (III—II тысячелетия до н. э.). М.—Л., 1949, 248 с. (МИА, 10). — Советская книга, 2, с. 68—72.

Рец.: Материалы и исследования по археологии Москвы, т. 2. Под ред. А. В. Арциховского (МИА, 12). М.—Л., 1949, 310 с. — Вопросы истории, 5, с. 142—145.

1951

Раскопки в Старой Рязани. — КСИИМК, XXXVIII, с. 12—24.

Кризис буржуазной археологии. — КСИИМК, XL, с. 3—15.

Археологические исследования Старой Рязани. — КСИИМК, XLI, с. 54—55.

Археологические заметки. — Там же, с. 124—137.

Древнерусская техника обработки металлов. — Наука и жизнь, 6, с. 37—38.

Археологические исследования Старой Рязани. — Тезисы докладов на сессии Отделения истории и философии и пленуме ИИМК, посвященных итогам археологических исследований 1946—1950 гг. М., с. 75—77.

Кризис буржуазной археологии. — Тезисы докладов на пленуме ИИМК АН СССР, посвященном вопросам археологии Прибалтики. М., с. 10.

Охранять памятники культуры. — «Литературная газета», 30 июня.

Археология и «теории» Марра. — «Литературная газета», 24 апреля [совместно с С. В. Киселевым].

Научная сессия по вопросам истории Прибалтики. — «Советская молодежь». Рига, 23 ноября.

То же. — «Советская Латвия», 22 ноября.

Старая Рязань. Пять лет на раскопках древнего русского города. — «Комсомольская правда», 24 марта.

Старая Рязань. — «Пионерская правда», 13 апреля.

Рец.: История культуры древней Руси. Под общ. ред. Б. Д. Грекова и М. И. Артамонова, т. 2. М.—Л., 1951, 545 с. — Вопросы истории, 11, с. 137—142.

Рец.: Практика реставрационных работ, сб. 1, 1950, 208 с. — Советская книга, 12, стр. 108—110.

Рец.: Советская археология, XI—XIV. М., 1949—1950. — ВДИ, 3 (37), с. 109—121 [совместно с И. Т. Кругликовой].

1952

- Оборонительные сооружения Новгорода Волынского. — МИА, 31, с. 7—132.
Топография Старой Рязани. — КСИИМК, XLIV, с. 104—115.
Вопросы истории Прибалтики периода феодализма (к итогам объединенной сессии Отделения истории и философии АН СССР и Института истории Академии наук Прибалтийских республик). — Вестник АН СССР, 1, с. 60—67.
Итоги полевых археологических исследований 1951 года. — Вестник АН СССР, 5, с. 94—103.
Успехи на съветската археология. — Исторически преглед. София, VIII, 4-5, с. 544—547.
Гальштатская культура. — БСЭ, 10, с. 179—181.
Дольмены. — БСЭ, 15, с. 34.
Европа. История формирования европейских народов. Археология. — Там же, с. 403—405.
Предисловие. — В кн.: Г. Чайлд. У истоков европейской цивилизации. М., 1952, с. 3—18.

1953

- Муромо-Рязанское княжество. — Очерки истории СССР. Период феодализма IX—XV вв., ч. I. М., с. 406—414.
Новгородская феодальная республика. — Там же, с. 334—357.
Раскопки Старой Рязани. — По следам древних культур. Древняя Русь, М., с. 289—320.
Задачи советских археологов в свете трудов И. В. Сталина по вопросам языкознания и экономическим проблемам. — СА, XVII, с. 9—22 [без подписи].
Из истории населения бассейна среднего течения Оки в I тыс. н. э. — СА, XVIII, с. 151—189.
Итоги археологических и этнографических экспедиций за 1952 год. — Вестник АН СССР, 5, с. 92—100.
Kryzys archeologii burżuazyjnej [Кризис буржуазной археологии]. — Sprawozdania P. M. A., V, 1-2, с. 1—19.
Kryzys archeologii burżuazyjnej [Кризис буржуазной археологии]. — Zapiski archeologiczne, 1, с. 23.
Ценный вклад в изучение истории народов СССР. Рец. на кн.: История Латвийской ССР, т. I. С древнейших времен до 1860 года. Рига, 1952. — Вопросы истории, 6, с. 131—138 [совместно с Л. В. Черепнинным и В. К. Яцунским].
За высокое качество трудов по местной истории. Рец. на кн.: Материалы по изучению Смоленской области, вып. 1. Смоленск, 1952. — Вопросы истории, 4, с. 106—115.
Исследование, обогащающее историю народов Среднего Поволжья и Прикамья. Очерки древней и средневековой истории народов Среднего Поволжья и Прикамья. М., 1952 (МИА, 28). — Вестник АН СССР, 2, с. 100—105.
Рец.: Hensel W. Słowianaszczyna wczesnosredniowieczna. Zarys kultury materialnej. Poznań, 1952, 378 с. — Вопросы истории, 7, с. 166—168.

1954

- Архитектура Старой Рязани в свете последних археологических раскопок. — В кн.: М. Ильин. Рязань. Историко-архитектурный очерк. М., 1954, с. 7—38.
Археологическое исследование территории Украины и его значение для исторической науки. — ВДИ, 2, с. 3—8.
Kryza buržoaznej archeologie [Кризис буржуазной археологии]. — В кн.: O metodike terénneho Vysumi sovietskij archeologie. Bratislava, 1954, с. 130—144.
Книга по истории русской металлургии. Рец. на кн.: Б. А. Колчин. Черная металлургия и металлообработка в Древней Руси. М., 1953 (МИА, 32). 259 с. — Вестник АН СССР, 5, с. 103—106 [совместно с А. С. Бриткиным].
Рец.: И. А. Талицкая. Материалы к археологической карте бассейна р. Камы (По данным, собранным М. В. Талицким). — СА, XIX, с. 336—343 [совместно с А. С. Амальриком].

1955

- Археология в СССР. М., 436 с.
Старая Рязань. М., (МИА, 49), 228 с.
Некоторые средневековые археологические памятники Северо-Западного Кавказа. — СА, XXIII, с. 322—340.
Первые тома «Истории русского искусства». — Вестник АН СССР, 9, с. 116—120 [совместно с Е. А. Домбровской].
Некоторые вопросы первобытной истории в советской литературе послевоенных лет. — Вопросы истории, 1, с. 135—141 [совместно с А. И. Першицем].
Научная сессия, посвященная итогам археологических и этнографических исследований 1954 г. — Вопросы истории, 8, с. 224—226.

1956

- Об итогах археологических экспедиций 1955 года. — Вопросы истории, 8, с. 191—195.
Powstanie i rozwój radzieckiej archeologii [Возникновение и развитие советской археологии]. — Dawna kultura. Wrocław, 1 (9), с. 22—28.
Предисловие. — В кн. В. И. Цалкин. Материалы для истории скотоводства и охоты в Древней Руси (МИА, 51). М., с. 5—6.
Обсуждение вопроса о генезисе феодализма в России и о возникновении древнерусского государства. — Вопросы истории, 3, с. 202—205 [без подписи].
Рец.: А. Нидерле. Славянские древности. М., 1965, 450 с.
Рец.: Очерки истории СССР. Первобытнообщинный строй и древнейшие государства на территории СССР. М., 1956, с. 615 [совместно с П. Н. Третьяковым].
Рец.: В. И. Цалкин. Материалы для истории скотоводства и охоты в Древней Руси (МИА, 51). М., 1956, 185 с.
Начало большого труда советских историков. Рец. на кн.: Всемирная история, т. I. М., 1955, с. XXIII+747. — Коммунист, 8, с. 102—113 [совместно с Н. Боголюбовым и А. Тюменевым].

1957

- Что такое археология. М., 186 с. [совместно с А. С. Амальриком].
Работы советских археологов. — Вестник истории мировой культуры, 5, с. 69—91.
Wykopiska w starym Riazaniu [Раскопки Старой Рязани]. — В кн.: Sladami dawnych kultur. Dawna Ruś. Warszawa, с. 387—430.
О задачах журнала «Советская археология». — СА, 1, с. 3—6 [без подписи].
Низкий прием [О ненаучных и клеветнических высказываниях в книге Miller M. Archaeology in the USSR. New York, 1956]. — Новое время, 5, с. 29—30.
Unsaubere Mittel [Buchbespr. M. A. Miller. Archäologie in der UdSSR New York, 1956]. — Neue Zeit, 17, 5, с. 29—30.
Рец.: М. О. Косвен. Очерки истории первобытной культуры. 2-е изд. М., 240 с.
Рец.: М. Н. Тихомиров. Древнерусские города. 2-е изд. М., 1956, 477 с. — Вопросы истории, 1, с. 152—157.
Рец.: S. J. de Laet. L'archéologie et ses problèmes. Berchem—Bruxelles, 1954. — СА, 4, с. 195—198.
Рец.: Weltgeschichte, Bd I. Moskau, 1955. — Sowjetwissenschaft, gesellschaftswissenschaftliche Beiträge. Berlin, 1, с. 99—111 [совместно с Н. Боголюбовым и А. Тюменевым].

1958

- Що таке археологія [Что такое археология]. Київ, 184 с. [совместно с А. С. Амальриком].
К вопросу о русско-прибалтийских связях в IX—XIII вв. — Вопросы истории, 6, с. 120—128.
Бронзовый век. — МСЭ, 1, с. 1229—1233.
Рец.: М. К. Каргер. Древний Киев, т. I. М., 1958, 579 с.
Рец.: М. Н. Тихомиров. Средневековая Москва в XIV—XV веках. М., 1957, 320 с. — Новый мир, 6, с. 269—271.
Рец.: В. А. Янин. Денежно-весовые системы русского средневековья. Домонгольский период. М., 1956, 207 с. — Вопросы истории, 3, 183—188.

1959

- L'archéologie en URSS [Археология в СССР]. Moscou, 438 с.
Archaeology in the USSR [Археология в СССР]. Moscow, 438 с.
В поисках исчезнувших цивилизаций. М., 311 с. [совместно с А. С. Амальриком].
Что такое археология. 2-е изд. М., 187 с. [совместно с А. С. Амальриком].
Абу Хамид 'Ал-Гарнати и его путешествие в русские земли 1150—1153 гг. — История СССР, 1, с. 169—181.
Археология и методы естественных наук. — Вестник АН СССР, 12, с. 32—36 [совместно с Б. А. Колчиным].

1960

- La arqueologia en la URSS [Археология в СССР]. Moscu, 448 с.
Archaeology in the USSR. Transl. and ed. by M. W. Thompson. Harmondsworth, Penguin books, 320 с.
Археология и современность. — СА, 4, с. 200—214.
Применение естественнонаучных методов в археологии. — Вопросы истории, 3, с. 75—87 [совместно с Б. А. Колчиным].
Изотопы — археологи. — Наука и жизнь, 8, с. 22—26 [совместно с Б. А. Колчиным].
N'ên khảo cổ học của giai cấp tư sản làm vào bu'óc đường cùng [Кризис буржуазной археологии]. — Nghiên cứu lịch sử. Hà-nội, 19, с. 21—34.

Работы Среднерусской экспедиции в 1957 г. Рязанский отряд. — КСИИМК, 79, с. 91.

Составитель: Сборник инструкций по взятию образцов для анализа археологических материалов методами естественных наук. М., 35 с. [совместно с колл. авторов].

1961

Рязанская земля. М., 400 с.

Arheologia in URSS. București, 399 с.

Archaeology in the USSR. Harmondsworth, Penguin, 320 с.

Археология. — СИЭ, 1, стр. 824—842.

1962

Archaeology in the USSR. Tr. from Russian, ed. by M. W. Thompson. Gloucester, Mass., Peter Smith, 1962, 320 с. (Pelican books).

Arheologia in URSS. București, 322 с.

Задачи и возможности археологической картографии. — СА, 1, стр. 16—35.

Археология и религия. — СА, 2, с. 3—9.

Рязанская иконка Георгия и Димитрия. — Историко-археологический сборник. М., с. 290—294.

Романтика науки на экране. — Наука и жизнь, 3, с. 105—107.

Гальштатское искусство. — В кн.: Искусство стран и народов мира, т. 1. М., с. 416—417.

Германцы. — Там же, с. 541—544.

Современное оружие искателя древностей. — Неделя, 8, 18—24 февр., с. 18.

1963

Археология и современность. М., 108 с.

О границах Тмутараканского княжества в XI в. — Проблемы общественно-политической истории России и славянских стран. М., с. 54—61.

Возникновение и первые шаги советской археологии. — История СССР, 4, с. 75—94.

К 60-летию А. В. Арциховского. — Вопросы истории, 1, с. 103—105.

Археология и современность. — Наука и жизнь, 11, с. 86—90.

Некоторые открытия советских археологов:

Пер. на: англ. яз. Some Discoveries of Soviet Archaeologists. — «Moscow News», January 12, № 2 (629). — фр. яз. Du Fond de Siecles. Quelques decouvertes d'archéologues soviétiques. — «Les Nouvelles de Moscou», 12 janvier, № 2. — исп. яз. Algunos Hallazgos de los Arqueólogos Soviéticos. — «Novedades de Moscú», Enero, № 2.

Рец.: А. А. Формозов. Очерки по истории русской археологии. М., 1961, 128 с. — Вопросы истории, 4, с. 130—132.

1964

Civiltà scomparse. L'archeologia nell'URSS [Археология в СССР]. Roma, 388 с.

Предисловие. — В кн.: Civiltà scomparse. L'archeologia nell'URSS. Roma, с. 13—23.

Железный век. — СИЭ, 5, с. 530—534.

Археология и современность. — Наука и жизнь, 1, с. 48—53; 3, с. 46—51; 4, с. 84—90.

Археологические культуры и этнические общности. — Тезисы докладов Первого симпозиума по археологии и этнографии Юго-Запада СССР. Кишинев, с. 26—28.

Некоторые возможности картографирования археологических культур. — Проблемы лингво- и этногеографии и ареальной диалектологии. Тезисы докладов. М., с. 3—5.

Receding Sevan reveals ancient city [Отступающий Севан освобождает древний город]. — «Moscow News», July 11.

1965

Методологический и технологический прогресс исследований по археологии в XX в. — Тезисы докладов советской делегации на I международном конгрессе славянской археологии. М., с. 79—83.

Иберы. — В кн.: Искусство стран и народов мира, т. 2. М., с. 8—10.

Иллирийцы. — Там же, с. 19.

Кельты (древние). — Там же, с. 389—392.

XII век. Путешествие в Россию. — Наука и жизнь, 1, с. 34—38.

Archaeology. — Social Sciences in the USSR. Paris. — The Hague, с. 17—22.

Комментарии к статье: Р. Блох. Этруски. — Наука и жизнь, 4, с. 83—91.

Новые методы в археологии. Рец. на сб.: Археология и естественные науки. М., М., 1965, 346 с. — Новый мир, 10, стр. 265—268.

Музей Родины. — «Советская культура», 23 сентября.

Слово науке. — «Советская культура», 14 декабря.

1966

В поисках исчезнувших цивилизаций. Изд. 2-е, доп. М., 279 с. [совместно с А. С. Амальриком].

Что такое археология. 3-е изд. М., 250 с. [совместно с А. С. Амальриком].

От редактора. — В кн.: Культура древней Руси. М., с. 5—6.

Фрески Спас-Евфросиниевского монастыря в Полоцке. — Там же, с. 137—140.

Тайна камней Баальбека. — «Труд», 19 декабря.

Откуда мы знаем, когда это было. Археологическая хронология. — Наука и жизнь, 6, с. 137—143.

Сокровища княжеского дворца. — Наука и жизнь, 11, с. 96.

Жемчужина русской истории. — «Приокская правда», 7 сентября

Сокровища Старой Рязани. — «Неделя», 4—10 сентября, с. 10.

Archeologie in de Sowjet-Unie. — В кн.: Historische Schatten uit de Sovjet-Unie. Haag, с. 13—16.

Рец.: Культура Древней Руси. М., 327 с.

Рец.: А. Ф. Медведев. Ручное метательное оружие. Лук и стрелы, самострел VIII—XIV вв. М., 184 с.

Рец.: А. А. Формозов. Памятники первобытного искусства на территории СССР. М., 127 с.

Рец.: Historische Schatten uit de Sowjet-Unie. Haag, 106 с.

История и прогресс. Рец. на кн.: Н. И. Конрад. Запад и Восток. Статьи. М., 1966. — Новый мир, 10, с. 271—275.

1967

Художественные сокровища Старой Рязани. М., 26 с.

Археологические культуры и этнические общности. — Народы Азии и Африки, 1, с. 53—69.

Старорязанский клад 1966 года. — СА, 2, с. 211—223 [совместно с В. П. Даркевичем].

Надпись на камне. — Наука и жизнь, 5, с. 62—68; 7, с. 68—72; 8, с. 62—67.

Archäologie in der Sowjetunion. — В кн.: Historische Schätze aus der Sowjetunion. Zürich, с. 13—15.

Archäologie in der Sowjetunion. — Historische Schätze aus der Sowjetunion. Essen, с. 13—15.

Рец.: П. И. Засурцев. Новгород, открытый археологами. М., 206 с.

Рец.: Historische Schätze aus der Sowjetunion. Essen, 122 с.

Рец.: Historische Schätze aus der Sowjetunion. Zürich, 122 с.

Книга о древнерусской живописи. Рец. на кн.: Чайковская О. Против неба — на земле. М., 1966. — Новый мир, 7, с. 241—243.

1968

История первобытного общества. М., 1968, 207 с. [совместно с А. И. Першицем и В. П. Алексеевым].

Диалог историков. — Спутник, 6, с. 81—90.

Dialogue between Historians. — Sputnik. London, august, с. 72—79.

Из истории археологических мистификаций. — Наука и жизнь, 6, с. 42—49.

Исследования городища Старая Рязань. — АО 1967 г., стр. 59—61 [совместно с колл. авторов].

Archaeological Cultures and Ethnic Units. — Soviet Anthropology and Archaeology. N. Y., VII, 1, с. 3—25.

Послесловие. — В кн.: З. Косидовский. Когда солнце было богом. М., с. 331—332.

Рец.: В. И. Гуляев. Америка и Старый свет в доколумбову эпоху. М., 182 с.

Рец.: З. Косидовский. Когда солнце было богом. М., 335 с.

1969

Надпись на камне. М., 112 с.

Рязанская экспедиция. — АО 1968 г., стр. 75—77.

Archaeological Cultures and Ethnic Communities (The Problem of Methodology in Historico-Archaeological Research) [Археологические культуры и этнические общности]. — Asia in Soviet Studies. Moscow, с. 280—310.

1970

Archaeology in the USSR. Trans., ed. by M. W. Thompson. Gloucester, Mass., Peter Smith, 1970, 320 с.

Рязанская экспедиция. — АО 1969 г., с. 70—72 [совместно с В. П. Даркевичем].

Об истории первобытного общества. — Преподавание истории в школе, 5, с. 40—46.

Клады Старой Рязани. — Наука и жизнь, 11, с. 156—160.

Рец.: В. В. Седов. Славяне Верхнего Поднепровья и Подвинья (МИА, 163). М., 200 с.

- Путешествие Абу-Хамида ал-Гарнати в Восточную и Центральную Европу. М., 134 с. [совместно с О. Г. Большаковым].
 Раскопки на городище Старая Рязань. — АО 1970 г., с. 81—85 [совместно с колл. авторов].
 Ред.: История искусства народов СССР, т. 1. М., 311 с. [совместно с Н. В. Черкасовой].

1972

- Спасский собор в Старой Рязани. — Новое в археологии. М., с. 210—216 [совместно с М. Б. Чернышевым].
 Методологический и технологический прогресс исследований по археологии в XX в. — Труды I международного конгресса славянской археологии, VII. Варшава, с. 120—123.
 Старорязанские клады 1967 г. — СА, 2, с. 206—212 [совместно с В. П. Даркевичем].

1973

- Археология Западной Европы. Каменный век. М., 355 с.
 К 70-летию А. В. Арциховского. — История СССР, 1, с. 225—226.
 О науке истории. — Наука и жизнь, 7, с. 85—93.
 Страна в миниатюре. — Наука и жизнь, 5, с. 97—101.

1974

- Археология Западной Европы. Бронзовый и железный века. М., 408 с.
 История первобытного общества. Изд. 2-е, перераб. и доп. М., 223 с. [совместно с А. И. Першицем и В. П. Алексеевым].
 Переписка Н. И. Конрада и А. Тойнби. — Проблемы истории и теории мировой культуры. Сборник статей памяти академика Н. И. Конрада. М., с. 143—160.
 Церковь Нового Ольгова городка. — Культура средневековой Руси. Л., с. 163—168 [совместно с П. А. Раппопортом и М. Б. Чернышевым].

1975

- Работа Рязанской археологической экспедиции в 1966—1970 гг. — Археология Рязанской земли. М., 1975, с. 5—18.
 Ред.: Археология Рязанской земли. М., 336 с.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АО — Археологические открытия
 АП — Археологич. памятники УРСР
 АСГЭ — Археологический сборник Государственного Эрмитажа
 БСЭ — Большая Советская энциклопедия
 ВДИ — Вестник древней истории
 ГАИМК — Государственная академия истории материальной культуры
 ГАО — Государственный архив Калининской области
 ГИМ — Государственный исторический музей
 ДАИ — Дополнения к Актам историческим
 ЗОРСА — Записки Отделения русской и славянской археологии Русского археологического общества
 ИА — Институт археологии Академии наук СССР
 ИАИ — Известия на Археологический институт. София
 ИАК — Известия Археологической комиссии
 ИГАИМК — Известия Государственной академии истории материальной культуры
 ИИМК — Институт истории материальной культуры Академии наук СССР
 КСИА — Краткие сообщения Института археологии Академии наук СССР
 КСИИМК — Краткие сообщения Института истории материальной культуры Академии наук СССР
 ЛГУ — Ленинградский государственный университет
 ЛОИА — Ленинградское отделение Института археологии
 МАВГР — Материалы по археологии восточных губерний России
 МАР — Материалы по археологии России
 МГУ — Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова
 МИА — Материалы и исследования по археологии СССР
 МСЭ — Малая Советская энциклопедия
 МЭР — Материалы по этнографии России
 ОАК — Отчет Археологической комиссии
 ОИПК ГЭ — Отдел истории первобытной культуры Государственного Эрмитажа
 ПСРЛ — Полное собрание русских летописей
 РАНИОН — Российская ассоциация научно-исследовательских институтов общественных наук
 РИБ — Русская историческая библиотека
 СА — Советская археология
 САИ — Свод археологических источников
 СИЭ — Советская историческая энциклопедия
 СЭ — Советская этнография
 ЦГАДА — Центральный государственный архив древних актов СССР
 ЦГИАЛ — Центральный государственный исторический архив Ленинграда
 ESA — Eurasia septentrionalis antiqua
 SM — Suomen Museo
 SMYA — Suomen Muinaismuistoyhdistyksen Aikakauskirja. Helsingissä

СОДЕРЖАНИЕ

Статьи

Г. П. Смирнова. Лепная керамика древнего Новгорода	3
В. С. Давыдчук, И. К. Фролов. К истории заселения орловского течения Оки в I тысячелетии н. э.	11
Н. В. Хвоцинская. Население восточного побережья Чудского озера (по материалам курганов у деревень Залахтовы и Калихиновщина)	18
Ф. Д. Гуревич. Два этапа в истории древнерусских городов Понеманья . .	25
А. В. Чернецов. Классификация и хронология наконечников древнерусских пахотных орудий	32
Ю. А. Краснов. Об одном типе пахотных орудий древней Руси	37

Полевые исследования

Л. В. Алексеев. Древний Мстиславль (по материалам раскопок 1959—1964, 1968 и 1969 гг.)	44
М. К. Каргер. К истории галицкого зодчества XII—XIII вв.	53
О. Н. Мельниковская. Обследование древнего Радомаля	60
С. И. Кочкуркина. Тиверск	63
А. А. Юшко. Историческая география Московской земли (из предыстории с. Битяговского)	71
Е. Н. Носов. Поселение у волховских порогов	76
И. В. Дубов. Новые раскопки Тимереvского могильника	82
В. В. Седов. Мальский курганно-жальничный могильник близ Изборска .	87
В. А. Назаренко. Раскопки курганов на Тихвинке	96
Г. В. Харитонов. Дуденевский курганный могильник	101

Хропика

М. Д. Полубояринова. Сектор славяно-русской археологии в 1974 г. . . .	105
О. В. Овсянников. Группа славяно-русской археологии ЛОИА в 1973 г. .	108
Памяти А. Л. Монгайта	110
Список научных трудов А. Л. Монгайта	112
Список сокращений	119

Славяно-русские древности

КСИА, вып. 146

Утверждено к печати

Ордена Трудового Красного Знамени Институтом археологии АН СССР

Редактор издательства Н. И. Сергеевская. Технический редактор Н. Н. Пляхова
Корректоры М. Б. Амусьева, Е. Н. Белоусова

Сдано в набор 6/V 1976 г. Подписано к печати 18/VIII. Формат 70×103¹/₁₆. Бумага типографская № 2
Усл. печ. л. 10,5. Уч.-изд. л. 10,7. Тираж 2250. Т-16503. Тип. зак. № 1236. Цена 64 коп.

Издательство «Наука». 103717 ГСП, Москва, К-62, Подосенский пер., д. 21
1-я типография издательства «Наука». 190334. Ленинград, В-34, 9 линия, д. 12